

Литературный журнал

ЛАВА

№ 38

Харьков
2020

Литературный журнал
ЛАВА
№38
(2020г.)

УДК 821.161.1
ББК 83.3

Р е д а к ц и я:

Главный редактор —

Герман Титов (г. С.-Петербург, Россия)

Редакторы — Татьяна Шеина (г. Минск, Беларусь)

Андрей Костинский (г. Харьков, Украина)

Тексты печатаются в авторской редакции. Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Рукописи не рецензируются.

Редакция информирует об издании только тех авторов, чьи произведения отобраны для публикации, в полемику не вступает и оставляет за собой право на публикацию не полной подборки присланных произведений.

Издание двуязычное: украинский язык и русский язык.

Электронный адрес для писем: kostin-sky@mail.ru

Требования к присылаемым материалам:

Word, информация о себе, фотография и телефон для контакта.

**Издание является неотъемлемой частью проекта
литературного объединения АВАЛ
(основан 19 февраля 2010 года)
(руководитель — Андрей Костинский)**

Підписано до друку 21.07.2019. Формат 60x84 ¹/₈
Папір офсетний. Друк цифровий. Наклад 200 прим.
ПВПП «Слово». Свідоцтво про реєстрацію
видавничої діяльності ХК № 214 від 21.11.2007 р.

© А. Костинский, 2020
© Авторы текстов, 2020
© Литературное
объединение «АВАЛ», 2010

З М І С Т

С О Д Е Р Ж А Н И Е

- 4 Милован ВИТЕЗОВИЧ (Сербия)
(перевод с сербского — Елены БУЕВИЧ)
- 8 Елена ДАНЧЕНКО (Испания)
- 13 Сергей ОГИЕНКО (Люботин)
- 16 Ярослава ВАЙС (Краматорск)
- 21 Владимир КОВТУН (Харьков)
- 26 Иван НЕЧИПОРУК (Горловка)
- 30 Валентин ЩЕРБАНЬ (Харьков)
- 34 Маргарита МОСКВИЧЕВА (Сумы)
- 45 Андрей ПОЛЯКОВ (Сумы)
- 71 Анастасія САМСОНОВА (Харків)
- 76 Маргарита ВОРОТЫНЦЕВА (Киев)
- 81 Николай ВОРОТЫНЦЕВ (Киев)
- 86 Мария СТЕФАНЮК (Киев)
- 94 Алесандр ТРЕГУБОВ (Сумы)
- 97 Наталия РЕБАЛКО (Харьков)
- 124 Елена ДАНЧЕНКО «БЕЗМОЛВНЫЙ КРИК»
(о романе Амаяка Тер-Абрамянца «В ожидании Ковчега»)

Милован ВИТЕЗОВИЧ

(перевод с сербского — Елены БУЕВИЧ)

АЛЕКСАНДАР СЕРГЕЈЕВИЧ ПУШКИН

*Волео је лепе жене
И био убијен од лепог мушкарца
Булат Окуцава*

Време које није провео у љубави
Било му је изгубљено време

Тонући у разврат
Срео је Пикову даму
У Наталији Гончаровој

Уверен да је и њу написао
Мрети му се није хтело

Али је по наредби части
Изашао на двобој

Јер је и његово дело
Морало неког да надживи

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

*Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.
Булат Окуджава*

Время, потраченное не на любовь
Он считал потерянным

Погружаясь в кутежи
Встретил Пиковую даму
В облике Натальи Гончаровой
С полной уверенностью
Что и ее сочинил

Умирать ему не хотелось
Но исполняя долг чести
Вышел на дуэль

Ведь и поступки его
Тоже должны были
Его пережить

МИХАИЛ ЈУРЈЕВИЧ ЉЕРМОНТОВ

У Петрограду
Идући за оцем
Школовао се за коњичког официра

Учествовао је
У неколико борби
Док није потегао перо

За песму Пушкинова смрт
Добио је царско прогонство

Када је певајући
Одјахао у вечност
Под њим се Кавказ пропињао

МИХАИЛ ЈУРЈЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

В Петербурге
Идя по стопам отца
Выучился он на офицера гвардии

Выдержал несколько битв
Прежде чем взялся за перо

За стихи на смерть Пушкина
Заработал изгнание

Когда напевая
Верхом поскакал в вечность
Под ним вздыбливался Кавказ

НИКОЛАЈ ВАСИЉЕВИЧ ГОГОЉ

Оживео је Мртве душе
Својим духом
И жив умро

Гогољев Шињел је
Главни цензор
Дао дворском кројачу
Да га распара и преврне

Отад из њега
Излазе велики руски писци

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Оживил Мертвых душ
Своим духом
И умер живым

Гоголевская Шинель
Теперь главный цензор
Он отдал ее придворному закройщику
Вывернуть и распороть

С тех пор из нее
Выходят великие русские писатели

ЛАВ НИКОЛАЈЕВИЧ ТОЛСТОЈ

Када је Лав Толстој
У свом достојанству
Леђа окренуо Богу

Бог није могао да буде равнодушан

Колебао се
Да ли да крене за њим

Свестан свога и његовог угледа
Одлучио је —
Сачекаћу га у Астапову

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

Когда Лев Толстой
С чувством собственного достоинства
Повернулся к Богу спиной

Бог не мог оставаться равнодушным

Раздумывал
Пойти ли за ним

Сознавая свой
И его авторитет, решил:
Подожду-ка его я в Астапово

СЕРГЕЈ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЈЕСЕЊИН

Прво му је Константиново
Било Москва
После Москве
Није могао бити у Константинову

Отишао је
И из Москве и из Константинова

Одлазећи
Остао је вечити младић

За три деценије проживео је
Триста година саме младости

Никад није схватио
Да га мами вечност

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Сначала Константиново
Было ему Москвой
После Москвы
Не мог оставаться в Константиново

Покинул
И Москву, и Константиново

Уходя
Остался вечным юношей

За три десятилетия прожил
Триста исключительно молодых лет

Никогда так и не понял
Что его притягивает вечность

МАРК ЗАХАРОВИЧ ШАГАЛ

Било у Петрограду
Било у Москви
Било у Штетлу
Било у Паризу
Чак и у Лењиновом апартману
Отварао је прозор
Плаветног и звезданог неба
И дизао штафелај у небо

МАРК ЗАХАРОВИЧ ШАГАЛ

Это было в Петрограде
В Москве
В Штетле
Это было в Париже
Даже в квартире у Ленина
Открывал он окно
В светло-синее звездное небо
И туда воздымал свой мольберт

Милован Витезович — сербский писатель, руководитель Союза писателей Сербии. Родился в 1944 г. Автор романов, стихотворений, пьес, киносценариев и сборников афоризмов. Опубликовал около пятидесяти книг. Его произведения переведены на многие европейские языки, а также на иврит и китайский. Обладатель многочисленных наград.

СКАНДАЛ В АНДАЛУЗСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

В октябре мне не повезло: я попала в больницу. Туда мне совсем не хотелось, но так получилось: в лёгких скопилась жидкость и наш земский врач дал направление в медицинский центр в ближайший от нашей деревни городок Куэвас дел Альманзора. Там меня осмотрели, смерили давление, взяли анализ крови, и быстренько спровадили в больницу в город покрупнее — Уэркал Овера. Мы с Янриком понадеялись, что мне выпишут инъекции и я буду лечиться амбулаторно — это мне ободряюще пообещали врачи из Куэвас и выписали направление в больницу. В Уэркал Овера меня снова погнали по привычному кругу: анализы крови, рентген, кардиограмма, сначала обычная, за которой последовала более сложная эхокардиограмма ... Молодой врач вынес вердикт: «амбулаторному лечению не подлежит». Врач, как на грех, не говорил по-английски, тем более, по-голландски, а я до сих пор не говорю по-испански, в общем, Янрику пришлось поработать переводчиком. Врач убедил мужа согласиться на мое лечение в больнице — по причине моего не самого лучшего состояния. Но не самое лучшее состояние ещё не самое худшее и я, в свою очередь, долго и упрямо убеждала Янрика увозить меня домой. Врач оказался упрямым, Янрик не менее упрямым, между двух упрямец мое доблестное сопротивление было обречено...

В андалузские больницы просто так не пускают: если нет своей пижамы, то заставляют надеть больничное: штаны и просторную кофту голубого цвета и лишь после обряда переодевания выпускают из предварилочки и препровождают в отделение. Янрика пустили, в чем был, что несколько удивило: а в чем тогда смысл переодеваний?

Палата оказалась хорошей — всего лишь на двоих, и я была одна. Янрик обрадовался, сказал, что привезет мне сегодня же вечером пижаму, компьютер и все необходимое и исчез, а я стала оглядываться. Оконные рамы замечательные, новые, чистый туалет, совмещенный с не менее чистым душем, на полу настоящий мрамор — обычное дело в Алмерии: здесь его добывают. В палате все было как в обычной европейской больнице, но у стены, противоположной кроватям, почему-то стояли два тяжелых, каких-то угрюмых раскладных кресла. «Зачем это?» — промелькнуло в голове. Появилась сестра, сделала укол фуросемида и что-то сказала, чего я не поняла. Из нескольких знакомых мне испанских слов я соорудила фразу и донесла до сестры, что говорю *inglés*, она кивнула и куда-то ушла. Вместо нее появилась другая сестра, на этот раз англоговорящая. Она спросила, как мои дела, как я себя чувствую и сказала, что уколы фуросемида будут делать часто, а еду мне принесут. Еду на самом деле принесли на подносе и она оказалась вкусной: мисочка протертого овощного супа, кусок рыбы с рисом, тушеные овощи, йогурт и яблоко. И стакан сока.

Вечером приехал Янрик, как и обещал, привез всё что нужно для больничного времяпровождения, а главное — компьютер и жизнь наладилась. Я пообещала Янрику очень скоро поправиться и выйти из больницы и он снова уехал с легким сердцем. Счастье мое продолжалось ровно сутки: с субботнего вечера по вечер воскресный...

В воскресенье поздно вечером привезли в палату пожилую женщину. Женщина была подключена к кислородному баллону, в носу две трубочки. Ничего, и я такая лежала (в Голландии), причём в гораздо худшем состоянии. Вновь прибывшая глазами хлопает, улыбается, разговаривает, вполне вменяема. Знаю по себе, что если пациент так выглядит и реагирует, значит, состояние пациента не критичное.

С ней заходит ещё одна женщина, совсем здоровая, в обычной повседневной одежде и... не уходит. Час не уходит, второй. Я даже попросила ее купить мне воды в автомате на этаже. Янрик забыл привезти мне питье, а от фуросемида постоянно хочется пить — это лекарство высушивает так, что гортань слипается от жажды, говорить трудно и даже во сне снится вода... Родственница соседки купила мне бутылку минералки, за 95 центов, по моей просьбе: у меня не было монет, а бумажку в 20 евро никто не

сумел за целый день разменять. Но...родственница соседки все равно не уходит, и я не понимаю, почему. А потом со страшным грохотом сдвигает тяжеленные кресла и ... укладывается спать. Сестры на это спокойно смотрят и приказывают мне выключить свет. Я человек тихий, понимающий, достучиваю фразу но компьютеру, архивирую документ, выключаю инструмент, свет. Иду в сестринскую и прошу объяснений. Мне на слабом английском языке заявляют: «а у нас в Испании так положено» и тут же спрашивают: «А что, у вас в Голландии не так разве?»

— У нас и в России не так. В больницах ночуют только больные, а родственники приходят лишь в часы посещений. Не хотите ли мне показать документ, в котором написано, что в Испании такое возможно?

Меня ведут к стенду, который я даже успела сфотографировать. Там на многих языках мира, в том числе и на нашем родном языке написано: «пациенты могут сопровождаться в больницах родственниками на протяжении всего курса лечения, если это не входит в противоречия с медицинскими показаниями». И ни слова о соседях пациентов и о противоречиях с их соседскими медицинскими показаниями. Хитро закручено. И ни слова о ночёвках родственников под носом у пациентов-соседей по палате. Излагаю им все это на английском и на нескольких испанских словах. Понимают меня плохо, настаивают на своём.

— Покажите, говорю, детальные правила.

Правил в деталях мне не показали.

Возвращаюсь в палату.

Хочется спать, я все еще задыхаюсь, слабость валит с ног, в палате дышать нечем, здоровая родственница пользуется туалетом для больных, гремит тяжелыми креслами, бабка рядом активно и громко булькает жидким кислородом, они о чем-то вслух болтают. Мило. На мои потребности не реагируют.

Снова иду к сестринскому пункту.

— Хорошо, говорю, а если я завтра сюда мужа приведу и ещё десять родственников, что тогда? Будем все вповалку спать?

— Нет, — отвечают, — не будете, палата только на четверых. На втором кресле может спать ваш муж.

Удивляюсь немеряно: «а почему только на четверых? Штук десять родственников на полу разлюли-малина разместятся. Туалет, душ, горячая вода — все есть в палате! Еду по-соседски поделим, порции здесь хорошие. Прошу: «Позовите врача».

— Врач занят, — отвечают. — Хорошо, позовите ассистента, я имею право на сон, а здоровая родственница соседки его постоянно нарушает.

На меня шикают. Шикаю в ответ. Звоню мужу и прошу его немедленно забрать меня домой, потому что желание жить пока не иссякло. Муж поговорил с испанцами по телефону и пообещал приехать. А я уже почти плачу и прошу сестёр показать мне хотя бы одну палату с родственниками пациентов. Меня ведут по коридору и показывают палату, в которой находится молодая мать с ребёнком. Они что, издеваются?!

— Знаете что, сообщаю сотрудникам больницы, — документ вы мне адекватный и детальный показать не можете. Ваш стенд демонстрирует мутное и странное правило, которое трудно назвать законным. Пока здоровая женщина не покинет палату государственного учреждения, я спать отказываюсь и буду кричать на весь этаж. Моя соседка не умирает, и я пока что не умираю, но если вы превратите палату в проходной двор, то умру, что никак не входит в мои планы. Затем попросила привести полицию. Полицейские пришли, объясняю им по-английски, они не понимают ни черта... Но я говорю, говорю на непонятном им языке...

— Правее конечно, испанка, что логично: эта страна принадлежит ей по праву рождения. Роль «понаехавшей» мне и в Голландии обрыдла, если честно. За нашу испанскую квартиру заплачено полностью, хотя мы все еще и выплачиваем за нее кредит банку, но это не смертельно — платим же! Мы тут легально зарегистрированы, не отдыхающие мы туристы. Говорю им: «по rasagan», быстро вспомнив лозунг доблестного чилийского народа в борьбе за свободу и равноправие. И заодно пункт о недопустимости дискриминации в лечебном заведении, который мои глаза успели выхватить со стенда.

Вероятно, мой речевой поток, интонации, эмоции дошли до полицейских. Происходит чудо... вторую больную с ее здоровой членшей семьи срочно эвакуируют.

Уходя, тётка схватила бутылку, вылила ее содержимое в раковину, а саму бутылку со страшным хрустом смяла, с проклятьями в мой адрес. Без слов я начинаю демонстративно жевать принесенное из дома яблоко. Яблочный сок потек по подбородку, пришлось утираться рукавом казенной пижамы. Утираюсь также демонстративно. Темпера-мента мне не занимать — могу составить конкуренцию испанкам. Полицейский чего-то угрожающе мне говорит про Мурсию. На всякий случай обещаю устроить международный скандал, если они только посмеют меня замести в полицейский участок. Звоню Ян-рику с настоятельной просьбой меня забрать как можно быстрее, потому что, кажется, мне угрожают посадкой в тюрьму. На глазах изумленной публики пакую сумку. Тут же прибежал врач, владеющий английским языком, бледный, как полотно. Не было, значит, никакой у них ургенции (срочного вызова)! Так, голову морочили сестры «турист-ке» понаехавшей. Про правила родственного жития в андалузских больницах никто толком ничего не смог объяснить... С таким же успехом и я могла бы рассказать, что «а у нас в Гонолулу можно не только по ночам в палатах здоровым людям ночевать, но и любовью заниматься с больными». И ткнуть пальцем в размытый текст инструкции, отпечатанной на ксероксе и вдохновенно сочиненной мною самой.

Пять раз ко мне подходили с какой-то бумажкой, на подпись. Я качала головой и говорила: «Вот приедет «ми маридо» (мой муж), переведёт текст, и если все корректно, я подпишу. Интересное дело: ко мне, сердечнице, в палату, не спросив моего согласия, подсунули совершенно здоровую тётку вместе с больной, громко хлюпающей кислородным аппаратом, но при этом вполне веселую, разговорчивую и живую, не предоставили ни единого документа о том, что родственники могут жить в палатах даже по ночам, наговорили про несуществующую ургенцию, а врачи в это время уютно чаи гоняли в ординаторских! И вообще не захотели лечить амбулаторно. И еще какие-то бумаги непонятные подсовывают». Я ждала врачей. Вот пусть и они теперь подождут. Янрик скоро возник — второй раз за воскресенье, перевёл бесхитростный документ о том, что я отказываюсь от лечения (слава богу, хоть за решетку не посадят), я подписала и мы оправились домой. На часах было два часа ночи... А в три часа утра я уже благополучно спала в своей деревне.

...а в Мурсии, оказывается, ночующие родственники не положены. В следующий раз надо будет попытаться попасть туда, благо наша квартира находится как раз на границе двух провинций: Андалусии и Мурсии.

ОБЛАТКА С АНГЕЛОМ, ИЛИ КАК ПОПАСТЬ В ТАЛЛИН ВМЕСТО ВИЛЬНЮСА

Очень просто. Сначала надо собрать в дорогу объёмистые чемоданы с вещами на пару месяцев и отправить с ними мужа на машине с прицепом, договорившись встретиться в Вильнюсском аэропорту — через три дня. Потом привести квартиру в порядок, не особенно заморачиваясь упаковкой последнего чемоданчика — ручной кладью (компьютер, зубная щетка и больше почти ничего). Написать записку с последними ценными указаниями Трауди, приятельнице и соседке, которая присматривает за домом в наше отсутствие. Встать рано утром (самое трудное), стряхнув ночной кошмар (а снилось, что я не могу попасть на свой рейс), дожждаться такси и выехать в Схипхол. Бодро встать в очередь к регистрационной стойке, отстоять её, внутренне насвистывая и только подойдя к регистраторше, понять, что ... забыла паспорта. Все до одного, у меня их три. Караул полный, но паниковать, тем более плакать, некогда.

Пришлось побеспокоить Труади и попросить её привезти паспорта. Трауди идея не понравилась. Ещё бы — ехать из Дрибергена в Зэйст, карабкаться на третий этаж, искать паспорта, потом везти их за сто километров в аэропорт... а у неё встреча с подругой. Она очень не хотела, но обещала привезти.

Сообразив еще у стойки, что мой самолет улетит через час двадцать и Трауди, в любом случае, не успеет, пошла к кассам «Last minute» — купить новый билет и по дороге попытавшись узнать, где и как сдать пропавший билет. Насчет улетевшего билета сказали: «Звоните в Ригу, в Air Baltic. А по поводу нового билета: станьте воон туда, в другую очередь». Перешла, стою в новой очереди, не дёргаюсь — видно, суждено мне се-

годня в очередях стоять. Заодно позвонила в Ригу. Дозвонилась с пятого раза (вечное занято и «ждите ответа», с последующим срывом связи) и услышала, что билет куплен через компанию KLM и обращаться надо туда. Стою кариатидой, не шелохнувшись. Симпатичная молодая китайка за стойкой (по-голландски не говорит, перехожу на английский) сделала всё возможное и невозможное, перелопатив все авиа-сайты. На 19 июля почти всё оказалось распродано, остались кое-какие билеты на завтра ... На 20 — билеты в бизнес-класс по семьсот-восемьсот евро (кхм-кхм), и даже их смели перед носом, пока я обалдело думала. Чудом нашлись два билета, один на завтра в Вильнюс с пересадкой в Таллине, за триста восемьдесят, другой на 100 евро дороже, но на сегодня, и — в Таллин.

— Резервируйте оба и срочно! — пискнула я. — А паспорт мне скоро принесут. Надо было советоваться с Янриком, позвонила ему. Успела сказать два слова и... телефон сел. Пошла побираться по аэропорту. Одна из сотрудниц, в синей форме согласилась дать трубку, но строго на один короткий разговор. Кое что успела сказать мужу. Трауди позвонить уже не удалось. А вот девушки у стойки Last Minute любезно согласились дать трубку рабочего аэропортового аппарата на сколько угодно, протянув её на шнуре над стойкой. Янрик спросил только, где «этот Таллин». Просветила его, что где-то у границы с Финляндией, столица Эстонии вообще-то.

За то время, пока искала ещё одну возможность позвонить, Янрик успел остановить машину на польской трассе, заглянуть в Google Earth, и понять сколько километров ему придется ехать до Таллина. На самом деле 600 дополнительно, а потом еще столько же на юг, к Латвии и Беларуси, но я тогда этого еще не знала.

— Доеду, — бодро пообещал Янрик, — лети в Таллин. Паспорта пока не было и я сказала добрейшей китайке Тинг, что пойду сдавать билет. У всех стоек аэропорта меня дружно посылали с моим просроченным тикетом Air Baltic. Голландцы слабо понимают, что значит слово «Таллин» и где такой населённый пункт находится. Оглянулась и увидела бегущую по людским волнам Трауди, в сопровождении полисмена. Она сунула мне в руки паспорта с озабоченным и, я бы сказала, озлобленным лицом, буркнув при этом: «Ты ввергла мой день в хаос. И я немедленно убегаю, потому что не могу стоять у аэропорта». Побежала в обратную сторону, не дожидаясь ответа... А ведь паспорта-то привезла — Алиллуйа! Потом я долго строчила ей смски с объяснениями и она даже что-то из них поняла. Но ведь, чёрт! — я все равно сорвала ей — Встречу! С Подругой!!! Наверняка они собирались пить чай с тортом, выпечки самой Трауди. Наша смотрительница — знатный пекарь. Две женщины собирались рассказывать друг другу свои нехитрые новости, неторопливо и с паузами перемывать кому-нибудь косточки... такие встречи назначаются порой за месяц.

Теперь я внимательно огляделась. Основная голландская компания KLM находится в конце второго зала отбытия, а я в начале первого... Мама, роди меня обратно! — чтобы я не тащилась через две кишки немеряной анаконды породы «Отбытия. Схипхол» ...ведь я так плохо себя чувствую и падаю от усталости. Но поплелась. Пришла. Взяла билетик своей очереди, дождалась её — чтобы услышать несколько деловых, бесчеловечных фраз:

— Мы денег не выдаем. Вы билет заказывали через интернет, вот через интернет и обращайтесь. Шансов мало, но, возможно, что-то вернут. Не забудьте записаться справкой от врача. Всё, следующий!

«Это во сколько же мне обойдется экскурсия в Таллиннский аэропорт? И о чём должна быть справка от врача — о том, что у меня малярия?» — застучали в голове невесёлые и простенькие мысли, в то время когда ноги, заплетаясь и спотыкаясь одна о другую несли меня к Тинг, за билетом.

— Давайте, — говорю, — билет.

Тинг защелкала клавишами, спросив как я буду платить: наличными или картой.

— Картой, — и сую ей банковскую карточку. Она мне — аппаратик. Ввожу карту, код, получаю чек, почему-то на 10 евро дороже. Тинг объясняет, что в «Последней минуте» такие порядки — при оплате картой все дороже. И тут выясняется, что аппарат по распечатке билета не работает. Тинг вежливо просит подождать, пока она сходит в соседнее окно и распечатает билет. Возвращается. Берет чистый лист бумаги и пишет цифри и буковки. Протягивает со словами:

— Извините, и там аппарат не работает. Но Вы не волнуйтесь, Вы есть в системе, билет куплен.

— Нет, это Вы меня извините, но я никуда не уйду без билета. Я заплатила почти 500 евро, совсем мне не лишнего и мне нужен билет.

— Тогда я пойду с Вами на регистрацию — она скоро начнется.

И мы бодро зашагали в непонятный и до последнего времени несуществующий Терминал 1А, в котором я пока еще не была. Оказывается, в этом году его только-только сдали, для рейсов на Север.

Билет, кстати, в том терминале мне все-таки распечатали, чем хоть как-то душу успокоили. Настала пора отпустить Тинг и хоть как-то возместить ей недоверие издерганной пассажирки — меня. Денег нет, конфет и шоколада тоже нет, и тут я вспоминаю про красивый металлический овальный знак в кошельке. Такая серебристая облаточка, с девочкой-ангелочком, в платьице и гольфах. У девочки крылышки, в руках корзинка, а сверху написано: «Ваш ангел всегда с Вами». Купила я бляшку на выставке Ангелов в музее религии Утрехта, довольно давно. Вынимаю облаточку-ангелочка, и, взглядев-шись в образ девочки, ...вижу явное сходство с Тинг! Те же две косички по бокам, тот же острый подбородочек и раскосые глаза.

— Возьмите, она Ваша. Больше у меня ничего нет, но она принесет Вам удачу. Обнялись и попрощались, и я пошла в новый, совсем новый зал — ждать очереди на посадку в неизвестный мне доселе город Таллин.

Елена ДАНЧЕНКО — поэт, прозаик, переводчик, рецензент, журналист. Закончила факультет журналистики КГУ (Кишинёв) и училась в Высшей школе переводчиков г. Утрехта (Нидерланды). Автор 6 книг стихов и одной книги переводов, совместно с американским переводчиком. Лауреат и финалист многих конкурсов: имени Ольги Бешенковской (Германия), Дюка Ришелье (Германия-Одесса), Международного литературного фестиваля (Прага), «Музыка перевода» (Москва), «Лучшая книга года» (Германия), Премии имени Игоря Царева, лонг-листер Бунинской премии, Волошинского конкурса, Премии «Белла» и других.

Автор публикаций стихов, переводов, прозы и публицистики в журналах: «Дружба Народов», «Новая Юность», «Знамя», «Смена», «Москва», «Иностранная литература», «День и Ночь», «Урал», «Зарубежные Записки», «Дарьял» и др.

КРАН

Кран тихо и воспитанно торчал из стены в густонаселенное жизнью пространство кухни, кран желтый, классический, с внимательно развисяющими ушками вентиля и красивой линии носиком. Кран хранил вежливое молчание и озарял мир мягким эллигическим отблеском меди.

Над краном, видом слишком разные, стояли люди — Хозяин и Слесарь. Индивиды их фигур пребывали в теплой вате недоумения, когда хочется влечься течением и плыть, неглубоко философствуя.

Слесарь протянул аккуратную, как по дорогому заказу сделанную ручку к тихому носу крана и плавным ручейком произнес:

— Кран стоит у вас очень хороший, умный кран, только в нем главного нет — воды. Чем я теперь работу проверю?

Слесарь сказал это и мокро булькнул губами. Он был маленьким, удобным для применения человеком с водянистыми пузырьками глаз, плавающими в бледном разливе лица. На голове имел похожую на крышку канализационного люка кепочку, из-под которой лил водопад прозрачных волос.

— Воды? — спросил Хозяин и ткнул свою крупную, с запасом сделанную руку под нос обсуждаемому крану. Кран вздохнул тем немногим воздухом, на который считал себя вправе, отчего Хозяин, стоя понтификом, с чувством превосходства определил в кранном профиле что-то семитское. — Вода как и счастье — обязательно будет. Так что можно и ждать.

Хозяин являлся очень крупным человеком и постоянно походил на рыхлое перезревшее яблоко белый налив. По обширному государству его лица вольно-отпущенными дозорными перемещались крупные взглядчивые глаза, от щеки к щеке двуспальным диваном развалились толстые, знающие вкус жизни губы.

Тактичный кран все торчал из стены над матерински раскрывшейся под ним пригоршней раковины и тоже ждал от себя воды. Вода же, беспутная и переменчивая, шныряла где-то в лабиринтах чужих труб и подкатывала к горлу каких-то других, безмерно далеких кранов.

— Водочки? — спросил вслух Хозяин, перемещая материк своего тела в сторону демонстративно зябнущего холодильника.

— Ждать..., — глухим подводным голосом прозвучал слесарь и продолжил истечение мысли. — Вся наша жизнь — ждать.

— Водочка! — с подносом в яблочных руках воздвигся над Слесарем Хозяин: бутылка и два близнеца стакана. Любое налитое количество рядом с Хозяином превращалось в мизер.

— Ваше! — произнес водяной Слесарь и с журчанием развел в себе первый стакан водки. — Спирт. Чистейшей воды спирт!

— Наше! — согласился Хозяин, одним вжимком вбирая порцию мизера. — А там как — воды нету?

Слесарь отступил от фуршетящего Хозяина в сторону крана и уже пробовал там своей полудюймовой ручкой:

— Как и не было. А хоть была когда?

— Была, — просто ответил Хозяин. — Вода была, жена была, а теперь вот — водку пьем! — и наполнил стаканы мизером до краев.

— Была? — гладью лица Слесаря прокатилась крупная волна удивления. — Вот бы не подумал. А так у вас чистенько, сухенько!

— Это я сам, — сказал хозяин и улыбнулся так размашисто, что Слесарю сделалось тесно.

— А у меня, — Слесарь прибавил в себя водки, — хозяйством только жена занимается. Стирка, готовка — все это женщина делает инстинктивно.

— Мож-жет быть, — внутренним голосом сказал Хозяин и посмотрел на вжавшийся в дно бутылки жалкий остаток водки. Слесарь стоял над обезвоженным краном и щеко-тал у него под носом, прося хоть немного пролиться водой. Хозяин подумал и налил се-

бе одному, водочный мизер исчез, не дойдя до губ. Кран вздрогнул и неожиданно чихнул чем-то красным, похожим на туберкулез. Холодильник перестал дрожать и брезгливо вытянулся.

— Во! Во! — ребенком в воде взбрыкнулся Слесарь. — Уже из себя сосет! О! Пошла!

Ржавая струя хлыстом ударила в раковину. Хозяину показалось, что кухня вскрыла вену: он бросил свое вмиг облегчавшее тело к крану и стал неистово вертеть его за уши.

— Что вы! Пусть бежит! Ржавь должна выйти вся! — всхлипнул Слесарь. На радостной акватории его лица быстро возникла рожденная криком воронка рта. Хозяин взял себя в руки, и его тело вновь набралось спелой рыхлостью. Из крана теперь била светлеющая струя, профиль его утончался и как бы тянулся вослед струе. Холодильник отлип от стены и забился мелкой жлобской дрожью.

— Все! — тоном демиурга произнес Слесарь и точным движением руки прекратил струю. Последняя капля грузной старухой выдвинулась из носика, обсмотрелась и влезла обратно в кран — много шума и много жизни. — Кран работает более чем!

— Ну вот и славно, — тяжело переваливая губы по лицу, как-то вне выражения сказал яблочный Хозяин. — Вот ваш гонорар!

— Спасибо! — водой в глубоком сосуде прошелестел Слесарь. — Вы если что — зовите.

— Хорошо! — спело похрустывая в суставах, влек Слесаря в прихожую Хозяин. — Обязательно, если что.

Кран изначально торчал из стены. Аристократизм его черт никак не страдал от сдерживаемого им натиска буйной воды. Кран берег скромное молчание.

СУИЦИД

Амбразуры глаз. Частоккол зубов. Каска волос. Трещинки в железобетоне щек.

У коммерческой продавщицы не лицо, а целый укрепрайон.

— Что?! — досылает она патрон слова в патронник.

— «Кока-колу», съедобную булочку и «вещь в себе» — болгарские помидоры в томате! — Уже отстреливается от нее Кашкин.

Продавщица выкладывает баррикаду из заказанного на безразличный прилавок, милитаристское лицо набухает привычкой злости.

Кашкину начинает быть тоскливо. Он открывает наглуемую заморскую «колу», но съедобная булочка не лезет в нору рта. Беззарплатная работа, уродливая жена, на которой Кашкин женился лишь для того, чтобы не тратиться на «комнату смеха». Из космических глубин подсознания с неотвратимостью загговского штампа в мозг шлепает склизкое слово «суицид».

«Конечно, — думает про себя Кашкин. — И как я раньше не догадался?»

Кашкин подходит к огромному нищему с молотобойными руками, которого можно принять за бандита, если бы не придуманная к нему табличка: «Подайте кто... может, поможет». Нищий медленно ест не меньший, чем сам, хотдог, держа хот в левой руке, а дог — в правой.

Кашкин рвущейся походкой приближается к нищему и вручает ему банку болгарских помидор. И, уже ложась в вираж отхода, слышит горячее: «Э!» — нищий вкладывает в непонимающую руку Кашкина «пятерку» и поощрительно бахкает по волнообразному плечу.

Именно там, где опостылевший город вырождается в перееханный железнодорожной колеей пустырь, Кашкин останавливается и бережно, как на отдых, укладывает голову на бесконечную спагетину рельса. Суженные зрачки ромашек недоверчиво смотрят за ним. Где-то на грани синевы надрывно поет жаворонок, слов из-за расстояния не разобрать.

Плохо. Смерть ведь должна быть удобной, как сон. Кашкин жалеет, что не взял подушку. Наглая шпала давит плечо и пахнет той штукой, которой их всех пропитывают. Поезда нет, он где-то блукает в жаре; Кашкин закрывает глаза и немного сбивается в дрему.

Это уже не сон. Над ним стоят уходящие к жаворонкам фигуры, у каждой в руке по нормальной сумке.

— Эй, мужик, — высоко, как и стоят, тянут фигуры, — ты чего? Пить будешь?

— Мне нельзя, — серьезно отвечает фигурам Кашкин. — У меня суицид.

— Да-а..., — сочувственно, в длину рельс тянут фигуры. — Попробуй полечись! — и оставляют перед Кашкиным бутылку чего-то со злобным рисуночком на этикетке.

Фигуры уходят, а поезда нет. Кашкин переворачивается на свежий бок и сливает бутылочную жижу на шпалы — посмотреть, как тут будет лежать его кровь. Жижа вспузыряется и бегло испаряется, пугая угодившего в нее муравья.

Кашкин отбрасывает похожую на располневшую вдову бутылку, и она одиноко накаляется на солнцепеке.

В затылок Кашкину несмело хыкает и тычется приятный холод. Кашкин сменяет бок и видит черную заросшую собаку. Кашкин смотрит в ее сливающиеся с шерстяным фоном глаза и видит в них локомотив, отдаленно наползающий на рельсы. Собака перешагивает через Кашкина и уступает локомотиву дорогу.

Кашкин укладывается правильнее и начинает ждать. Морда локомотива перенята с африканской маски. Он урчит, как старый заключенный; рельсы, на которых отстраненно, будто его здесь нет, находится Кашкин, покорно ложатся под колеса.

«Сейчас!!! — во всю громкость мысли думает Кашкин. — Сейчас!!!» Не доезжая к как бы уже заранее мертвому телу, локомотив тормозит и бодро укатывает назад.

— Маневровый, — стонет Кашкин и подымается уходить домой.

* * *

если уж разложили меня
на атомы
на молекулы
значит мне положена
энергия
я
выбираю
атомную
чтобы всё.

ПОТАЙНОЕ

потайным ключом
провожу по небу

не могу открыть его

лишь гравирую
утерянные сны

это как любовь к солнцу —

не можешь без него
и прячешься от него

как крики чаек
внутри
как гудки поездов
вдали

и небо заодно с любовью
быстро затягивает следы

и на улыбку мою
отвечает

слезой

* * *

скажи, это ведь не страшно
от птиц, живущих во мне
нет прока
разве мечта о крыльях
а у музыки звучащей во мне
нет звука
разве мечта о песне

низких полетов не хватает
даже на предсказание о дожде
и всюду мерещатся тени от
крыльев Икара не ставшего птицей
но ведь ставшего мифом
о мечте
?

* * *

Я не искала тебя
Но случайно встретила
У тебя не было ничего своего
Но ты был абсолютно своим
Я предложила себя
А так же стены, крышу, диван, окно
И даже коллекцию кактусов.
Я знала, что однажды ты уйдешь
Сказав, что тебе приснилось другое имя
И напоследок спросишь моё.
Я промолчу, потому что видела твой сон
Ведь так интереснее, когда ты сам
Поймешь и наверно обрадуешься
Что это снова я
Ну да, прости....немного магии
Я не сразу произношу
Все свои имена

* * *

осенние яблоки
созрели
для поцелуя
терпкий вкус
не забыть

* * *

Тихо
Невыносимо
В открытых ртах дверных замков
Чернеет пустота
Найти того
С кем разделить сегодня
С кем можно слушать колокол до бесконечности
И провожать мыслью звук,
Что растекается волнами
Смотреть как плоско все внизу
И эта суета наклеенных снежинок
И эти глупые шутки и смех
И эта иллюзия радости когда
Внутри страх
...
(растаял снег)

* * *

осень
смотрю на птиц
и кажется
все их мысли о том
как бы согреться
где бы поест
щёлкают клювами по холодным деревьям
дрожат подобно
уличному фонарю
догорающему подобно
любому пламени

* * *

Мой нетбук Жан
И рабочий комп Петр
В упор не видят друг-друга...

Вот так, бывало, и люди
Вроде и связаны одной сетью
скованы одной целью
Да с заколоченными мыслями
замороженными искрами
заболоченными чувствами
захлопотанными прутьями
Из которых построена заводь
В которой поселились сны
Из маленьких стоп-кадров
Про то, что мы — Немы
А словно сомы
Открываем рты, а там
Ни звука, ни титров
Лишь брюхом по дну
Пускаем многозначительные
Пузыри

* * *

Вы плачете?
Нет, что вы, досада в глаз попала
Наружу рвется
Дрожит как гусеница под листом
Притихшая душа.
С закатом солнца угасает
Частица времени-песка

«Я теряю себя постепенно, построчно»...
Перезагрузка, ескаре, не спасли бы меня
Это точно

Боюсь ничего не успеть
Хочу ничего не хотеть
не думать, не знать
не видеть
Боюсь ничего не понять

Боюсь никуда не попасть
Хочу успокоиться в Духе
И к ангелу в руки упасть

* * *

мне снилась галактика —
мы с ней одной ночи.
ее сны внушают невесомость
мысли бьются о строки
и уже не видно в их прорези,
где реальность, а где вымысел.
а если отделить одно от другого
то такой сон становится неуютным
но реальность разбудила, как выстрел
и по орбите рассыпался звук.
я чувствую детонацию нового дня
всемирная матрица включила программу
вперед-вперед
в ячейку утреннего сознания
добавлена порция энергетического коктейля
из крепкого чая
и пары телефонных звонков
после которых галактика
с её снами
растаяла окончательно
...

* * *

один человек
умирал
то от скуки
то от смеха
от ожидания
от голода
от человеческой тупости
от рекламы
а потом перестал париться
и решил сменить привычки
справедливо полагая
что от новых умирать интереснее
и что фраза memento mori
это ведь про море?

* * *

один человек
азбуку изучая
всю жизнь
под конец
не мог составить ни слова
ни предложения
справедливо полагая
что азбука — для детей
для взрослых — молчание

* * *

Следы на асфальте
Жгучим пеклом
Пронзают насквозь...
Просто пикник
Вот пляска полоумного шута-поэта
В одной горсти
Инсталлирован весь мир

Формулы мироздания
Рассасываем
Как карамель
То ли приторно-сладкие
То ли горькие, как эль

Все истинные, правильные вещи
Рассовываем в разные углы
А лишь приходит смерть
Найти не можем
В каком шкафу заперты они

И роюсь в глубинах памяти...
Постойте!
Еще один прощальный вдох
Поверьте — был и я хорошим
— Эй, подождите!
Я еще не сдох

Прощальное затмение Солнца
И мир по вертикали
Растаял в точке пересечения
Со мной
В горизонтали

СВЯТОЙ ВЕЧЕР

Был Святой вечер, погода вполне соответствовала этому празднику. Все вокруг было пропитано ощущением сказки. В такое время надо с детками смотреть в окно на улицу, показывать им белое одеяло снега, укрывшее землю, небольшую метель снежинок, кружащихся у желтых фонарей, сосульки на них, что свисают как сережки на фоне оранжевого неба, и рассказывать им про темный лес, что стоит за городом, а в этом лесу, под большими пнями, засыпанными снегом, живут маленькие гномы. Белочки в своих дуплах грызут орешки, медведи в берлогах спят до самой весны, а олени стоят как часовые на опушке под деревьями и охраняют лесную тишину. Детей потом укладывали спать, а слабо верящие родители, испорченные атеизмом, по инерции генетического наследия исполняли ритуал этого вечера. Все, что надо было съесть — было съедено, а выпито тем более. Когда-то все так и было, а потом Время достало свой календарь и стало листать его, как ветер листает страницы раскрытой книги.

Снова Святой вечер. Все также метет снег за окном. Опять небольшой морозец развесил сосульки на крышах домов и уличных фонарях, а ощущение сказки уже выветрилось. За столом сидит семья, а вместо маленьких детей — два почти взрослых парня снисходительно смотрят на отца, нескладно произносят свои речи и пьют вино за мое здоровье. Угораздило же меня, большого грешника, родиться в этот вечер. Снова что было на столе — съедено, и выпито тоже. Все тот же ветер Времени листает страницы календаря моей жизни, осталось, может быть, несколько страниц и книга захлопнется. Вечер перейдет в ночь, а ночь, может, и не закончится утром.

Снова Святой вечер, дети — уже взрослые мужчины — обзавелись семьями, наверное, рассказывают своим детям сказки, и садятся за праздничные столы. У меня тот же стол, правда, на нем, как у старого попа, пропившего свои молитвы, ни прихода ни дохода, что бог послал, да, наверное, не дослал. Все что можно было съесть, уже съедено, но выпито не все. По старой привычке курю на балконе, хотя некурящих уже не осталось. К моей кормушке прилетел ворон, поклевал остатки вчерашней еды, посмотрел на меня, наверное, хотел что-то сказать, а потом передумал и улетел. Раньше прилетали синички, а сегодня, в такой праздник, вдруг — эта зловещая птица. А может, это вовсе не ворон? Я курю и думаю, если это так, то что это значит? Может, это черт или перекрасившийся ангел, чтобы не выглядеть белой вороной, так поздравляют меня с праздником? Если ангел мог бы явиться, например, в виде голубя, с какой-нибудь запиской, тогда было бы проще понять кто это. Нет, не похож этот поганец на ангела, уж слишком он черный и недружелюбный. И кто его сюда послал? Может, Гоголь, и на что-то намекает? Ведь Гоголь — демон или бес, или кто он там у них, я не знаю их субординации. Это он взял и отделил часть тела у простого чиновника, одел ее и пустил гулять по Невскому, и это только один эпизод его чертовщины. Кто-нибудь кроме него мог сотворить что-то подобное? Вообще с этим надо разобраться. Если прилетевший ворон — это какой-то знак, то какие знаки сидят вон на дереве? Их там целая стая! А этот гаденыш поклевал и улетел, и поговорить не с кем. Говорят, что они мудрые птицы. Узнать бы у этого красавца, чем отличается истина от правды? Вот Пауло Коэльо писал — читайте знаки. Да я бы рад их читать, только как отличить вещие знаки от простых? Вот буква — знак, цифра — знак, дорожный знак — тоже знак, это я все читаю и без проблем, а ворон какой знак? Человек и так обставлен знаками как военный объект колючей проволокой. Надо бы сделать так, чтобы эти знаки светились в темноте, что ли, тогда их проще было бы отличить от простых знаков. Странная штука жизнь. Бывают такие моменты, когда трудно отличить, ты еще спишь или уже проснулся. А бывает закрою глаза, а на меня все едет и едет дорога, и этот козел в бейсболке вдруг выскакивает из ниоткуда. Скрипят тормоза, или это мои зубы скрипят от неотвратимости наезда и сознания собственного бессилия? А потом все куда то пропадает. Почему-то ученые не изучают, куда оно девается, а все гадают, есть НЛО или нет? Они что, не знают, что его закатывают в бутылки с водкой, а потом продают в магазинах? Вот выпьешь бутылку, и начинают в глазах зайчики летать, или НЛО, как мужики называют этих зайчиков. А если пить все время, то зайчики превращаются в белочек, а чтобы избавиться от них, надо перестать пить, или ехать в лес, к деревьям, и там выпускать

этих белочек, пусть живут на свободе, а не лезут в глаза как мухи зеленые. Сейчас докурю, пойду, допью, что там осталось, соберу крошки со стола, поставлю силки, поймаю этого красавца залетного и, наконец, выясню, что это за знак, и кто его послал, чтобы не мучиться потом этой неизвестностью.

ХОЛОСТЯЦКАЯ ИСТОРИЯ

В моей холостяцкой жизни бывают такие вечера, когда хочется с кем-нибудь поговорить по душам, поделиться своими мыслями, а таких собеседников, к сожалению, не наблюдается, и я решил излагать это на бумаге, хотя прекрасно понимаю, что писательство — зуд самолюбия. Это как чесотка, хоть и болезнь, но иногда получаешь удовольствие. Я сегодня решил рассказать вам одну историю из этой самой жизни.

После пяти лет работы на севере я вернулся домой, в свой родной город, и уже почти месяц, как наслаждался безделием, хотя такая трата времени — это как сладкое, в больших количествах вредное для нормального человека. Не далее как вчера встретил на улице институтского однокашника, мы оба были рады видеть друг друга. Какая встреча! «Давай зайдем в кафе, посидим, поговорим», — предложил он. Я, естественно, согласился. «Давай, рассказывай, где был, чем занимался?» «Был на севере, командовал гаражом, короче, был завгаром, обслуживали буровые вышки». «А машин у тебя было сколько?» «42». «М-да, тебе было не скучно, я представляю. А что там за публика?» «В основном, бывшие ЗК». «Ну и как, ты с ними сработался?» «Я старался». «Ты сейчас в отпуске или домой, насовсем?» «Я уже наелся экзотики, с меня хватит». «А как семья, дети?» «Как видишь». «Что видишь?» «Я и есть семья». «Значит, совсем холостой?» «Так и есть». «Ну, и куда теперь?» «Еще погуляю недельку, другую, а потом уже буду заморачиваться этим вопросом. Ладно, а ты как?» — поинтересовался я? Он ответил: «Я на старом месте, руковожу автошколой, правда, наш областной совет немного урезал нам штат, зато зарплату добавил, теперь я и директор, и завуч. Слушай, Леня! У меня к тебе деловое предложение, иди к нам на работу! У нас одного преподавателя, дедушку, инсульт хватил, теперь он не работник, группа, что он вел, уже прозанималась месяц, а заменить его некому. Люди деньги заплатили, время спланировали, а теперь все стало, может быть скандал. Чужого брать не хочется, а нормальных людей под рукой нету. А для тебя работа по профилю, не грязная, как в гараже, отчитал свое, рот закрыл, и рабочее место убрано, и ни с кем ругаться не надо, занятия через день по вечерам с 6 до 9. Тут всего-то два месяца осталось, не успеешь разогнаться, уже надо тормозить. А то ты через две недели или в запой уйдешь, или засохнешь от скуки. Попробуй, не понравится, рассчитаешься. В общем, так, думай до завтра. Надумаешь — я в автошколе, ты знаешь, где это». На том и разошлись. Я подумал, а действительно, почему бы и нет? Вместо мата и фени хоть нормальный русский язык вспомню. Пришел в автошколу за час до начала занятий, зашел к директору, написал заявление, получил инструкции о специфике работы, взял ключи и пошел на свое новое рабочее место. Класс — большая светлая комната на три окна — был хорошо оборудован. Напротив окон под стенкой — агрегаты автомобиля в разрезе, макеты проезда жд переездов, плакаты по устройству и работе всяких систем, магнитная доска с модельками машинок для обучения очередности проезда перекрестков. В общем, полный набор, не надо ничего показывать на пальцах. Сел за преподавательский стол, достал журнал и углубился в чтение, что там они прошли по программе. Стали заходить посетители, то есть курсанты. Ровно в 6 часов встал из-за стола и объявил: «Ваш преподаватель серьезно заболел и уже не будет работать. Вместо него у вас теперь буду я. Зовут меня Леонид Николаевич Уколов. Я сделаю переключку и попутно буду знакомиться с вами, а потом продолжим изучать, что там у вас по расписанию. Подход к обучению у меня такой: я рассказываю новую тему, потом вы задаете вопросы. Обещаю вам, что ни один из них не останется без ответа». В группе было 22 человека, публика самая разношерстная и по возрасту и по образованию. Среди них три женщины, одна, что сидела во втором ряду, у меня, как у одинокого волка, пережившего зиму, вызвала чисто мужской интерес.

На следующем занятии произошла рокировка, она со второго ряда пересела на первый, и теперь была в блузке с глубоким декольте, демонстрируя свои роскошные груди. Наверное, у нее ко мне тоже появился свой интерес. Я заметил, что она не была

окольцована, это прибавило оптимизма. Между парами я делал перерыв на 15-20 минут. Кому покурить, кому в туалет, или просто размять ноги. Большинство из них приходило на занятия прямо с работы. Она тоже выходила размяться, и несла свои груди как легкий крейсер несет орудия главного калибра, расчехлив стволы и став на боевое дежурство. Прошло две недели. На второй паре я стал раздавать билеты с вопросами по программе обучения, чтобы они находили правильный ответ и закрепляли свои знания. Она позвала меня что-то спросить, я наклонился к ней и стал объяснять, наши взгляды встретились. Говорят, что глаза — это зеркало души. У нее же это зеркало отражало глубокий омут, а что в нем, совсем не просматривалось. Я понял, что искупаться в этом омуте у меня не получится. В нем надо или утонуть, или вообще не заходить в эту темную воду, но попытаться стоило. На перемене я как-то подошел к ней и спросил: «Скажите, а по устройству вам все понятно? Может, вам неудобно спрашивать, могу еще раз объяснить». Она ответила: «А зачем мне все это?» «Затем, что это есть в билетах, на которые вам придется отвечать на экзамене в ГАИ». «Но вы же рассказывали, что допускается одна ошибка, а там как раз один такой вопрос. И вообще, вы когда-нибудь видели, чтобы женщина в машине ковырялась?» Я подумал — ответ достойный арифмометра, все прочитано и все правильно, логика железная. Другой раз проводил ее к остановке, тут уже она нагрузила меня вопросами: «Расскажите в деталях, как проводится экзамен в ГАИ?» Я стал рассказывать. Она спросила: «А чтобы сдать с гарантией?» «Гарантия стоит денег. Других способов я не знаю». К началу занятий пришел директор с двумя мужчинами и каким-то майором. «Привет, Леня! Я тебе привел инструкторов по вождению, пора твоим подопечным уже учиться ездить, и еще одного посетителя, будет у тебя вольным слушателем. Это военный прокурор, его недавно перевели в наш гарнизон. Меня попросили за него, пусть к тебе походит. Ну, и как тебе у нас работается?» «Нормально. А как моя работа публике, у них спроси». «А я уже спросил. Тут один мужичок с моего подъезда у тебя занимается, он доволен». Я заметил, что эта женщина действует на меня как Луна на земной шарик. Когда приближается, то есть присутствует на занятиях, у меня начинается прилив. Это не то, что вы подумали. Прилив хорошего настроения. Однако надо было что-то предпринимать, сейчас это выглядит как школьная любовь — одно обожание, что явно не подходит по возрасту. И конечно, надо решить, менять свою привычную жизнь или нет? Впускать в нее другого человека, который перевернет ее до неузнаваемости? Мысли маятником качались из одной крайности в другую. Дело в том, что у меня уже был опыт семейной жизни, от которой я и сбежал аж на север. Для мужчины обручальное кольцо — это ошейник с поводком. Женился, и ты уже на привязи. Она может отпустить тебя погулять, а может и нет. Сделать длинной эту веревочку или короткой — это уже по настроению. А если оно у нее плохое, то она и тебе его испортит, можешь не сомневаться. И не дай бог ты забудешь число в календаре, когда вы поженились. Пока мой маятник качался, не находя покоя, она быстро раззнакомилась с прокурором. Они выходили на перерыв уже вдвоем, а после занятий уходили вместе. Я понял, что мой поезд ушел. Вернее, его увели, как когда-то цыгане уводили лошадей. В конце недели курсы заканчивались и по программе стоял внутренний экзамен — генеральная репетиция такой же процедуры, как в ГАИ. До этого события оставалось еще два занятия, а она взяла и не пришла. В мои обязанности входило оформить все необходимые документы на каждого из курсантов. Выписать свидетельства об окончании, заполнить учетные карточки и т. д. Я спустился на первый этаж за бланками к секретарше, которая помимо всего прочего выдавала эти бумаги. Она мне сообщила, что звонила девушка из моей группы, кажется, Людмила, и просила передать, что сильно подвернула ногу, повредила связки голеностопа, и теперь не может ходить. Я подумал, такое вполне может быть, ходить по нашим тротуарам на таких каблуках рискованно, такое может случиться с каждой. Это вполне реально, как реально и то, что она бы не сдала внутренний экзамен, в билетах делала много ошибок, и ездила очень слабо, а задним ходом так вообще был полный кошмар, об этом мне говорил ее инструктор. А если брать во внимание, что она просчитывает все наперед, то тут что-то не так. Будем дальше посмотреть, чем это закончится. Оработали экзамен, оставалось главное — поход в ГАИ. Майор в этом деле не участвовал, его в моих списках не было. Вдруг он приходит и говорит мне: «Леонид Николаевич! Людмила Пшеничная просила меня забрать у вас документы». «А вы кем ей приходитеесь?» «Никем». «Я вам ничего не отдам по двум причинам. Во-первых, она не сдавала внутренний экзамен, а во-вторых, это документы, а не макулатура, и в чужие

руки я их не отдам». «Какой еще экзамен? В ГАИ я все порешаю, я прокурор, вы что, мне не доверяете?» «Слушай, прокурор, ты контролируешь соблюдение закона, и хочешь, чтобы я его нарушал?» «Ну, Леонид Петрович, я могу и власть употребить!» «А я могу и по балде дать, мало не покажется, тем более что здесь нет свидетелей. Тебе понятно?» Он вышел из класса и хлопнул дверью. Мы были с ним примерно одного возраста, но он почти на голову ниже меня. Если бы дело дошло до драки, я сделал бы из него пирожок с вонючей начинкой. Видно, он понимал это и не стал доводить меня до греха, а себя до позора появиться на новой службе с побитой рожей. Так вот, оказывается, как некоторые сучки решают свои проблемы, а потом на дорогах портят кровь другим, а я, наивный дурак, губу раскатал, аж слюни текли, думал опять испортить себе жизнь, жениться. Не прошло и пятнадцати минут, как прибежал директор. «Леня, ты что, совсем охренел? На кой хрен ты с ним завелся? Я же говорил тебе, кто он, за него областной прокурор меня просил, он ему какой-то родственник! Он теперь таких гадостей может наделать, что тут жизни никому не будет. Ты знаешь, я от тебя такого не ожидал». «Женя, не переживай. Я больше работать тут не буду. Скажешь, что меня уже уволил». Я зашел к секретарше, взял бумагу, написал заявление и ушел. Так закончилась моя преподавательская карьера, наверное, так и должно было случиться, север меня испортил, как там у нас в гараже говорили: Кесарю кесарево, а слесарю слесарево. Так оно и вышло.

СОЛЬНЫЙ СКРИПИЧНЫЙ

Рождественские и новогодние праздники самый подходящий повод хозяевам жизни вспомнить о милосердии, о нищих и больных, людях обделенных судьбой, о новых, и тех, кто дожил до этих дней, имея уже свой горький опыт унижительной бедности, и поделиться крохами со своего стола. Потому как это старая традиция, существующая с незапамятных времен, когда жизнь стала делить людей на богатых и бедных, здоровых и больных. Чиновники тоже суетятся по этому поводу, организовывая в пользу таких людей платные выставки, аукционы, концерты, которые называются у них казенным всеобъемлющим словом «мероприятия». А я, как простой пенсионер, который в силу жизненных обстоятельств очень неохотно делится своими деньгами, случайно бесплатно попал на одно из них. Вчера сын пришел с работы и сказал:

— Папа, наша фирма купила билеты на благотворительное мероприятие, которое состоится в субботу, и дала мне билет, а у меня на этот день другие планы, придется тебе сходить.

— А что это будет? Какая-нибудь художественная самодеятельность?

— Нет, это из консерватории, будут играть какую-то классику.

— Да я ею никогда не интересовался, мне и эстрады хватало.

— Ничего, расширяй свой кругозор, это полезно в любом возрасте, так что придется идти тебе, на один вечер поменяешь свой телевизор на большую сцену, заодно и прогуляешься.

Перед входом не было толпы, как обычно бывает на эстрадных концертах. Люди стояли кучками, разговаривали, курили, в основном офисная публика среднего возраста, интеллигенция нового времени. Кое-где стояли люди постарше, наверное, попали по той же причине, что и я, а может, действительно любители серьезной музыки. Когда подошло время, потянулись в зал занимать свои места. Зрителей, или точнее, слушателей, встретила совсем пустая сцена, стойку с микрофоном брать в счет не имело смысла. Ее освещали два софита, белый и красный. Задник — белая ткань волнами свисала с высоты до самого пола и представляла собой половину того, что делает камень, брошенный в спокойную воду. Эти волны освещались красным софитом, притом так, что чем ближе к полу самой сцены, тем они выглядели рельефнее и тяжелее, а белый высвечивал под микрофоном светлое пятно, которое в полумраке смотрелось как заколдованный круг. На сцене, в этом сфокусированном пространстве, ничего не бывает просто так, все подчинено своим законам, своему назначению, собственно как и в любом другом осмысленном продукте человеческой деятельности, например, в механизме, где не бывает случайных деталей. К микрофону вышла молодая женщина со скрипкой в руке, в длинном черном платье до пят, и почему-то совсем без украшений. Фигура

в черном стояла на фоне красного ниспадающего задника, демонстрируя недоброе сочетание этих двух трагических цветовых символов, которые вызывали внутреннее беспокойство и будили ожидание чего-то трагического, а чего именно — оставалось ждать уже недолго. Верхний свет погас, скрипачка назвала композитора, подняла инструмент, поднесла к нему смычок, и в зал полилась музыка. Сначала исполнительница плавно водила смычком, будто точила его о струны для более серьезного действия, затем звуки и характер движений стали меняться. Теперь мелодия зазвучала как детская шалость, затем сменилась какой-то интригой, которая перешла в выстраданное признание, а потом полилась каскадом, то опускаясь, то подымаясь. Смычок то стучал по струнам, то трогал их кошачьей лапкой, то вытягивал из них протяжные звуки. Они переплетались в змеиный клубок, а потом рассыпались на части. Затем они стали собираться в тонкий ручеек, что лился водой из кувшина, а дальше в эту струйку словно что-то добавили, смычок стал нервным, напряжение нарастало, звуки стали выпадать, а не литься непрерывным потоком, менялся темп и тональность. Я оглянулся в зал, некоторые слушатели сидели, закрыв глаза, чтобы не распылять внимание. Музыка проникла в сознание и выключила восприятие и времени, и пространства, а действие продолжалось. Все, что было до этого, оказалось прелюдией, звуковое напряжение нарастало. Теперь сочетание красного и черного в полной мере оправдывало свое присутствие. Смычок измывался над струнами, то бил по ним, то плясал, как скоморох, вытягивая из них сверх того, на что они были способны. Казалось, еще чуть-чуть, и он разрежет скрипку пополам. Рука музыкантши, скользящая по грифу, нервно дрожала, а голова ее дергалась, помогая смычку делать его адскую работу. Скрипачка в неистовстве исполнения отдавалась музыке прямо на сцене, поработанная собственным творением. Напряжение звуков достигло своего апогея. Казалось, сейчас произойдет музыкальный апокалипсис, ожидалось нечто неотвратимое, или полопаются струны, или исполнительница потеряет сознание, не выдержав напряжения, или произойдет нечто такое, чего еще не выдумала человеческая фантазия. И вдруг, на самой трагической ноте звук умер, и наступила звенящая тишина. Скрипачка с облегчением опустила инструмент и застыла в поклоне, держа в руке эту бесовскую коробочку, образец изящества, королеву звуков, свою скрипку, а мне показалось, будто в небе большая черная птица сложила свои крылья и упала на сцену. Из зала выходили молча, не спешили, не толпились у выхода, никто даже не кашлял. Все находились в смятении от этой далеко не развлекательной музыки, которая парадоксальным образом и возвышала, и подавляла, и заставляла задуматься еще непонятно над чем. Каждый был наполнен неким нематериальным продуктом особенной ценности, который быстро не переваривается ни умом, ни сердцем.

Прошло три дня, я возвращался от друга на метро. Вечерний час пик уже закончился, и людей было не так много. Зашел в вагон, сел на свободное место, по привычке осмотрелся, и не поверил своим глазам ... напротив меня сидела скрипачка. На концерте в зале у меня было место в третьем ряду, я хорошо ее рассмотрел, и теперь не мог спутать ни с кем. Она оказалась моложе, чем выглядела на сцене, лет двадцать пять, не больше. У нее был взгляд, обращенный в себя, голова, наверное, загружена заботами, а душа музыкой. Но одежда! Какая-то невнятная куртка из плащевой ткани с вязаными рукавами, а на них модные нынче заплатки на локтях, и драные джинсы с дырками на коленях. Какая дурацкая мода на мнимую бедность! Ведь хиппи уже давно вымерли как вид, когда ее еще и в помине не было. Откуда все это? Я сидел озадаченный и не мог найти этому объяснение, а тем более связать эту фальшивую бедность с богатством ее внутреннего мира. И тут мне вспомнились слова героя из фильма незабвенного Леонида Быкова: «Все проходящее, а музыка вечна!» Передо мною сидела молодая женщина со скрипичным футляром на коленях, в своих драных джинсах, я смотрел на нее, а ее музыка до сих пор сидела во мне как электричество в заряженном аккумуляторе.

* * *

В тихом небе пролетая, стаи
Тают в тусклом свете октября.
Кельну пышных красок не хватает —
Скверы не пылают, не горят.

Как тебя, мой друг, я понимаю,
Что над Рейном так октябрь несмел...
На лету кленовый лист поймаю
И отправлю по утрам в письме.

ПРАЖСКАЯ ОСЕНЬ

Над плавною Влтавой сегодня гуляют ветра
И влага на землю течёт из небесной корчаги...
Казалось, что вечность прошла, хоть расстались вчера
С тобой ненадолго, а в душу врывается страх,
Я шлю тебе письма листвою, плывущей из Праги.

А осень беспечно кружится, сомненья клубя,
И шепчет о строках и тайных желаньях вчерашних...
Пусть город сегодня постылою грустью объят,
Мне кажется — миг, и я снова увижу тебя,
На нашем мосту, где парит Староместская башня.

* * *

Не торопись перевернуть страницу,
Не уходи, сливаясь с синевой!
Шумит Садовое кольцо столицы,
И время обезумевшее мчится,
И плачет осень юною вдовой.

Смотри, Арбат — октябрьская планета,
На ней найдётся место для двоих.
Пусть стонет дождь, забудь про все приметы,
Моя душа тобою лишь согрета,
Не обрывай рождающийся стих!

* * *

Давай прогуляемся вместе к сошествию рек,
Где осень жеманна, где Лопань вливается в Уды.
Давай же отбросим злословия и пересуды,
Ведь с осенью слиться душою, пожалуй, не грех,
И в юную сказку поверить с надеждой на чудо.

Пусть вербы, тревожась, загадочно шепчут нам в след,
Пусть вздорные сойки стрекочут в рыжеющих клёнах.
Назло октябрю пробивается мятлик зелёный,
Здесь празднику солнца сегодня препятствия нет,
Где осень и мы, и поэзии мир окрылённый.

ЕСЛИ Б НЕ ТЫ

Андреевской церкви на солнце горят купола,
Но мне неуютны барочные хмурые своды.
Пройдёмся по спуску! Где дышится в полдень свободно,
Где города змиева осень легка и светла.

Пусть машут каштаны своей обречённой листвой,
Пусть камни брусчатки на солнце агатом искрятся!
Андреевский спуск. Дом Булгакова — номер тринадцать,
И старая липа, парящая над мостовой.

Я город когда-то любил наблюдать с высоты,
Пока в моей жизни судьба не проела прореху...
И если б не ты, я сюда ни за что б не приехал!
И множество прочих условностей: «если б не ты!»

ГОРОД КРЫЛАТОГО ЛЬВА

Каналы, гондолы, туристы и птицы —
От суетной гонки смятенья в душе.
Давай убежим, чтоб в глуби заблудиться,
Где улицы уже игольных ушей.

Но снова толпа, и на площади жарко,
Мы учимся робко ходить по воде.
Не хочешь с окна колокольни Сан-Марко
На город весенней волшбы поглядеть?

Но красные крыши скучны и статичны,
И только лагуна влечёт синевой...
И в этом беспечном краю необычном
Я каждый свой миг наполняю тобой.

Я полон надежд, и от нежного взгляда
Весеннего — кругом идёт голова...
А вечер нам дарит морскую прохладу
И суетный город крылатого льва.

С ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

ЕХ

С Васильевского острова давай
Через Неву пешком пройдем до Мойки,
Под песни возвращающихся стай,
Как будто мы с тобой попали в рай,
Где аромат весны кружится стойкий.

Попробуй нас теперь остановить —
Исаакиевский сквер минуем скоро,
И Пушкин нас с тобой благословит,
А дальше к храму Спаса на Крови,
И мы уже влюбились в этот город.

Михайловский, а дальше Летний сад
На набережной речки Голодуши,
Где мы не озираемся назад,
Пытаемся прочувствовать закат,
И освятить апрелем наши души.

* * *

Эти майские будни нам столько открытий несут,
Хоть великое множество тайн скрыто тёмной завесой.
На холме Квиринальском, где сумерки пахнут эспрессо,
Мы глядим, как раскинулся город весенний внизу.

Мы тихонько пойдём, избегая шальной суеты,
И по улочкам спустимся вниз по затёртой брусчатке,
Где ночной ветерок от цветущей глицинии сладкий,
Где платаны к нам тянут навстречу ладони-листы.

Отзвук наших шагов на мгновенье спугнёт тишину,
И утонет в плену звукошелеста лавровой рощи.
В эту ночь мир покажется чище, наивней и проще...
В Вечном городе мы обретаем любовь и Весну.

В ИСЛАНДИЮ

Когда нас постигнет тоска и не будет с ней сладу,
Скажу: «Собирайся, и времени зря не теряй!»...
Прекрасная мысль — среди лета попасть в этот край,
Где тихий июнь не лишён осторожной прохлады,
А фьордов дыхание дарит неистовый драйв.

Дорог мы не будем описывать метаморфозы,
Но нам впечатлений достаточно будет с лихвой.
Мы, вещи закинув, поедem дышать синевой,
Послушать мелодии пенной воды Гюдльфосса,
Где белая ночь воспаряет полярной совой.

А после поедem к озёрам в кальдерах вулканов,
Где ветры играют задорно с тяжёлой водой,
И кучные тучи становятся шапкой седой...
Там время застынет над нами слепым истуканом,
И солнце полночное нас обвенчает с тобой.

НА ДРАКОНЬЕЙ СКАЛЕ

Над осенним Семигорьем благодатная погода.
Мы с тобою на вершине, а внизу петляет Рейн.
Наслаждаясь ясным полднем, словно листья на свободе,
Мы купаемся, как в неге в золотистом октябре.

А река ползёт Фафниром, чешуёй в лучах искрится,
Оставляя нам с тобою желтоглазую печаль.
Твои волосы на солнце, словно взмах крыла жар-птицы,
Что стремится светом влиться в позолоченную даль.

НЕАПОЛЬ ПО-СИБИРСКИ

А город продрог, и застыл обречённо без сил.
Здесь лютый Борей, беспощадный циклон образуя,
Неаполь сибирской погодой, шутя, одарил.
Прогнулись сады, им покров белоснежный не мил,
Но гордо стоит сединой убелённый Везувий.

Полвека Неаполь не видел подобных снегов:
На площади Данте гуляет во всю непогода.
Ползёт к Санта-Кьяра цепочка унылых следов.
Безлюдно, и город признаться в бессилье готов,
И тёмн над ним оловянный покров небосвода.

* * *

Смотри! Возле Старого Рынка разлапистый снег
Танцует, кружится над шпилем Большого Мартина.
Как будто над Кёльном распорота в небе перина —
Предчувствие праздника снегом снисходит на всех.

Снежинки, шутя, на ресницах застынут твоих,
И тихая радость во взгляде твоём заискрится...
Над Рейном закатным снежинки летят, словно птицы,
И хочется в сердце навек сохранить этот миг.

ЭЧМИАДЗИН

Ануш Везирян

Моя Армения всё так же далека.
Вагаршапат — древнейшая столица,
Который год мне продолжает снится.
Там в закоулках давние века
Сознание пронзают тонкой спицей.

Где на камнях затёртых мостовых
Зауженных, несовременно куцых
Мои шаги не скоро отзовутся...
Но к шороху платановой листвы
Мои мечты назло тревогам рвутся.

Иван Нечипорук - коренной горловчанин. Зампредседателя правления Межрегионального союза писателей, член исполкома Международного сообщества писательских союзов, член СП России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Знаменосец Председателей Земного Шара. Автор нескольких поэтических и публицистических книг. Лауреат литпремии им. «Молодой Гвардии» и других.

НЕБЕСНАЯ ВЫСЬ

Над миром Хартилон простиралась ночь. Совсем недавно взошла луна, рассеивая темноту своим сиянием. Если на несколько секунд задержать на ней взгляд, то на поверхности светила вырисовывались легко различимые, хотя и не слишком бросающиеся в глаза контуры лица. Это Оэ, сереброволосая богиня луны и ночи осматривала юный, так недавно сотворенный мир Хартилон.

И, вспоминая эту ночь, многие утверждали, что Оэ смотрела на Хартилон с особым интересом. Более того, священники зарождающегося культа поклонения Оэ заявляли, что сразу разглядели, куда же смотрит их богиня. Если верить клирикам, горы Дейд-Астера, что на юго-западе материка, привлекли внимание Оэ, едва лик луны поднялся над горизонтом.

Чем же Дейд-Астера привлекли Оэ? Ведь обитатели гор мало почитали луноликую богиню. Должно быть тем же, чем и всех прочих богов Хартилона. Этой ночью южные пики Дейд-Астеры обратили на себя внимание всего божественного пантеона.

Помимо того, что каждый из богов устремил свой взор на тянущиеся ввысь горные пики, двое из них почтили этот регион своим присутствием.

Столь легкий на подъем Владыка Ветров Брин, несущийся по Хартилону на могучих соколиных крыльях, расположился на одном из горных уступов. Рядом с ним устроилась Симфала. Переменчивая в решениях, Госпожа Удача определилась со своими желаниями лишь в последний момент и все же последовала за Брином.

Приютивший божеств уступ находился практически на вершине одной из самых высоких гор всего хребта. Внимание богов было сосредоточено на поднебесной части Хартилона. Отсюда даже ночью можно было рассмотреть лунные отблески на поверхности моря, что к югу от Дейд-Астры. Однако сейчас морской пейзаж не интересовал создателей Хартилона.

Перед божественным взором открывалась панорама высокогорных долин, укрытых толстым слоем снега. На таких высотах уже не встретишь ни единого растения, но местность не казалась мертвой. Она была чарующей и завораживающей.

Лунный свет, отражаясь от снежного покрова, весьма ярко освещал долину. Внимательный взгляд мог рассмотреть трещины на отвесных скалах, перекаты снежных холмов на всех поверхностях, способных удержать на себе снег. Игра теней, подчеркивающих каждую неровность, приковывала к себе взгляд. Казалось, что тени танцуют в свете Оэ, ожив для этого танца.

Впрочем, некоторые тени и вправду вели себя как живые. Они перемещались по долине, поглощая другие встречающиеся тени. Впрочем, они тут же освобождали бедняг из плена, продолжив движение к своей цели. Если бы танцующие под светом луны тени и вправду ожили, они бы не успели ничего заметить.

Странные тени, двигаясь со всех концов долины, собирались в одном месте. Встретившись, они начали сливаться друг с другом, не прерывая своего движения. Казалось, что эти тени сплетаются воедино.

Собравшись в единое целое, тени стали напоминать некое практически бесформенное существо. Оно постоянно меняло свой вид и форму. По его телу время от времени пробегали тени, вызывая все новые и новые изменения.

Это существо носило имя Ломборо. Однако те, кто разделял с ним жизнь в горах, не произносили этого имени. Между собой они называли изменчивую тварь Ночным Охотником.

Разделив себя на множество тел, Ломборо мог выследить и загнать жертву куда угодно. Затем, вновь слившись воедино, он поглощал жизнь из несчастного создания, оставляя тело лежать в ожидании падальщиков.

Однако на сей раз все было не так. Если бы Ночной Охотник обладал постоянным лицом, оно бы выражало растерянность, недоумение и... страх.

Эти чувства были чем-то новым для Ломборо. Он обитал в горах Дейд-Астера практически с самого сотворения мира. Это была его территория, на которой много позже боги поселили эти маленькие сгустки жизненных сил. О да, эти гномы и нек'лир были

гостями на земле Ломборо, и никак иначе. Наверняка боги поселили их здесь для того, чтобы Охотнику было чем занять свою долгую, практически бессмертную жизнь.

Божества должны были покровительствовать своим Первым созданиям, иначе и быть не могло. Ведь они столько времени потратили на создание Первых. Все Первые были уникальными, не похожими друг на друга. К тому же, их было так мало. Боги наделили Первых огромной силой, не намного уступающей своей собственной. Иные расы из Последующих вполне могли бы принять Первых за младших богов.

Но все сложилось иначе. Первые и Последующие не поделили Хартилон. Эльфы, гномы, люди, нек'лир, ишшиты и тритоны не признавали Первых за старшую расу. Они их боялись и ненавидели. В тоже время, Первые даже своим могучим разумом не понимали, зачем боги создали этих существ, неотличимых друг от друга. Они не видели смысла в создании столь похожих созданий, так как сами были неповторимыми.

Они называли себя Первыми, не признавая первым творением Алиас, разумный лес, занимающий северо-восточную часть Хартилона. Первые считали Алиас блажью Койдена, но никак не творением всех богов.

Собрав все части себя в единое целое, Ломборо не мог понять, что же пошло не так этой ночью. Его тела нашли место, в котором обосновался на ночь один из кланов нек'лир. Охотнику не нужен был весь клан, ему было достаточно одной или двух особей. Поэтому через свои многочисленные тела Ломборо принялся влиять на разум спящих птицеподобных созданий, стремясь посеять чувство страха приближающейся смерти.

Именно с этого момента Ломборо начал испытывать незнакомое чувство растерянности, впоследствии переросшее в страх. Впервые разум нек'лир оказался закрыт для него.

Один из нек'лир проснулся. Увидев рассеянные по стоянке клана тела Ночного Охотника, он принялся кричать на своем странном языке, напоминая серию мощных гортанных криков. Эти крики практически сразу разбудили весь остальной клан.

Обычно в подобной ситуации клан немедленно поднимался в небо, стремясь улететь как можно дальше от чудовища. Они стремились как можно скорее покинуть зону влияния Охотника.

Но в этот раз все было иначе. Небольшая группа нек'лир быстро собралась вокруг самого старого представителя клана. Они стали в круг, возвели вверх свои руки-крылья, слегка разведя их в сторону. Кисти, обычно утопленные в оперении, были обращены ладонями в небо. Несколько секунд ничего не происходило, а затем из центра круга вырвался порыв ветра.

Ломборо так и не смог понять, что же именно его испугало, но все тела Ночного Охотника сбежали со стоянки клана. Гордый представитель Первых рассредоточил свои тела по большой территории, стараясь максимально укрываться в тени, на которую он сам был так похож.

Не успев толком прийти в себя после неожиданного побега, чудовище попыталось разобраться, что же вызвало у него такую панику. Однако неожиданно что-то переключило его внимание. Сперва Ломборо показалось, что над горными пиками летит стая гигантских орлов. Однако эти птицы не охотились ночью. Тогда Первый наконец понял, почему пустился в побег. Впервые за все время своего существования Охотник превратился в добычу.

* * *

Должно быть, божества Хартилона не уделяли столько вниманию своему творению с самого момента его сотворения. Все до единого представители пантеона обратили свои взгляды на сцену театра, которой и был для них этот мир.

О, как же рвался туда Гвайд, Воплощение Войны! Однако усмирив свой горячий нрав, он все-таки признал, что сейчас лишь у Бриана было право находится непосредственно у сцены. Можно сказать, что Владыка Ветра дирижировал оркестром во время представления. Что же касается Симфалы, то никто не препятствовал Госпоже Удаче. Хоть она и не была самой могущественной богиней, но она обладала некой неоспоримой властью над всеми, в том числе и остальными богами.

Каждое божество наблюдало за Дейд-Астерой из своих чертогов. Ни один смертный не смог бы найти Обитель Богов, хотя она и была буквально у них под носом. Боги Хар-

тилона обитали в иной плоскости мира, которую смертные прозвали Изнанкой. В какой-то мере Обитель была везде, на всей территории мира. Однако, когда боги все же покидали ее, то обычно оказывались на «лицевой» стороне мира в месте особого средоточия своей силы.

Вполне естественно, что дорога из-за кулис к оркестровой яме не заняла у Брина много времени. Ведь именно горы Дейд-Астера и были основным местом его силы. Здесь обитали нек'лир, его любимые детища, которые любили Владыку Ветра не меньшей любовью.

Находясь бок о бок с Брином, Симфала понимала, что она оставалась таким же наблюдателем, как и все остальные боги. Ее вмешательство было не нужным, и более того — лишним. Осознав это, Госпожа Удача не обращала внимания на сосредоточенное лицо Брина, на разгулявшиеся по горной долине ветра, на приближающуюся грозу. Она была зрителем в первом ряду и не собиралась пропускать ни секунды из представления.

* * *

Пока нек'лир приближались к высокогорной долине, в небесах над ними собирались облака. Нек'лир летели, не обращая внимания на непогоду. Они не боялись дождя или снега.

Облака устилали доселе звездное небо толстым ковром. Однако этот облачный покров не был сплошным. Луна все так же освещала нек'лир и преследуемого ими беглеца.

Облака не были темными и тяжелыми, как полагается для грозовых туч, однако все-таки гроза началась. Впрочем, гроза ли?

Темноту ночи очерчивали извилистые молнии, появляясь все чаще и чаще. Гром, вечный спутник молний, не поспевал за яркими вспышками в ночи. Его раскат прозвучал лишь однажды, после первой молнии. Казалось бы, что горы должна была накрыть сплошная стена ливня. Однако с небес не сорвалось ни капли.

Вдруг одна из молний попала в летящего нек'лир. Вторая, третья... В считанные секунды весь клан птицеподобных существ оказался поражен молниями. Над Дейд-Астерой вновь разнесся гром. На сей раз его раскаты словно бы отыгрались за все пропущенное до сих пор. Рокот, сотрясавший горы, не умолкал несколько минут. Смертный, оказавшийся в эпицентре событий, должен был оглохнуть от могучего грохота. Уже утихая, пронесшийся по горам гром вызвал несколько оползней и снежных лавин на дальних склонах Дейд-Астеры.

Гром резко оборвался. Молнии больше не пересекали в ночи, а облака начали постепенно рассеиваться.

Нек'лир продолжали свой путь сквозь небеса, с каждой секундой все увеличивая и увеличивая скорость. Со стороны могло создаться ощущение, что они не заметили ни поразивших их молний, ни бушевавшего грома. Однако это было не так.

Никогда еще нек'лир не чувствовали себя настолько могущественными. На каждом перышке, укрывавшем их тела, танцевала маленькая искра. Каждое движение, каждый взмах крыльев буквально сочились силой.

С первого взгляда могло показаться, что нек'лир стали намного крупнее, чем были до того. Однако стоило слегка присмотреться, и становилось понятно, что все несколько иначе. Вокруг нек'лир образовалось некое полупрозрачное сияние, повторяющее контуры их тел. Тела нек'лир словно находились внутри собственных увеличенных копий.

Не в силах пошевелиться, Ночной Охотник смотрел, как к нему приближаются нек'лир. На долю секунды время остановилось. У Ломборо было все существующее время для того, чтобы запечатлеть в своей памяти картину сияющего внутренним светом клана нек'лир.

Вечность спустя время вновь продолжило свой ход. Небеса пронзили яркие вспышки спящего света. Но на сей раз это были не молнии.

Клан устремился в атаку.

Боги были довольны. Брин и его дети прекрасно сыграли свою роль. Гибель Ночного Охотника положила начало избавлению Хартилона от Первых. Никто из Последующих так и не узнал точно, почему боги решили избавиться от своих первых творений, да еще и таким образом. И лишь те, кто пользовался особым расположением богов, строили правдоподобные предположения.

Первые были слишком скучными для богов. Возможно из-за того, что они слишком походили на самих богов.

В то время как расы Последующих предоставили божествам возможность с интересом следить за тем, что же разворачивается на сцене Хартилона.

Жрецы Мааноса, Хранителя Знаний, на протяжении всей истории разумных рас вели летопись мира. И все как один пользовались единым календарем, в котором точкой отсчета истории была именно ночь Свержения. Ночь, когда населяющие Хартилон расы перестали быть Последующими.

Как зритель первого ряда, Симфала оценила изящество, с которым Брин подтолкнул своих детей к освобождению от Ночного Охотника. Владыка Ветра наделил каждого нек'лир племени божественной силой, причем без замещения их разума. С божественной точки зрения это была поистине ювелирная работа.

С точки зрения Госпожи Удачи Брин был достоин признания. И он его получил. Муж Симфалы, покровитель искусств Кэлфир и его брат Ватар, Ремесленник среди богов, осуществили идею Госпожи Удачи.

Двое нек'лир из числа низвергнувших власть Первых стали аватарами, воплощениями божественной сути. Всего за несколько часов аватары Искусства и Ремесла превратили один из горных пиков в величественный храм, восхваляющий Владыку Ветра. Никогда впоследствии никто не создал что-то хоть отдаленно напоминающее совместный труд двух божеств.

Однако последний штрих остался за Брином. Он не мог сравниться с Кэлфиром и Ватаром в мастерстве созидания, но все же Брин завершил храм, посвятив его ветрам и небу.

Повинуясь божественной воле, Небесный Храм отделился от скалы, из которой был создан. Ветра заботливо приняли Храм, и тот устремился в небесную высь.

ГДЕ-ТО ТАМ...*О к о н ч а н и е*

Первым делом Вера добавила немного воды из колодца старика в другую флягу, потом наклонилась и колодезную пролила перед собой. Та заблестела и тонкой змейкой устремилась вперёд, не оставляя следа. Помедлив можно было потерять её из вида, поэтому друзья не раздумывая последовали за ней.

— Вот уж, действительно «вечная слава воде» — и жажду утолит, и дорогу укажет, — Александр не скрывал восторга. Да и все почувствовали себя увереннее: пустота перестала пугать.

Катерина вспомнила множество историй с Крещенской водой и воодушевлённо рассказала, как её бабушка в канун Богоявления заготавливает чудодейственную воду впрок:

— Годами пользуемся, и ничего с ней не происходит. Откроешь банку, простоявшую лет пять, понюхаешь воду — будто утром из родника набрали!

— Ничего удивительного, — авторитетно заявила Вера. — Это её естественные свойства. Мы уже столько знаний о ней утратили... Помните в сказках — живая и мёртвая вода? Учёные ломают голову, пытаюсь найти логические объяснения её свойствам, а наши прадеды воду знали, как родную душу.

— Наши прадеды были язычниками, — не замедлил подчеркнуть Алекс.

— И что? — Вера посмотрела на него, как на ребёнка смотрит мать, когда тот пытается умничать. — Кому от этого было или стало плохо? Они верили в силу природы, её духов. По их, между прочим, языческому календарю, садовыми работами занимаемся. Да и куда мы ушли от язычества?.. Никуда. Яблоки освящаем? Освящаем. А это самое язычество и есть. Сколько сказок про те яблоки... И вода — оттуда же. Христиане обряд крещения заимствовали у тех же язычников: и в Римской империи, и в Египте, и в Греции, да у многих проводились обряды очищения водой. И купание в проруби — традиция не церковная, а народная. Ты вот знаешь, зачем это делали? — она пристально посмотрела на Алекса, потом на Фёдора и Катю, словно ожидала, что кто-то из них ответит. — Так вот, купались в проруби по окончании святок, как и теперь. Походят ряжеными, покоялуют в разных образах, а потом в самый лютый мороз — в воду. Таким способом возвращали «тому свету» душу предка. Ведь они были язычниками, и верили в то, что на период святок их прп-пра-пра являлись в этот мир. На этот период отошедшим в иной мир живые родичи «одалживали» своё тело. Вот так вот. Я с матерью спорила сначала на эту тему. Потом перестала. Ей так хочется — пусть для неё будет так. Каждый верит, как ему лучше.

— Не ожидал от тебя это услышать, — Александр удивлённо посмотрел на Веру. — Я считал, что ты в силу своей набожности тогда пошла с Катей в церковь.

— Церковь одна, Алекс. И то, что ты в неё не пошёл, вовсе не означает, что ты в ней не был.

— Я приверженец научных объяснений, Верочка, дорогая. Привык к фактам неоспоримым и доказуемым. Мне не положено по должности полагаться на веру — только на факты. Я так давно на этой должности, что она стала моей жизнью.

Фёдор не отводил взгляда от воды — та бежала неведомо куда; он боялся упустить из вида единственного «проводника».

— А вот скажи, Алекс, — продолжала Вера, — вернёшься домой, встретишься с друзьями... у тебя ведь не только подчинённые? Встретишься где-то, где позволяешь себе раскрепостить перегруженный за день разум, и станешь им рассказывать, как провёл свой незапланированный отпуск, — она построила ехидный взгляд, — или он провёл тебя. Начнёшь описывать впечатлительные картины своих красочных воспоминаний... Послушают тебя, ну, так — минут сем — от силы, и засомневаются в твоём психическом здоровье — поверь, так и будет. И с точки зрения какой науки ты им выведешь формулу доказательства существования пространства, в котором сейчас нахо-

дишься? На какие факты опираться станешь? Я вряд ли окажусь рядом с тобой в тот момент, поэтому хотелось бы твою аксиому услышать прямо сейчас.

— Вера, я тебя утешу — ты будешь первой, кому я решусь это рассказать.

— Верю. И могу назвать ещё двоих, кто тебя с удовольствием выслушает и разделит впечатления.

— Понимаешь, дорогая моя, я почти согласен с тобой. Скорее всего, ты права. Но вот на что я обратил внимание во время нашей беседы: всё, о чём ты говоришь — давно известная истина. Я знал это с рождения, точнее — чувствовал. Со временем те чувства притупились: школа, мода, прогресс, различные новшества и течения... И сейчас слушаю тебя, как мелодичный звук будильника, который требует проснуться.

— Да я в том же состоянии, поверь.

— Смотрите! — выкрикнул Фёдор.

Но все и так обратили внимание, что под ногами стала просматриваться едва уловимая взглядом дорожка. Она скорее угадывалась, почти прозрачная, или даже призрачная, но реальная. Никто из них не отважился бы раньше ступить на такую дорожку, — это всё равно, что идти по целлофановому мосту. Но, пройдя по ничему, в ничём, нигде — они теперь могли уверенно шагать вперёд. Бегущая вода испарилась, выполнив своё предназначение — привела к зримому объекту.

Постепенно дорога становилась чётче, словно проявлялась. Просматривались камни, которыми она была вымощена. Вдоль обочин появилась трава, потом низкий кустарник, впереди — лёгкая дымка. По мере приближения к ней она рассеивалась, из неё проступали очертания зданий, становясь отчётливее. Скоро можно было рассмотреть, что они отличаются друг от друга по форме и цвету. Перед взором туристов предстал городской пейзаж, написанный художником-фантастом, желавшим изобразить инопланетный город далёкого будущего. В его центре возвышалось грандиозное сооружение. То ли дымка не давала рассмотреть его вершину, то ли оно уходило так высоко в небо, что глаз не мог охватить — высоту определить было не возможно.

— Наверное, это и есть башня, обозначенная на карте, — заметил Александр.

— По всей видимости — да, — согласилась Вера.

— Видите, как всё просто, — Фёдор обрадовался увиденному.

— Совсем, — ответила Катерина. — До этой башни ещё может быть неделя пути.

— Ну, это ты слишком преувеличила, — Александр посмотрел на неё исподлобья. — На столько долго мы ещё ни одно расстояние не преодолевали: два-три дня от силы...

— Не забегай наперёд, разное здесь бывает, — Фёдор разделял мнение Катерины. — Вот, сколько мы шли по «пустому месту», знаешь? И никто не знает. Рефлексами нашего организма давно уже не стоит ничего измерять. Я удивлён, что они у нас вообще остались. Могли бы исчезнуть за ненадобностью.

— Вы лучше полюбитесь красотой, — Катя рассматривала очередной необычный город. — Он такой разноцветный! Напоминает фантики конфет.

Над нагромождением цветных форм летали странных конфигураций объекты: длинные, круглые, заострённые, угловатые — словом, самые разнообразные. Некоторые ярко светились, иные были полностью матовыми...

— Вот где на всякий вкус и цвет толпа товарищей! — восхитился Фёдор.

— Радужный город, — умилённая видом Катерина похмыкивала от удовольствия и подбирала созвучные и подходящие эмоциям слова, — радужный, радУшный, радостный...

Подойдя ближе увидели прохожих. В лёгких балахонах разного цвета, развевавшихся во все стороны без малейшего ветерка они, казались скользящими в полёте бабочками.

— Страна эльфов, — сделал заключение Фёдор, оглядываясь на перемещавшихся вдоль улицы горожан, — только вместо цветов здесь разноцветные дома.

«Мы не эльфы» — тут же пронеслось у него в голове. Он резко остановился.

— Что случилось, — спросила Катерина. Фёдор заткнул пальцами себе уши и зажмурил глаза.

В этот момент мимо них «пролетел» кто-то в белом балахоне.

— Они телепаты, — Фёдор опустил руки и открыл глаза.

— Кто?

— Жители этого города.

— Ты что-то слышал?

— Да, очень отчётливо.

— Что это было?

— Что-то вроде внутреннего голоса. И прозвучал этот голос ответом на сказанное мною вслух.

— Ты думаешь, нас кто-то подслушивает?

— Да нас и не надо подслушивать, — сказал Александр. — Мы так эмоциональны, что можем быть услышаны на любом расстоянии.

— Мне всё же кажется, что это ответил мне тот самый эльф, который прошёл или пролетел мимо нас.

«Я же сказал — мы не эльфы» — снова услышал Фёдор, но уже громче.

К ним приближался кто-то в бирюзовом балахоне.

— Это ты со мной говоришь?! — крикнул ему Фёдор.

Из-под капюшона сверкнули звёздным блеском большие, как в японских мультфильмах, глаза. Молодая, красивая женщина мило улыбнулась ему:

— Я ничего не говорила, — её голос прозвучал, как мелодия. — Вы нездешние?

— Это очевидно, — ответил Фёдор. — Что это за город?

— Обычный город.

— То есть — со своими обычаями? — поразмыслил он вслух.

— Совершенно верно, — она усмехнулась и в её глазах вспыхнули разноцветные искры, — как и везде. А разговаривает с вами вон тот цветоед, — она указала на весёлого вида парня в оранжевой одежде. Он сидел на подоконнике второго этажа, свесив ноги — так друзья заметили, что окна всё же есть в забавных зданиях, что на первый взгляд было незаметным.

— Залезь внутрь, не то сдует, — сказала ему женщина в бирюзовом и снова обратилась к Фёдору, — это цветоед. Но питается он даже не цветом, а оттенками и полутонами... и всех цепляет. Будьте с ним осторожнее — он далеко слышит.

Женщина ещё не закончила фразу, а Оранжевый уже стоял перед ними:

— Всегда рад новому знакомству. Прошу зайти в гости.

Друзья переглянулись.

— Не стоит беспокоиться, — он обратил внимание на их замешательство. — Меня многие знают, как, впрочем, и я многих. Да у нас вообще все друг друга знают.

— Ну, вы молодцы, — удивился Александр, — город-то немаленький...

— Наши жители разделены по убеждениям, но стараются быть в курсе любых дел. Здесь все всё о всех знают. Пойдёмте в дом, побеседуем за чашечкой чая.

Вера постаралась вежливо уклониться от настойчивого приглашения:

— Сожалею, но нам до заката нужно добраться до той башни, — она указала на уходящее высоко в небо строение.

— До заката точно успеете, уверяю — до него любой успеет, — Оранжевый рассыпался в любезностях. — Думаю, беседа с местным жителем для вас будет не лишней, может даже интересной: что-нибудь новое узнаете, да и я от вас. Мы город не покидаем, сюда ветра приносят новости самых разных оттенков.

Друзья решили не обижать отказом приветливого горожанина. Они зашли в квартиру Оранжевого и убедились, что дом выглядевший снаружи цельной формой без окон и дверей внутри совсем другой. Фасад здания словно обтянут плёнкой, отражающей определённый цветовой спектр. Внутри всё прозрачное как воздух: стены, пол, потолок; при этом внизу и вверху ничего не просматривалось. То же самое и со стенами. Все плоскости плавно переходили одна в другую. Фёдору комната отдалённо напомнила ту, в которой они отдыхали перед походом.

Оранжевый попросил немного подождать и словно испарился, на самом деле — просто вышел из комнаты. И тут же появился с наполненным фруктами подносом. Ещё предложил напиток, по его словам, укрепляющий волю — кто же откажется от такого угощения.

Катя поднесла к лицу пиалу с напитком и вдохнула аромат свежести с легким оттенком сладковатых цветов, немного напоминающим яблоневого, но ассоциирующийся с зеленым цветом. Она пригубила из пиалы, причмокнула, кивнула головой и, широко открыв глаза, сказала: — М-м-м... очень приятный чай!

— Я так рад! Так рад, что вам понравилось, что вы разделяете мой вкус. Это замечательно!.. — восклицал гостеприимный хозяин. Слегка подпрыгивая, он прошёлся по

комнате и снова скрылся за стеной. В следующий миг Оранжевый стоял перед гостями с большим сосудом понравившегося Кате напитка.

— Ой, — воскликнула та, — мы столько вряд ли выпьем.

— Можете взять с собой, — он посмотрел радостным взглядом на гостей, — и не волнуйтесь, вы обязательно успеете до заката.

От Оранжевого друга узнали, что цвет одежды жителей города определяется убеждением в чём либо: каждый вкус, взгляд, мысль, желание — всё имеет свой спектр и оттенки. Чем глубже убеждение у представителя какого-нибудь культа, тем светлее тон его облачения, воздушнее — это влияет на скорость и уровень перемещения, и создаёт иллюзию скольжения. Самыми лёгкими являются жители, которые вообще не отвлекают свои мысли по поводу питания. Такие полностью поглощены размышлениями, открытиями, рождением идей. Никто не знает — едят ли они хоть что-то или нет. И если их спросить об этом — могут не понять вопроса. На улице их встретить — большая редкость. Бледно-жёлтые одежды возносят своих обладателей так высоко, что рассмотреть их нереально: кто же ходит, постоянно всматриваясь в небо?.. Хотя случается, что они появляются на городских улицах, но это единичные случаи. Есть жители, питающиеся только светом; есть своего рода вегетарианцы и их антиподы. Некоторые яркие приверженцы своих идей стараются других убедить в правильности их убеждений, но такое бывает нечасто; в основном это новорожденные и неопределившиеся. Оранжевый относится к группе жителей, наслаждающихся цветом. Такие изредка принимают пищу — фрукты и напитки. Большое значение имеет сочетание цвета фруктов и настроения обладателя оранжевой одежды. Так: перед сном они едят только синие плоды, а проснувшись — красные и оранжевые. Женщина, назвавшая гостеприимного хозяина цветоедом, была одной из тех, кто отвергает теорию оранжевых. В общем, как заметил Фёдор, весело живётся здесь горожанам.

Кроме особенностей жителей радужного города, Оранжевый рассказал немного о башне. Оказалось, что она предназначена только для туристов. Горожане даже не интересуются ею.

— А вот нам только туда и нужно, — сказал Александр и, поблагодарив за радушие, поднялся из мягкого кресла, — Мы слишком засиделись. А башня далеко и можем не успеть до заката.

— Вы не можете не успеть, — ответил Оранжевый, — у нас не бывает закатов.

— Это как понимать? — удивился Фёдор.

— Каждый житель живёт в своём режиме: спит и бодрствует по собственному расписанию. Когда я захочу спать — лягу, и мне станет темно. Но зато, если я бодр и у меня большие планы, мне будет светло, пока я сам не решу, что нужен отдых.

— Здорово! — воскликнул Александр. — Вот бы нам так.

— Разве вам в этом мешает кто-то, кроме вас самих, — ответил Оранжевый. — Стоит такому образу жизни отдать предпочтение — и он ваш.

— Может и так, — вздохнул Александр. — Выйду на пенсию — попробую.

— Этим нужно пользоваться до того, что у вас называется пенсией — больше энергии сохранится.

— А идти всё равно надо, — резко поднявшись, отчеканила Вера.

— Можно я вас провожу? — спросил Оранжевый.

— Что за вопрос — разумеется. Нам будет и приятно и надёжно: вдруг запутаемся в улицах вашего города — с нами такое уже случалось.

— Кстати, — Фёдора словно осенило, — в том городе тоже была башня, помните? И мы никак не могли из него выбраться. Может быть мы ещё тогда могли ею воспользоваться и вернуться домой? Пусть она была не такой высокой, но, кто знает, что там находилось внутри — вдруг тот же лифт, к примеру...

— Фёдор, Фёдор, угомонись, — Александр дружески похлопал его по плечу. — В таком случае второй, то есть этой вот башни, — он указал рукой в сторону их конечного пункта, — не было бы на карте.

— Может и так, а, может, и нет, — Фёдор не сдавался. — Вдруг это был запасной план?.. Ведь и этой я что-то не припомню, а карту я изучил до малейших подробностей. Возможно, она появилась по той причине, что упустили первый случай. Да что теперь говорить...

— Эта башня была обозначена, просто не так чётко на тех этапах, вот мы и не рассматривали её, еле видимую в радужном кругу, — уточнила Вера. — За то теперь у нас

есть сопровождающий, — она посмотрела на Оранжевого, наблюдавшего за гостями широко открытыми бирюзовыми глазами.

Он выглядел радостно-взволнованным; как говорится, «светился энергией» и нуждался лишь в том, чтобы поделиться ею с другими. Казалось, сейчас подхватит их и понесётся в танце хоть к башне, хоть на край света.

Вместе с Оранжевым друзья вышли из дома, и короткими улицами направились к башне. Прошли пару кварталов и поняли, что Вера могла оказаться права: без проводника сложно сориентироваться в красочном лабиринте. Все улицы — пешеходные и без названий. Вдоль домов круглыми пучками торчали разного цвета травы. Никаких вывесок и рекламы. Оранжевый объяснил, что каждый здесь видит только то, что ему нужно в данный момент: если хочешь пить, к примеру, — взгляду будут попадаться вывески с надписью «вода» и всё в этом роде. Их интересует дорога к башне, поэтому они не видят других обозначений, а нужный путь рассмотреть не могут потому, что не о нём думают.

— Мне кажется, я бы здесь долго не смогла прожить, — сказала Катерина.

— Именно кажется, — ответил скользящий рядом Оранжевый. — Всё просто. Если ум поглощён идеями, поисками решений — поверь, на всё другое не обращаешь никакого внимания. Глаза улавливают только необходимые цвета и формы, подпитывающие идею. И ты их можешь получать в неограниченном количестве. Когда тема и настроение меняются, ты переключаешься на другие цвета и предметы. Если вдруг от перенапряжения случится недомогание — выбираешь нужного цвета кресло или беседку, к примеру, и сидишь там, пока не почувствуешь себя лучше.

— Цветотерапия, — усмехнулся Александр.

— Да. Это действует лучше, чем чай, поверьте.

— А что, лекарств, аптек у вас нет? Глотнул таблетку и никакого тебе недомогания.

— Что это? — Оранжевый остановился и впервые за встречу удивлённо посмотрел на туристов.

— Это когда человек болеет, вызывает доктора, тот прописывает специальные таблетки или микстуры, а купить их можно в специальном магазине — назовём это так.

— Зачем? — недоумевал Оранжевый. — Зачем кого-то звать, когда ты заболел? Общаться нужно в здоровом духе. А если чувствуешь, что с тобой что-то не так — нужно всего лишь прислушаться к себе; почувствовать, какой цвет тебе сейчас нравится больше всего, окружи себя таким цветом и пробудь в нём сколько хочется — это будет необходимая доза — вот и всё.

— Да, действительно, — хмыкнул Фёдор, — так просто.

— Конечно, просто. В нужный момент реагируешь на определённый цвет и понимаешь направление мысли.

Оранжевый с удовольствием делился своими знаниями и давал советы, а друзья с большим интересом обращали внимание на прохожих — они теперь могли определить по цвету, кого видят на своём пути. Фёдор по-прежнему был не согласен с отсутствием реально видимой рекламы и вывесок, но Оранжевый объяснил, что это может отвлекать гостей города от цели, то есть — от башни. А жители города знают что, где и к чему.

Недолго петляя закоулками красочного лабиринта, они вышли на просторную площадь; настолько просторную, что казалось — очутились за городом, а впереди — та самая башня, которая на их карте указана последним пунктом маршрута. К ней со всех сторон шли дорожки, и тоже разного цвета.

— А это хоть зачем? — спросил Александр.

— Вы можете выбрать цвет по вашему настроению, — ответил Оранжевый, — и такое состояние останется с вами до конца пути.

Вера посмотрела под ноги — все пятеро стояли на дорожке оранжевого цвета.

— Я бы не советовал искать другую, — порекомендовал Оранжевый.

— Понимаю, — Фёдор улыбнулся ему. — Мы не против этой.

— Я рад, если вы чувствовали себя комфортно в моей компании, но дальше не могу пойти с вами. Ни на что не отвлекайтесь. Наш город на этой площади не заканчивается, он окружает её. Не думаю что у вас может возникнуть ещё какой-то интерес кроме башни, но всё же.

— Да уж, — вздохнул Алекс, — «отвлекалок» разных мы насмотрелись... Возможно и найдётся что-то достойное нашего внимания; точнее сказать — здесь такого в избытке.

Но не могу найти слов, что бы передать, как хочется домой!.. Так что обещаем идти строго намеченным курсом.

Александр усмехнулся, но как-то грустно. Друзья поблагодарили весёлого Оранжевого, и направились к башне.

* * *

Гуськом по узкой дорожке туристы продвигались к конечному пункту своего маршрута.

Освещение действительно не изменилось с того времени, как они вошли в радужный город — здесь всегда полдень. Окрас неба постоянно менялся: в нём появлялись и исчезали едва уловимые оттенки всех цветов. Фёдор предположил, что там отражаются кратковременные победы различных убеждений.

— Мне кажется, я буду скучать по этой Вселенной, — с грустью произнёс Александр. — Мы столько здесь пережили разного — на всю дальнейшую жизнь хватит впечатлений, да ещё каких!..

— Не ты один, — с тем же настроением ответила Вера. — И как бы там ни было, мне кажется, это путешествие изменило нас.

— Ты права, Верочка. Мы стали другими, очень похожими друг на друга и совсем не теми, какими сюда попали. Тоскливо покидать этот мир. Пронеслись по нему, как скаковые кони... Не знаю, сколько мы здесь пробыли, кажется что дня три от силы. Но это сейчас, когда пройденный путь позади. А если начать перебирать в памяти события, то тут уже можно говорить о целой жизни. Даже не знаю — в этот мир мы попали случайно или случайно были в том?..

— Да, мы уже не те... — согласился с ними Фёдор. — Мне кажется, после этого путешествия жизнь, разделилась на прошлую и будущую. Одно не пойму — мы здесь обтепали лишнее или нарастили нужное?

— Прошли повышение квалификации, — ответил Александр. — А вообще, очень хочется домой.

— Кому не хочется? Вон, Катерина вообще не умолкает об этом с первого дня.

Александр усмехнулся и оглянулся на Катю: — Она молодчина. Без неё мы были бы не полной командой.

С гулким и сухим шумом перед ними пронёсся порыв ветра — будто большое прозрачное полотнище, извивающееся, как полярное сияние. В нём просматривались летящие пейзажи, открытые окна домов, высокие волны и прибрежные скалы... Ветер нёс захваченные по пути впечатления. Друзья смотрели вслед уносящемуся видению, и каждому хотелось вернуть его, чтоб рассмотреть то, что не успели.

— Вот так и мы, — переведа дух от увиденного, сказал Александр. — Пронесёмся по свету с развевающимися на ветру житейскими проблемами, неповторимыми эмоциями... И хорошо, если хоть кто-то обратит на нас внимание.

Кто знает, сколько бы они стояли, находясь под впечатлением пронёсшегося зрелища, но Катерин неожиданно спросила:

— А нет ли у кого каких-нибудь желаний? Мы вообще не обращали внимания на наши списки. Может, посмотрим. Что там — ни кому не интересно?

Вера тут же заглянула в сумку и достала свой лист, хмыкнула и показала товарищам — он был пуст. Такими же оказались и у остальных.

— Вот теперь домой, — со вздохом сказал Фёдор и огляделся. — Мир больше не будет прежним.

— Феденька, дорогой, — Катерина улыбнулась ему, — может так случится, что ты вообще по прибытии ничего не вспомнишь. И привычно будешь довольствоваться всем, что плоть твоя пожелает.

— Очень надеюсь, что мы этого не забудем, — сказал Александр.

Оранжевая дорожка тянулась к башне, та ближе не становилась. С каждым шагом в её направлении подступала темнота, она сгущалось вокруг туристов, но была прозрачной. Разъяснения получить было не у кого.

— Может мы все вместе спать захотели? — Александр вспомнил слова Оранжевого: тот говорил, что в этом городе не бывает закатов, а значит и ночи. — Если честно — у меня ни в одном глазу.

— И я не хочу спать, — Катерина пожалала плечами и посмотрела на Веру.

— Думаю, скоро всё прояснится, — ответила та.

И только произнесла фразу — с шумом линул дождь, сильный дождь, впервые за всё путешествие. Друзья бросились бежать, и ливень тут же прекратился — так же внезапно, как начался, а прямо перед ними неожиданно предстала могучим монументом башня.

У её подножья было многолюдно. Сюда стекались все, у кого истёк срок отпуска; кому пора было возвращаться домой.

Вера издали увидела знакомую женщину с цветочным горшком в руках, та жестом подзывала к себе.

— Рада вас видеть, — Вера ни на миг не забывала о своём желании помочь сбыться мечте этой женщины. — Как ваш цветок, не раскрылся? — тактично спросила она, не решившись назвать камнем то что, ничуть не изменившись, лежало в центре цветочного горшка.

— Расцветёт, обязательно расцветёт, уже скоро, — её глаза искрились необъяснимой радостью.

Без лишних эмоций Вера расстегнула свою сумку, достала из неё флягу с водой, в которую добавила колодезной и предложила полить «растение». Ничуть не удивившись, женщина подставила своё сокровище под тонкую струю воды. Сейчас Вере, как никогда, захотелось, чтоб этот камень расцвёл, во что бы то ни стало; даже согласна не быть очевидцем чуда, но чтобы оно обязательно случилось для этой женщины. Известно, сколько она живёт в ожидании дива, но по Вериному мнению это должно быть вознаграждено.

Фёдор, Александр и Катерина оглянулись на цветной город — он казался радужной дымкой и медленно исчезал, как мираж. Весь пройденный путь растворился, растаял как ушедший сон: сказочно интересный, порой страшный, и такой захватывающий... Им хотелось его не забыть.

* * *

Чтоб победить подступившую грусть, Фёдор поднял голову и стал рассматривать башню. Она тянулась вверх и там, куда взгляд уже не досягал, растворялась в неопостижимом пространстве. Ему хотелось верить, что войдя в неё, они попадут в настоящее прошлое, а не в предстоящее будущее.

— Представьте, мой разум чист, как горный воздух, — воскликнул Александр, — В голове ни единого желания... никакого... абсолютно.

— Тоже самое — просто ожидаю, когда же нас впустят, — Фёдор сидел с отсутствующим взглядом, продолжая размышлять о запредельном.

— Мы испытываем похожие чувства, — Катерине было приятно ощущать единение с близкими теперь людьми.

— Мы с одной планеты, — Фёдор наигранно вздохнул.

— Земляне, мне кажется, что один из членов нашей команды собирается взять на борт гостя, — Алекс кивком указал на Веру — женщины оживлённо беседовали.

— Да пусть пообщаются, — махнул рукой Фёдор. — Мне тут другое в голову пришло: что если маршрут ещё не окончен. Вдруг нас сейчас отправят ещё куда-нибудь, и в рюкзаках окажется новая карта. Или та же, но с продолжением.

Катерина рассмеялась:

— Федя, уже каждая клеточка тела знает, что мы возвращаемся.

К ним подошла Вера — одна, без собеседницы. Александр не скрывал, что доволен этим. Признался ей в своих подозрениях и, оправдываясь, сказал, что не хочется никаких посторонних:

— Мы думали, ты ей предложишь нашу компанию.

— Договаривались же ни к кому не вмешиваться, — она взглянула виновато в сторону женщины с цветочным горшком. — Я даже не подумала ей это предложить. Да и с её стороны не было никаких намёков.

— Ну, не было, так не было, — облегчённо вздохнул Александр. — Пойдёмте ближе к двери.

Их было несколько по окружности. Над каждой высвечивался номер группы, как и во всех других случаях. Друзья опустили вещи и присели на них в ожидании своего номера. Фёдор, осматриваясь по сторонам, заметил несколько уже знакомых лиц:

— Смотрите, те трое сидели за соседним столиком в турагентстве.

— Так ведь и женщина с цветочным горшком нам уже встречалась, — напомнила ему Вера.

— Не нам, а вам, — ответил он, — а этих я запомнил. Они мне не очень понравились, и я тогда поймал себя на мысли, что не хотелось бы с ними встретиться на маршруте. И даже не думайте спрашивать — почему: сам не знаю.

— А мы и не собирались, — сказала Катерина. — Хотя, может, с ними было бы веселее.

— Можно подумать, мы всю дорогу со скукой боролись, — Александр укоризненно взглянул на неё.

— Это точно, — вздохнула Вера. — Сейчас как вспомню... Затрудняюсь выделить из всего самое-самое.

— А мне понравился город альтруистов, — Фёдор закрыл глаза с довольным видом от воспоминаний.

— Мы это помним. Ты ещё там остаться намеревался.

— Если бы возможно было — не колебался бы ни минуты. Может это и отразилось бы на остальных — тогда не задумывался. А теперь остаётся писать мемуары.

— Какие мемуары? — Александр иронично улыбнулся, посмотрев на Фёдора. — Какие мемуары в области фантастики?

— Скорее — мистики.

Пока они выясняли категорию жанра описания своего путешествия, Катерина настрожилась:

— Послушайте, а вдруг наш номер будет ни с этой стороны? Что если он уже был с другого бока?

Фёдор вскочил и уже хотел идти вокруг башни.

— Успокойтесь, господа, — авторитетно заявил Александр. — Я заметил одну особенность: пока группа с соответствующим номером не войдёт в дверь, другой номер не появляется.

— Ты думаешь, что нас позовут, если наш номер окажется с другой стороны? — Веру тоже стал волновать этот вопрос.

— Нет, я думаю, что над всеми дверями появляется один номер. А входит группа в ту из них, которая ближе — вот и всё.

— Действительно, — согласился Фёдор, — банально просто.

— Вот и хорошо, можно спокойно ждать своего часа, — Катерина облегчённо вздохнула и присела на рюкзак.

— Ты о чём? — Фёдор укоризненно посмотрел на неё. — Какого часа? Может, хотела сказать номера?

— Ну, да — номера, — она наивно улыбнулась.

— Что, разницы не чувствуешь?

— Чувствую, не чувствую... высветится наш номер, мы встанем, возьмём рюкзаки...

— И быстро домой, — Фёдор не дал ей договорить, чтоб не услышать ещё чего-то, что вызвало бы у него подозрение.

— Что-то мне подсказывает — быстро не получится, — пробурчал Александр.

— Сплюнь, — не унимался Фёдор. — Я уже никуда не хочу — только домой. Даже от самого интересного отдыха хочется отдохнуть. Должен быть хоть какой-то передых.

— Ой, осторожно с «каким-то», прошу тебя, Федя...

Людей у подножия башни не становилось больше: одни заходили внутрь, другие только подходили небольшими группами. Поэтому надолго у входа мало кто задерживался. Вера отыскала взглядом женщину с цветочным горшком. Та стояла, прислонившись к стене, не обращая внимания на высвечивающиеся номера групп. «Странно, — подумала Вера, — неужели ей всё равно, возвращаться или нет? Хотя вряд ли, коль пришла к этой башне».

Фёдор дёрнул её за сумку. Вера поняла, что подошла их очередь.

— Мы? Уже наш? Где? — она быстрым взором пробежалась по сторонам и встретилась взглядом с женщиной, держащей цветочный горшок. Та, будто ждала этого момента как команды, и тоже повернулась к двери. Вера это заметила. «Наверное, хочет пройти вместе с нами, чтоб не одной возвращаться, — подумалось ей. — Что ж, пусть. Нам-то что?»

Дверь открылась, как только группа Фёдора подошла к ней. Путешественники тут же оказались в огромном зале. Несколько заполненных туристами эскалаторов двигались в разных направлениях.

— Неужели, — прошептал Федор.

— Что? — спросила его Катерина.

— Ничего. Боюсь спугнуть.

— И какой нам выбрать трап? — промолвила Вера.

— Я думаю — самый свободный, — Фёдор посмотрел на медленно движущиеся лестницы. Одни из них были короче — этажа до третьего-четвёртого; другие шли винтом и сложно было определить, где они заканчивались; некоторые поднимались так высоко, что Фёдору сразу не захотелось попасть на такой...

— Я бы выбрал самый высокий, — Александр поднял подбородок и стал похож на прежнего, с которым остальные трое встретились ещё в лифте.

Вера посмотрела на обоих и не успела озвучить своё решение.

— А я вон тот, — сказала в это момент Катя и указала на трап, над которым светился номер их маршрута.

— Ах, да!.. — Фёдор хлопнул себя по лбу. — Совсем от радости растерялся.

Все рассмеялись и, подтянув на плечах пустые рюкзаки, а Вера сумку, направились к лестнице.

По другому эскалатору в этом же направлении поднималась женщина с цветочным горшком в руках. Вера попыталась проследить за ней и почувствовала, что они, вероятнее всего, снова встретятся; сейчас или позже — не важно. Но интересно было знать: их встречи — совпадение или закономерность? Почему это волнует её одну? Почему к той женщине безразличны остальные трое — будто не замечают, разве что когда она рядом с Верой.

Эскалатор шёл и шёл, совсем, как тот лифт, войдя в который друзья, в общем-то, здесь и оказались. Трап поднимался вверх по кругу. Становилось всё светлее и светлее. Создавалось впечатление, что они под стеклянным куполом, над которым особенно ярко светит солнце; так ярко, что они не могли видеть никого, кроме себя. Вокруг только свет, а впереди зеркала — на выходе с эскалатора. Первой поднималась Вера. Она прищуривалась и оглядывалась, пытаясь увидеть своих друзей — никого вокруг не было видно, кроме её чёткого отражения в зеркале, мимо которого прошла к едва различимой в стене двери. Вслед за ней поднялась Катерина. Проходя мимо того же зеркала увидела Верино отражение. Не сосредотачивая внимания на этом, прошла в ту же дверь, что и Вера. Потом поднялись Александр и Фёдор, и каждый из них в зеркале видел отражение Веры. Привыкшие к разным чудесам, никто этому не удивился. Все четверо прошли в коридор — точь в точь такой же, как тот, в котором оказались, выйдя из злополучного лифта, поднявшего их непонятно куда.

— Смотрите-ка, — воскликнул Фёдор, — та же зелёная дорожка!

— О, — только и успел сказать Александр, как навстречу к ним непонятно откуда вышла девушка в светлом костюме — в ней сразу узнали помощницу того, кто выдал им «путёвки»: она их водила на инструктаж перед отправкой на маршрут и желала доброго пути перед дверью в мир, из которого они только что вернулись.

— Я рада, что ваше путешествие завершилось благополучно, — с той же искусственной улыбкой сказала девушка.

— А уж как мы рады, — Фёдор не сдерживал иронии и ликования.

Девушка в очередной раз улыбнулась и посмотрела сочувственно на Александра: — Всё хорошо?

— Как видите, — ответил он.

— Я вижу, вы в полном порядке, — жестом руки она предложила пройти по коридору.

Друзья снова подошли к комнатам, в которых ночевали перед путешествием и, конечно же, узнали их.

— Да, да, — девушка подтвердила их догадку, — отдохните с дороги, а завтра — по домам.

— А к вашему босу?.. — спросил Александр.

— Это не нужно. Вы все готовы отправиться к себе; но, разумеется, после отдыха.

— А я бы сразу согласился, — сказал Фёдор.

— По-другому нельзя.

— Нам каждому в свою опочивальню, или можно коллективом собраться? — поинтересовался Александр.

— Как вам будет удобно. Всё необходимое — в ваших комнатах. Приятного отдыха.

Она пошла вперёд по коридору, а друзья разошлись по своим номерам, но очень ненадолго. Так же, как и в прошлый раз, все собрались у Фёдора. Только теперь их не очень интересовало, что же произошло: забавно было предполагать, что будет дальше? Они не знали, сколько отсутствовали в своём реальном мире? Будут ли прежними или так и останутся «омоложёнными»? Александр был не против своего нынешнего вида, да и чувствовал себя куда бодрее прежнего. Катю и Фёдора это не волновало. Вера — казалось, была готова к любому варианту.

Катерина подошла к тем же часам, которые перед отправлением в путешествие показывали май с четвертью. Теперь их стрелки указывали на август.

— Интересно, — она посмотрела на друзей, — это понимать, как почти два месяца или два дня, может два часа?..

— Или август какого-то там года, к которому мы созрели, — добавил Фёдор.

— Думаю, это уже неважно, друзья, — спокойным тоном начальника произнёс Александр. — Осталось прийти в себя, выспаться как следует, и завтра тем же лифтом да на то же место. В кабинете посмотрю дату в календаре.

— Логично, — Фёдор был полностью согласен с идеей выспаться. С момента, как они покинули гостеприимного старика, длился бесконечный день. События, эмоции, переживания... Тело просило отдыха. Неудивительно, что Веру с Катей тоже клонило ко сну.

Друзья разошлись по комнатам и уснули как младенцы.

* * *

Проснуться заставило яркое солнце. Вера открыла глаза, потёрла их, огляделась по сторонам и облегчённо вздохнула: «Слава Богу — дома. Это был всего лишь сон».

Встала с постели, привычно сунула ноги в тапочки и пошла в ванную. Плеснув холодной водой в лицо, посмотрела в зеркало и с радостью узнала себя — прежнюю. Промокнувшись мягким полотенцем, абсолютно довольная направилась в кухню сварить кофе — там её улыбка погасла... На подоконнике стоял знакомый ей цветочный горшок с камнем на грунте — тот самый горшок, который бережно носила странная женщина из её сна. Только теперь камень выглядел иначе, он был пушистым. Над ним постоянно поднимались новые бутоны и раскрывались большими звёздами мягко-оранжевого цвета — будто вспыхивали множества солнышек. Создавалось впечатление, что он «дышит цветением».

У Веры захватило дух! Она не могла отвести взгляд от чуда, и ещё раз потёрла глаза. Но диво никуда не исчезло. Невероятным грохотом ворвался звук будильника, и она словно очнувшись, поспешила в спальню выключить его. На пути оглянулась — цветок продолжал своё «дыхание». Когда будильник умолк, Вера вернулась в кухню, сварила кофе, поставила чашку на стол и рядом с ней цветочный горшок.

Ей трудно было разобраться, в каком из миров ощущала себя в этот момент. Память тут же начала жонглировать воспоминаниями и она не могла отличить явные от прикинутых. По всему телу растекалась нега, и не было желания смотреть на часы, готовые кричать, сообщая, что пора выходить — работа есть работа.

Вера неторопливо собралась и вышла из дома. Села в свой автомобиль и на мгновение почувствовала себя точно в кабине автомобиля Атлана. Мгновенное по сути ощущение не позволило на себе сосредоточиться и сменилось на привычное для Веры состояние.

Через полчаса она уже входила в двери крупной компании, которой отдала много лет своей воли и усердия. Возле лифта засомневалась — может, стоит воспользоваться лестницей?.. Но, поборов предрассудки, вошла в открывшуюся кабинку и поднялась на свой этаж. С радостью не обнаружила никакой зелёной дорожки и спокойно зашагала к своему рабочему месту. Её старалась догнать девушка с толстыми папками; она вошла в кабинет вслед за Верой:

— Екатерина Александровна, вот документы, которые вы вчера просили найти в архиве. Пока я их подготовила, вас уже не было, извините.

- Хорошо, хорошо. Ничего страшного. Спасибо, — ответила та и опустилась в своё кресло. На столе перед ней в прозрачной рамке стояла фотография молодого человека.
- Вам может кофе принести? — спросила девушка.
- Хорошо бы...
- Ваш любимый, персиковый?..

* * *

Едва блюдце с чашкой ароматного напитка коснулось поверхности рабочего стола, на нём тотчас проявилась скатёртная ткань светло-зелёного цвета и краешек оранжевой салфетки — как рефлекс от пламени костра. Зазвучала лёгкая музыка...

С первым глотком видение растаяло...

Маргарита МОСКВИЧЁВА — художник, керамист, поэт, прозаик.

Лауреат Международного литературного фестиваля «Бумажный ранет-2013» (Москва) и Международного многоуровневого конкурса имени де Ришелье-2014 в четырёх номинациях. Печаталась в журналах: «Радуга» (Киев), «Лава» (Харьков), литературном альманахе «Каштановый дом» (Киев), Международном литературно-художественном журнале «Зарубежные задворки «ZA-ZA»» (Дюссельдорф), литературном журнале «Южная звезда» (Ставрополь), историко-культурном и литературном журнале на русском языке «LiteraruS-Литературное слово» (Хельсинки), поэтической антологии «Иллюзии сада» (Варшава).

Произведения опубликованы на литературных сайтах Польши, Германии, России и Беларуси.

Стихи переводились на польский и арабский языки.

**Ан-24, Или До 18.00 читать строго запрещается
(Роман-метафора)***Продолжение***Глава 40**

В душе штормило, отчего и тошнило! Нет, не тошнило, а было как-то противно! Ну, в смысле хотелось думать о чём-то светлом и хорошем, а в голову лезла всякая гадость. И что самое обидное — гадость в голову таки залезла и начала умащиваться поудобней, не забывая нашёптывать, что все люди сволочи, а вот она, гадость — нет. Чтобы хоть как-то заткнуть рот новой хозяйке своей головы, Ан решил выпить. Но выпивки в доме не оказалось. Расстроился. Начал искать сигареты. Не нашёл. Поговорить было не с кем — Внутренний голос молчал.

— А не позвонить ли Бухгалтеру? — сказал вслух заложник плохого настроения и поднял трубку.

Сигналы вызова с отрегулированной периодичностью то появлялись, то исчезали в глубине непонимания технической мысли, «додумавшейся» до такого, теперь уже привычного, средства связи. Они капали, как вода с крыши после дождя — кап... кап... кап... ут... ут... ут... капут...

— Да! — раздался знакомый голос в правом ухе Ана. — Говорите и вас услышат!

— Это я! — без особого энтузиазма прохрипел студент.

— А это, я! — услышал в ответ. — И что?

— Ничего. Тошно как-то!

Бухгалтер засмеялся:

— Философом становишься! Поэзию забросил?

Ану показалось, что собеседник издевается не над его словами, не над ним, а над жизнью, которой он не мог дать лад. Хотел обидеться, но представив друга с бутылкой бренди в руках, мягко улыбнулся.

— Знаешь?! — сказал он.

— Знаю! — грубо перебил Бухгалтер. — Но пить с тобой больше не буду. Звонил Николай. Сказал, что ты дерьмо, о которое он сильно замарался. Так что, старик, прости, мне компаньон дороже наших дружеских застолий! Да и твой выигрыш, действительно, забыть не могу. А деньги тебе давал так — для развлечения. Разве это деньги! В общем, аккуратней глотай слюну — у меня обед!

Услышав, что Бухгалтер не попросившись, положил трубку, Ан осознал: лучше не оглядываться на прошлое, чтобы не превратиться в соляной столп. Страшно навечно остаться глупым и наивным неудачником, мечтающим сделать людей счастливыми, но по какому-то злому и нелепому недоразумению, позабывшим внести в список себя. Стало совсем плохо. И это «совсем плохо» сначала наэлектризовало кончики пальцев, до такой степени, что бывшему подопечному подпольного миллионера показалось — ещё чуть-чуть, и он сможет выстреливать электрическими разрядами из своих конечностей не хуже женщины-терминатора из популярного кинематографического блокбастера. Потом «совсем плохо» разлило по телу странную усталость, описать которую можно было несколькими словами, единственными и точными: «Надоело всё, надоело, надоело!» Потом «совсем плохо» несколько раз качнуло Ана из стороны в сторону. Чтобы не упасть, пришлось схватиться за дверную ручку. Воздуха не хватало — он замер у самого лица и не вдыхался в лёгкие. Казалось, кто-то невидимый сдавил шею чугуной пятернёй. Лицо налилось кровью. В глазах появились маленькие чёрненькие «вертлявые» шарики. Их было много. Они вращались с бешеной скоростью и улетали куда-то вглубь сознания. «Наверное, поднялось давление», — подумал Ан и полез в шкаф за тонометром. Померял на левой руке. Удивился: сто шестьдесят на сто десять! «Прежде такого

не было!» — сказал задумчиво и решил проверить давление на правой. Новый результат поразил не меньше: сто двадцать на восемьдесят! Развалившись в кресле, стал обдумывать ситуацию, понимая, что непредвиденные обстоятельства в виде гипертонической болезни с одной стороны, с левой — это, либо галлюцинация, либо, действительно, заболевание, на которое прежде не обращал никакого внимания. А с другой стороны, с правой — это не галлюцинация и не заболевание, на которое прежде тоже не обращал никакого внимания. Понимая, что дверцы логической ловушки захлопнулись, и выхода не найти, решил поступить трезво — выпить во чтобы то ни стало! Но, в доме не было даже камфорного спирта. Это было страшно! Оставаться наедине с самим собой, да притом трезвым и злым, Ану не хотелось. Ему нравился другой он — весёлый и добрый. «Вместе весело шагать...» — вспомнил, как его поучал Голос. «Надо позвонить Рабику и Болту, пока они ещё помнят меня и ценят нашу дружбу. А вдруг, не ценят? А вдруг, скажут правду, и она разобьёт мне сердце на сотни маленьких сердечек, которыми торгуют на рынке накануне Дня всех влюблённых! Продают даже тем, кто так и не научился любить по-настоящему! А вдруг мои друзья, скажут, что дружат со мной только потому, что со мной весело и всё? И это будет той правдой, за которую они согласятся умереть, то есть — настоящей, подлинной, железной», — крутились в голове мысли, сменяя друг друга.

И Ан не выдержал напора сомнений.

Пошла ты! — сказал он своей апатии, убивавшей душу своим безразличием. — Никому звонить не стану! Пусть друзья останутся друзьями, и никакой психоз не сможет задушить то, что для меня всегда было правдой, за которую готов был умереть. Даёшь сто двадцать на восемьдесят! Это как раз та скорость, при которой ещё никто не нарушил правила движения уверенности в завтрашнем дне!

И тут в дверь позвонили.

Не мешкая, Ан два раза щёлкнул слева на право поворотной ручкой дверного замка — на пороге стояла Люба. Она бережно, по-матерински, обняла любимого и поцеловала в губы. Дышать стало легче, и от удовольствия он заурчал по-кошачьи.

— Ты чего это? — засмеялась Любовь. — Прежде я не слышала подобных звуков. Чтобы это могло значить, ведь сейчас не март месяц?

В объятиях возлюбленной Ану стало хорошо и уютно как никогда. Необъяснимое чувственное тепло разлилось по всему телу. Пальцы на руках слегка подрагивали, выдавая волнение.

— Ты чего это? — повторила она и заглянула ему в глаза.

— Можно узнать правду? — дрогнувшим голосом спросил Ан.

— Глупенький какой! Конечно, можно! Ну, что ты хочешь знать?

И тут «главному инженеру человеческих душ» впервые стало страшно по-настоящему. Он отчётливо понимал, что правда в одно мгновение может либо разрушить его жизнь до основания, а затем... добить до конца, либо сделать его самым счастливым человеком на свете.

— Ты меня любишь? — упавшим голосом спросил поэт.

Короткое «да» чуть не лишило рассудка правдоискателя. А когда Люба добавила, что не может без него жить, Ан стал перед ней на колени. Слёзы сами текли из глаз, скатывались по щекам и срывались в бездну, внезапно нахлынувшей, радости жизни. Любины пальцы успокаивающе массировали голову блудного сына, вернувшегося в объятия истинной любви.

— Я люблю, тебя, дурачок! — добавила она и, неожиданно, голосом ректора педагогического института спросила настойчиво и властно: вот, скажи ты мне правду! Неужели тебе тяжело сказать правду? Неужели, правда — это что-то из области фантастики, а не реальность, с которой мы сталкиваемся каждое мгновение нашей жизни? Неужели правда так может колоть глаза, что ты не сможешь выдержать эту боль? Ты же сознательный гражданин, член нашего правдивого общества, которое благодаря правде бесконечно далеко шагнуло в нравственных вопросах. Ты хоть понимаешь, о чём я тут говорю битых двадцать минут. Почему ты всё время молчишь? Я хочу услышать от тебя правдивый рассказ о самом себе, понимаешь, правдивый, чтобы я смог понять, достоин ли ты учиться в нашем престижном ВУЗе! Скажи мне правду! Скажи мне правду!..

ЧАСТЬ 4

Глава 41

... Словно в тёмной комнате включили свет... Огляделся по сторонам...

Я стоял перед «правительственным» ректорским столом, наполовину скрывавшем от меня Макаренко.

— Скажи правду, ты хочешь учиться в институте? — повторял настойчиво ректор.

Ответ нашелся сам собой! Я выдал на-гора из глубины души то, что ждал от меня Антон Семёнович:

— Отвечу не правдой, а ложью: я не хочу учиться в вашем институте!

Макаренко посмотрел на меня так, как, наверное, посмотрел бы повар на ожившую замороженную курицу, вырвавшуюся у него из рук с перепуганным кудахтаньем.

— Я знаю: ты человек весёлый. На межвузовских соревнованиях по КВН запомнился своими смешными стихотворениями. Я сразу тебя заметил. Подумал, что таким и должен быть учитель — весёлым и находчивым. Поэтому дам тебе ещё один шанс. К завтрашним занятиям ты подстрижешься. Это раз! На первую пару придёшь вовремя, без опозданий. Это два! Но сначала, зайдёшь ко мне и покажешь причёску. Это три! Я хочу, чтобы ты имел опрятный вид! Хочется видеть людей красивыми, а не смятыми в лепёшку грубыми руками нездорового образа жизни, который, к сожалению, я уже вести не могу! Поэтому и злюсь на тебя!

Макаренко улыбнулся, давая понять, что последняя фраза была, может быть, и не шуткой.

Ректора я понимал! А глядя на его лысую голову, не только понимал, но и сочувствовал ему. Хотелось подойти поближе и, облизав сухие губы, сказать:

— Антон Семёнович, лысые мужики — даже очень и очень! Они напоминают живое огромное «голое яйцо» с глазами, носом, ртом и ушами! Волосы — это уже перебор, они лишние в этом сексуальном перечне. Поэтому, не надо так злиться на молодых и патлатых парней, которые если и не досыпают по ночам, то легко могут найти выход из этого тупика — выспаться на лекции, спрятавшись за спинами, впереди сидящих, ангелов-хранителей.

Конечно, я мог сказать так, но почему-то соврал, что у меня нет денег на «постриг». Не успев поставить точку в конце устного предложения, услышал, как в правом кармане фирменных джинсов недовольно заёрзалось несколько зелёных американских сотенных бумажек, полученных из рук Николая сразу после окончания удавшегося аукциона, и которые я припрятал от Любы на всякий случай, в том числе и непредвиденный. Вдруг, захочу с друзьями закатиться в какой-нибудь пивной погребок! Трудно разобраться в себе, особенно тогда, когда разбираться хочется, ну, если, не с омаром (Омар Хайям тут ни при чём, хотя с другой стороны, он бы меня точно понял), так с дюжиной горячих раков, сваренных на пиве и щедро приправленных укропом.

Не знаю как, но Макаренко моё пивное настроение почувствовал, уловил, как чуткий радар улавливает вражеский самолёт на самом краю мироздания.

— Говоришь, нет средств? — задумчиво и как-то по-отцовски спросил он.

И я сбрехал во второй раз, почувствовав, как в кармане разъярённая капиталистическая сотенная бумажка укусила меня за ногу, а если бы смогла дотянуться — гламанула б за язык.

Хозяин моей дальнейшей педагогической судьбы открыл верхний ящик письменного стола и достал из деревянной глубины то, чего я не ожидал.

— Хорошо, вот, возьми, деньги на стрижку! На стрижку, а не на пиво! Завтра придёшь, покажешься! А теперь, иди! — сказал спокойно, по-отцовски.

Я как загипнотизированный взял новенькую купюру и, пятясь назад (словно, каким-то чудом, оставшийся в живых омар), медленно выполз из кабинета. Деньги держал в руках. Поймав на себе удивлённый взгляд хорошенькой секретарши, подмигнул, заигрывая:

— Видела?! Будешь свидетелем! Студентам дают взятки, чтобы те не прогуливали занятия! Экспериментальный метод! Нестандартный подход! Новое слово в учебнике по психологии!

Секретарша засмеялась.

Глядя на неё, почувствовал — глубокое декольте начало засасывать меня в свою пучину. Голова закружилась, и было от чего. Размер её «футбольных мячей» в зависимо-

сти от скорости вдоха и глубины выдоха колебался между восьмым и десятым размером. И только страшным усилием воли я смог удержаться на самом краю огнедышащего вулкана. Удержаться то удержался, но в мыслях всё-таки успел пару раз с жадностью потискать грудастую девицу между столом, отполированным её бюстом до зеркального блеска и сургучного цвета сейфом, надёжно защищавшим все подходы с тыла.

Секретарша была совсем молоденькой, на вид заводной девчонкой, и, как мне показалось, с удовольствием согласилась бы поиграть со мной в футбол на переменке, до которой оставалось каких-нибудь минут десять. Требовалось лишь одно — найти укромное местечко.

Игра-игрой, но я любил другую! А кандидатом в мастера спорта по перетягиванию мужских взглядов — равной которой не было в нашем учебном заведении — мог только восхищаться. Изменять Любе не хотелось, но и уйти просто так — тоже. Не зная, что сказать ещё, выпалил первое, пришедшее на ум:

— Красота, — это страшная сила, особенно в чужих мозолистых руках!

— Недотёпа! — ответила искусительница равнодушно и принялась расписывать пасту с таким рвением, что белый листок бумаги через несколько секунд превратился в дырявый листок бумаги.

— Куда это я не до тёпал? — угрожающе спросил я, вытянув руки вперёд и сделав шаг в её сторону.

Девица вскочила со стула с такой скоростью, будто под столом страж царства мёртвых, трёхголовый Цербер, сразу тремя — живым, горячим, шершавым — языками, лизнул ей ногу. Неуклюже взмахнув правой рукой, она зацепила вазу с цветами и та свалилась на пол. Среди вузовской тишины раздался грохот не состоявшегося грехопадения.

Макаренко открыл дверь кабинета, взглядом оценил обстановку и попросил не выходить за рамки пристойного поведения. Мне напомнил, что звание учителя не вручают вместе с дипломом, который ещё надо получить, а зарабатывают годами упорного труда и ежедневной работы над собой.

Конечно, я мог признаться Антон Семёновичу, что учителем не собирался работать ни минуты, решив посвятить свою жизнь литературе. Мог, но не смог — писателей много, а учителей не хватает! Зачем вылетать из гнезда, ещё не оперившись? Институт стал школой жизни, где и умную книжечку почитать можно, и с друзьями приятно провести время от сессии до сессии. Кроме того, он давал крепкие знания и по другим предметам: языку, истории, философии. Лишь педагогика — вытаптывала всё живое в душе. Не знаю, как другие студенты, но я начинал тупеть сразу «не отходя от кассы», прочитав хотя бы такое: «Педагогика — одна из общественных наук, которая исследует процесс воспитания человека, то есть её предметом является воспитание: как из ребёнка в ходе его общения и взаимодействия с общественными коллективами (семья, учебные, воспитательные, производственные, уличные сообщества и т.д.) складывается (воспитывается) личность — существо социальное, сознательно и ответственно относящееся к окружающему миру, преобразующее этот мир (начиная прежде всего с себя и своим примером). Этот процесс протекает по свойственным ему законам, то есть в нём проявляются устойчивые, неизбежные связи между отдельными частями, определённые изменения влекут за собой соответствующие результаты. Эти закономерности выявляет и изучает педагогика». Понимая, что именно это определение педагогической науки является ни чем иным, как магическим заклинанием моего институтского успеха, я пытался сначала докопаться до его смысла, опираясь на своё художественное воображение. А когда скумекал, что из этой затеи ничего не выйдет, решил заучить заклинание наизусть, но ничего не получилось. Ну, не лезли в голову научные слова, как я ни старался. Хотелось крикнуть голосом профессора Преображенского: «Кто на ком стоял, потрудитесь излагать свои мысли яснее!» Но кому кричать в данном случае — не знал, так как автора этого интеллектуального извержения так и не смог найти в сетях Всемирной паутины. Единственное, что понял сразу — слово «педагогика» с греческого языка буквально означало «детоведение, детовожделение», и что в Древней Греции педагогом являлся раб. Он отводил ребёнка на занятия и следил за тем, чтобы его подопечный не прогуливал уроки. Поэтому, неотвязная мысль, что я обречён стать современным рабом, заставляла меня относиться к институту, как к вынужденной в пути остановке — пикнику на обочине будущей счастливой жизни. Почему-то вспомнил о Надежде — студентке, верящей, что стихи спасут мир.

Убедившись, что секретарша и Макаренко сами собой никуда не испарились, а по-прежнему продолжают пристально изучать моё уверенное выражение лица, я для приличия надел маску кротости, нащупал дверную ручку и пулей вылетел в коридор.

Глава 42

К удивлению Ана, за дверью ректорской приёмной его поджидали Рабик и Болт. Друзья с удовольствием пожали друг другу руки. Рабик предложил ещё и поцеловаться.

Шутку поддержали дружным раскатистым смехом.

— Можно взяться за руки и спеть прямо здесь какую-нибудь добрую песенку на радость Антону Семёновичу и его грудастой помощницы! — продолжал веселиться Ан. — А вы тут как оказались? Тоже вызвали на ковёр?

— Ковёр? — то ли не понимая, то ли удивляясь, переспросил Болт. — Деканша послала встретить тебя!

— Зачем? Я и сам бы нашёл дорогу в аудиторию!

— Аудиторию? Размечтался! А яму ты бы сам нашёл?

— Какую?

— Ту, что засыпать пойдём! Не девчонок же посылать!

И друзья дословно передали задание Екатерины Леонидовны: «Лоботрясы, ступайте и немедленно засыпьте яму под моими окнами! Сделайте хоть что-то хорошее для филологической науки!»

— Это что, шутка такая или очередной педагогический приёмчик? — возмутился бывший бригадир. — На хрена надо было выкапывать и не закапывать?

— Ремонтники выкопали! Кусок трубы приварили и ушли! Яму три недели никто не трогал, пока в неё не свалилась какая-то дурочка с переулочка — журналистка, решившая сделать фотку для своей статьи. Стала на край, а очнулась уже верхом на трубе. И смех, и грех. Так что, айда за лопатами!

Если Рабик и Болт уже неоднократно любовались плодами труда бригады ремонтной службы, то для Ана всё было вновь. Яма сначала показалась не очень большой... Через полчаса земляных работ её размеры не только не уменьшились, но, казалось, увеличились вдвое... Ещё через полчаса яма приобрела зловещий объём, превратившись в настоящую прорву.

Первым не выдержал Рабик.

— Я пошёл за водкой! — сказал, как отрезал.

— Возьми что ни будь пожевать! — продолжая швырять землю, повелевающее приказал Болт. — Деньги есть?

— Так точно!

— Тогда, дуй!

Дуть далеко не пришлось! Умный и заботливый предприниматель, добрая душа, ещё год назад открыл водочный магазин по соседству с институтом.

Через десять минут пятидесятиграммовые пластмассовые стаканчики наполнились живой прохладной «пшеничной» до краёв. Ан почувствовал ни с чем не сравнимый обжигающий острый холодок в ладонях и ощутил жар предчувствия у себя внутри. Выпил медленно. Впервые медленно. Закусывать не стал. Достал сигареты. Закурил. Друзья тоже.

— Хорошо! — сказали все по очереди. И тут же решили повторить!

После второй выпитой бутылки дело пошло живее. Казалось, что яма сама начала себя засыпать, помогая трудягам в изнурительной работе. Ровно через два часа от зловещей бездны под стенами филологического института осталась только небольшая глиняная заплатка.

— Мы журналистку хоть не зарыли вместе с трубой? — пошутил Рабик, сорвав аплодисменты.

На душе потеплело. Морозило одно — третья пара, на которую надо было не просто идти, а идти обязательно. Практические занятия по русскому языку старался не прогуливать даже самый пропащий студент. Стоило только раз не явиться на занятия, как имя «отсутствующего» вносилось преподавателем в чёрный список и получить зачёт с наскока или сдать экзамен с первой попытки становилось делом нереальным, гиблым и смертельно опасным для ещё не полностью сформировавшейся молодой нервной сис-

темы. На занятия приходили и приползали все, начиная с матёрых зубрил и заканчивая «случайно-беременными» студентками. Смельчаков под мухой — не помнил никто! Поэтому Ан предложил не высовываться и не будить спящую собаку. Что за собака — объяснить не смог. Обозвал её скотиной и той ещё штучкой.

Друзья забились в угол, стараясь не попадать на глаза Алевтины Мансандровны — получившей такое прозвище лет двадцать назад от одного из обиженных ею студентов. За годы преподавания в институте отчество педагога не раз трансформировалось, и она становилась то Массандровной, то Хересовной, то Украинской с перцем. Но шутить с нею открыто не решался никто. Аудитория сидела так тихо, что, казалось, было слышно как с голов двоечников на пол падают отмёршие от ужаса волосы. В отличие от остальных, недавним земляных дел мастерам покорно на месте не сиделось. Чем тише они старались себя вести, тем громче это у них получалось. Успокоить смельчаков, решивших испытать на себе, что такое публичная смертная казнь, не смогли ни метание молний из глаз Алевтины Массандровны, ни дружеская — заткнитесь немедленно! — просьба старосты.

Было весело! Без всякой причины! И друзья ни за что не хотели распрощаться с этим настроением.

Недолго думая, Хересовна вызвала к доске Ана, подчеркнув, что сильно по нём соскучилась! Поинтересовалась, почему долго не появлялся на занятиях и есть ли у него оправдательный документ. Больничный лист закоренелый прогульщик не успел сдать в деканат, и это смягчило приговор — колесование отменялось, а публичная порка — нет!

Полученное задание казалось лёгким. Предложение звучало так: «Я был не в состоянии думать об этом». Требовалось разобрать его, вычленив — подлежащее, сказуемое, определение, дополнение, обстоятельство, и найти составное глагольное сказуемое. Подлежащее Ан нашёл сразу, ответив на вопрос: что? А вот составное глагольное сказуемое — упёрлось и не желало находиться вообще! Не зная, как поступить мученик умственного труда решил выкрутиться, соврав, что ему нездоровится и у него кружится голова. Мансардовна глянула на него так, что ему захотелось либо провалиться в тартарары, либо немедленно сделать харакири. Заметив смертельный испуг в его глазах, училка осталась довольна собой и отправила потенциального двоечника на место!

Следующего к доске вызвала Болта.

Задание оставалось прежним.

Слегка покачиваясь со стороны в сторону и состроив умное лицо, «Дядя Стёпа» подлежащее нашёл сразу, ткнув пальцем в доску.

— Ладно! — снисходительно сказала «Украинская с перцем», прохаживаясь между рядами столов. — Где сказуемое? Только не поломай палец!

Болт взял мел и крупными буквами вывел на доске: «Только не поломай палец».

На педагога это произвело точно такое же впечатление, как на китайскую стену сумасшедший турист, решивший протаранить древнюю каменную кладку своей пустой башкой. Предчувствуя первую кровь, студенты заметно оживились. Воздух наполнился тяжестью ожидания — явление палача народу ожидалось с минуты на минуту.

— Ладно! — повторила строгая и непреступная «стена непонимания». — Что дальше?

Болт начал что-то бурчать себе под нос; то отходить от доски на несколько метров назад, то быстро подбегать к ней. Студенты не выдержали и чуть не попадали от смеха со своих стульев.

Минут через пять пошатывающийся здоровяк сообщил, что в предложении сказуемого нет, и ему тоже нездоровится.

Смеялись все.

— Кому ещё нездоровится? — спросила Массандровна, и вопрошающе посмотрела на Рабика.

Тот, не колеблясь ни секунды, признался, что внезапно сильно заболел.

Педагог подвела скупой на эмоции русско-украинский итог:

— Такого у нас ще нэ було! Цирк на дроти! Идите домой спать, а завтра поговорим!

По коридору гуляла прохлада. Голова стала работать лучше. Спать не хотелось!

— Погнали в общагу! — предложил Болт. — Там всегда кто-то есть!

И это была правда с лицом истины!

На третьем этаже в небольшой комнатке женского общежития со вчерашнего дня продолжали «гулять» одиозные Степан и Лёха. Первый — отличник, второй — отлично устроившийся папин сынок и наследник высокого кожаного должностного кресла в столичном Главке. За столом студенты сидели в трусах и футболках. У обоих на лбу адским огнём горела печать бессонной ночи. Судя по грязной посуде и количеству пустых бутылок — жизнь у них удалась! К огорчению Рабика — ни выпивки, ни закуски не осталось. Ан, как самый трезвый, согласился метнуться в магазин. А двум смельчакам, бросившим безумный вызов будущим зачётам по русскому языку, приказал замести мусор под кровать. «Ночь пропили! День допиваете!» — крикнул он уже из коридора. Через пятнадцать минут прибежали, запыхавшись: две бутылки водки, пять консервных банок с черноморской килькой и буханка круглого чёрного хлеба. В пустую бутылку от «Столичной» Болт налил воду прямо из крана — не бегать же каждый раз на кухню ради «запивошки», пугая своим видом молоденьких казашек!

Всё складывалось замечательно!

И тут Ан услышал за дверью цоканье каблучков. Этот отчётливый звук, он не спутал бы ни с каким другим в мире. Ловкие руки, которым в это мгновение мог бы позавидовать иллюзионист Дэвид Копперфильд, сами схватили со стола бутылки с водкой и мгновенно засунули их под кровать на радость мусору. Никто не успел даже опомниться! Дверь распахнулась и в комнату быстрым шагом вошла Екатерина Леонидовна.

— Ага! — властно крикнула она и схватила со стола бутылку с «кухонной» водой.

— Ага! — хором подтвердила, как под гипнозом, дружная компания.

— Что здесь у нас? — принялось к вещественному доказательству начальство. — Вода?!!!

Ан решительно подтвердил её догадку.

Деканша присела на свободный стул.

— Мне сказали, что вы тут развлекаетесь, но чтобы так — килька с водой! В моей практике это впервые!

Ан почувствовал, что настал момент остановить разбушевавшуюся стихию любым способом, пока та находится в замешательстве и не знает, что делать дальше.

— Не развлекаемся, а пытаемся поесть после ликвидации чрезвычайной ситуации, сложившейся под стенами родного ВУЗа в виде ямы вселенских размеров, — напомнил он о задании «смерчу», чуть не разрушившему одним ловким движением все жалкие постройки их примитивной лжи.

Екатерина Леонидовна вспомнила о яме и её голос заметно подобрел.

— Засыпали?

— Ещё и как! Будет о чём рассказать в старости!

— А где лопаты?

Ан вспомнил, что лопаты они оставили в кустах, пока по очереди бегали в эти самые кусты до ветра.

— Запрятали! — как можно честнее соврал он.

— Отнесите завхозу, если жизнь дорога! — сказала деканша, встала и направилась к выходу. Уже за порогом, оглянулась на бутылку с водой и вздохнула: «Не понимаю!»

Дверь закрылась и те же самые ловкие руки извлекли из-под кровати «горючее». Все дружно накинулись на него, кроме Ана. Нельзя сказать, что он решил измениться в лучшую сторону: бросить пить и курить; перестать прогуливать занятия; начать усердно конспектировать лекции; не врать и выкручиваться; стать законопослушным гражданином; выкинуть дурь из головы; засесть за уроки; вызубрить проклятые падежи и наконец-то разобраться в самом себе, отдавая отчёт, что лингвистический анализ текста — это не проклятие, а дар судьбы, который нельзя просто так взять и выбросить из своей жизни раз и (на ум пришло слово из бухгалтерского цеха) н-а-в-с-е-г-д-а. Выбросить, как мусорный пакет, набитый до отказа непонятно чем или наоборот, понятно чем, но уже ненужным. Да и недавнее видение существа в белом халате посреди подозрительного заводского цеха сделало своё дело. Продавать душу за бутылку сомнительного удовольствия уже не хотелось, как и строить из себя дурочка, скрывавшего за личиной недоумка своё настоящее серьёзное лицо.

За последний месяц Ан понял многое.

Ему казалось, что он прожил огромную длинную жизнь — бесконечную, как видение проносащегося мимо него железнодорожного состава и выстукивающего на стыках рельс единственно правильное решение: во что бы то ни стало двигаться только вперёд

и тащить свой груз несмотря ни на что. С поездом и железной дорогой жизнь сравнивали многие поэты. Ан такие стихи читал, но впервые понял их только сейчас. И пока он размышлял, в какие жуткие дебри вселенной может завести валяющаяся под ногами и уходящая в беспредельность лестница из шпал, друзья успешно превращались в ничто. В таком состоянии, ни о каком движении вперёд не могло быть и речи. Это была дорога в никуда. Дорога в ад, где существо в белом халате обещало подарить вечность, но уже без души. А вечность в виде придорожного камня Ана не устраивала. Ну, не горел он желанием лежать тысячи лет просто так или бить окна по чьей-то прихоти. Ему хотелось взлететь над суетой — легко и крылато. Взлететь, как петь! «Пить и петь — изменить всего одну букву и можно поменять жизнь, — думал он, — всего одна буква, а как много она значит. Что же тогда может сделать слово?» И от этой мысли его бросило в жар — быстрым движением вытер испарину со лба. Хотел закурить, но удержался. «Если менять жизнь, то менять сразу, решительно выбросив из окна старую мебель и завезя новую, удобную! Хочется жить и творить! Творить и жить, как никогда до этого! Наверное, я тоже пьян, — подумал, — или пьян тоже, но не наверное». Ан закрыл глаза, чтобы проверить с какой скоростью вращается планета Земля вокруг своей оси. Скорость была небольшой, и рука сама потянулась к наполненной соблазном рюмке. И как назло, в этот самый момент, Болт протрубил, что ему хочется шампанского — срочно! А ещё, как специально, напомнил о лопатах, и, нависая торсом над столом, схватил за шиворот Рабика. Через секунду он уже тащил его к двери. На «сладкую парочку» не действовали ни уговоры, ни крики — они даже не хотели слушать, что у них и без шампанского уже капает из ушей, и категорически отказывались верить, что выражение «Гитлер капут» это реальный исторический факт, а не название экзотического коктейля, подаваемого VIP-гостям женской общаги. Остановить их не смогли бы ни папа римский, ни привидения с лицами основателей марксизма-ленинизма, ни реальный министр просвещения, ни дежурная по общежитию. Плюнув им вслед, Ан остался в комнате, пытаясь утихомирить и уложить спать остальных двух педагогических недоносков, решивших без трусов сплясать на подоконнике танец маленьких лебедей. Голова шла кругом. Хотелось купить автомат и расстрелять этих «грациозных птиц» прямо здесь и прямо до последнего патрона. А когда Степан и Лёха пошли в женский туалет и заснули на полу, Ану уже ничего не хотелось. Ему почему-то стало обидно за Павку Корчагина, отдавшего свою литературную жизнь за таких идиотов... о себе он тоже подумал. Перетащив «лебедей» в комнату — с трудом уложил «валетом» на одной кровати. Вздохнув с облегчением, снова забеспокоился — Рабик и Болт не возвращались. Почувствовав что-то неладное, решил начать поиски с лопат и завхоза, чья комнатка находилась на первом этаже под лестницей главного корпуса. Об этом мало кто знал. Небольшое помещение одновременно являлось и офисом, и складом, где можно было не только спокойно перекурить, но и поиграть с хозяином в карты или домино.

То, что увидел Ан, подойдя к лестнице, шжало ему сердце: прижавшись друг к другу, во сне над ступеньками парили его друзья — три лопаты «летали» рядом. «Что делать и кто виноват?» — как на экзамене спросил он сам себя и не нашёл ответа. Тащить двух «кабанов» к остановке общественного транспорта по коридорам института... через центральный выход мимо зоркой неведомственной охраны... метров триста по прилегающему к институту скверу — всё равно, что тащить их сначала в вытрезвитель, а уж потом, чистеньких, в кабинет ректора. Вызвать такси? Но Болта и Рабика в карман не спрячешь! Вот если бы найти где-то стаю бешенных собак — до остановки добежали бы все (Ан огляделся по сторонам), но об этом приходилось только мечтать! Остро захотелось что-то предпринять, а не скулить в такт ровного похрапывания двух прародителей уже физически ощущаемых неприятностей в виде позорного исключения из института и вечной татуировки на лбу: «Идиот, ты не один!» Пришла пора спасать друзей! Но как? Завхоза уже или ещё не было! Спрятать «ценную находку» в его комнате? Но где взять ключ? И тут Ана осенило! Не мешкая, он перетащил претендентов на звание «Студент года» в ближайшую аудиторию. Уложил подалше от дверей, чтобы храп Рабика не нарушал безмолвие вузовских коридоров. Перенёс лопаты. Одной из них подпёр дверь, чтобы нельзя было открыть снаружи. Глядя на двух молодцов — невинных жертв невыносимо тяжёлой молодости — студента-спасателя начал душить смех. «Человек — это храпит гордо!», — вполголоса выкрикнул он, радуясь, что и на этот раз пули позора просвистели рядом с головами Болта и Рабика, не причинив им никакого вреда. «А не

поцеловать ли их по-отечески на ночь?!» — спросил сам себя и не узнал свой голос. Постояв ещё минуты две в сумерках аудитории, понял, что пришла пора «рвать когти»!

Открыв окно, благо оно находилось на первом этаже, Ан спрыгнул на землю и спугнул тишину звуком сломанной сухой ветки под ногами. Тишина перепуганной кошкой отпрыгнула в сторону, и как ни в чём не бывало, снова улеглась на холодную вечернюю росу. Мысль о пиве из холодильника пришла сама собой, естественно, как приходит закат или время ужина. Ан быстро побежал, заметив троллейбус, подъезжающий к остановке. И уже на бегу споткнулся о другую мысль, всплывшую из памяти в самый неподходящий момент. И эта мысль была об Антоне Макаренко. Слова ректора в глубине сознания прозвучали как приговор в зале суда, где абсолютное затишье только подчеркивало остроту момента: «Хорошо, на, возьми деньги на стрижку! На стрижку, а не на пиво! Завтра придёшь, покажешься!». Запрыгнув на ступеньку троллейбуса, Ан понял, что таким «ректорским пивом» не только голову не обманешь, но и легко разрушишь веру человека, пусть и чужого, но, по всей видимости, хорошо знающего, куда могут завести дороги, выбирающие нас.

— Если вы надумали изменить жизнь к лучшему — это надо делать решительно, на всём ходу, пусть и троллейбуса! Коней на переправе необходимо менять хотя бы несколько раз в жизни! — сказал Ан кондукторше средних лет с малиновыми губами и зелёными бровями, чьё веснушчатое лицо словно воздушный шарик подплыло к нему на расстояние выдоха.

Сказал и протянул мелочь за проезд.

К его словам, та отнеслась с пониманием. Это читалось по её глазам, как и то, что убогих людей, во всех смыслах этого слова, надо не только жалеть, но и не брать с них ни копейки — пусть ездят зайцами!

Подвыпивший студент спорить не стал.

Свою новую коронную фразу о конях на переправе, в этот вечер он повторил несколько раз. Первым её услышал парикмахер — небритый мужик в разноцветном халате, похожем на флаг какой-то страны. Когда мастер подошёл к креслу, Ану захотелось вскочить и спеть гимн, положив руку на грудь, проверяя на месте ли его сердце, но вспомнив Кису Воробьянинова, сказал, не сдерживая категоричность:

— Брейте!

Цирюльник-виртуоз долго не мог понять, для чего надо брить голову, если можно сделать стильную стрижку, недорого. И только после того, как клиент крикнул на весь зал, что ему надоело быть скотиной, нехотя выполнил просьбу. То, что получилось и перепугало, и рассмешило всех посетителей парикмахерской! А их было не мало. Лысый Ан с горящим взором и взлохмаченной смоляной бородой стал похож на басмача времён гражданской войны начала двадцатого столетия. Не хватало только сабли, нагана и боевого коня! Но плакать было поздно, оставалось одно — со всеми вместе посмеяться над самим собой. Расплатившись в кассе, он ушёл, но вскоре вернулся вместе с элегантным официантом в белом пиджаке и чёрных брюках-дудочках. Где «среднеазиатский контрреволюционер» его «достал» никого в парикмахерской не интересовало. Официант грациозно держал перед собой поднос, заставленный худыми бокалами с шампанским.

— Если и менять жизнь, то её можно поменять и по выгодному курсу! — заявил лысый чудаковитый и тут же предложил всем желающим острограмиться по-быстренькому, а небритому парикмахеру — выпить с ним на брудершафт. Чтобы не вызывать милицию, главный администратор заведения, без особых уговоров согласился отхлебнуть из бокала и уговорил сделать тоже самое остальных. Объяснил просто: надо побыстрее отпустить странного клиента с Богом на все четыре стороны. Так и было сделано!

По дороге к дому Ану дошло: хиппи это не просто длинные волосы, а состояние души! А его душа, казалось, больше не принадлежала ему. Он понял это сразу, лишь только почувствовал, как кто-то внутри него перевернул пластинку его жизни на другую сторону и вместо привычных зажигательных ритмов, полилась спокойная и возвышенная мелодия. Стройное соло выводила труба. Божественные звуки поднимали над землёй. Ощущалось, что если сейчас закрыть глаза, то можно будет увидеть Бога. Впервые Ану стало и весело, и страшно одновременно. Ему казалось, что он подошёл к дверям, за которыми находился мир, прежде не известный ему. Осталось только открыть их и уверенно шагнуть навстречу музыке. Но порода взяла своё: «поэт-басмач»

живо представил, как на его отполированной голове замечательно отражаются уличные фонари и засмеялся неудержимо.

— Жизнь удалась! — крикнул он во всё горло.

Трое прохожих оглянулись и дружески помахали руками. Человек восемь не оборачиваясь, ускорили шаг. Маленькая бродячая собачка подбежала к дереву и задрала на него правую лапу, продемонстрировав свои акробатические способности. «Жизнь удалась! Удалась! Удалась!» — радовалось в серой темноте переулка затихающее эхо, а потом и оно стихло. Ан оглянулся по сторонам и понял, что прошёл мимо своего дома, не заметив привычную обрисованную нецензурными словечками каменную и неприступную стену многоэтажного здания, в ночных сумерках похожего на гигантского бродягу, остановившегося на минутку передохнуть в пути, а заодно поискать глазами окнами серебряную монетку луны, закатившуюся за облако.

Версию о конях Люба выслушала спокойно. Погладив тёплой рукой лысую голову возлюбленного, сказала без истерики:

— Гладкая!

Ан хотел объяснить, почему так поступил, но и сам не знал почему. Захотел — и всё, но такое объяснение не объясняло ничего.

— Тебя не всего, хоть, побрили? — спросила Любовь, сдерживая улыбку.

Ан решил поддержать её ироническое настроение стихами, и, о, ужас, не смог вспомнить ни одной весёлой строчки.

— Мне побрили память! — засопел он как бык, готовый одним ударом лысой головы разнести вдребезги прошлую жизнь.

— Тебе надо успокоиться! Надо успокоиться! — поймал слух слова Любы.

Через мгновение подрагивающие от нахлынувшей страсти губы коснулись его шеи:

— Дурачок, я буду любить тебя вечно, даже если тебе побреют грудь и ноги!

Услышав это — Ан услышал самого себя, полчаса назад кричавшего в ночном переулке: «Жизнь удалась!» Он с наслаждением повторил эти слова, но уже шепотом — боясь спугнуть синюю птицу счастья, только что увиденную в глазах своей любимой. Ему вдруг нестерпимо захотелось задрать правую ногу и не на случайное, ни в чём не виноватое придорожное деревце, а на весь мир и побежать дальше по жизни, облегчённо подпрыгивая от радости бытия. Пускай собачей, но радости!

Глава 43

Ровно в девять часов утра закоренелый прогульщик и неисправимый нарушитель дисциплины стоял перед дверьми ректора. Грудастая секретарша несколько раз бросала подозрительный взгляд на студента, пока не узнала его. Глаза её округлились, и она стала похожа на Василису Прекрасную, только что сбросившую жабью кожу.

— Дуры! — сказал Ан, обобщая, но не переходя на личность.

— Сам дурак! — пискнула секретарша в ответ.

Беседа могла бы завязаться, но тут в приёмную вошёл Антон Макаренко.

— Вы ко мне? — задал он короткий вопрос, проходя к себе в кабинет. — Милости прошу!

— Я пришёл вернуть вам долг! — гордо произнёс студент.

— Какой долг? — переспросил ректор. — Не понимаю...

— Вчера вы дали деньги... Я подстригся на все — сдачи не будет. Моя причёска — то, что я должен вам. Надеюсь, теперь мы квиты.

Ректор присмотрелся внимательнее...

Узнал!

Улыбнулся, и погладил себя по лысой голове:

— А, знаешь, тебе идёт! Главное не заходи в аудиторию посреди пары — сорвёшь занятия!

Ан усмехнулся в ответ, рассматривая своё отражение на двери полированного шкафа:

— Вам не кажется, что нас только что снесли?

И в этот раз засмеялись оба — студент и педагог, узнавший себя в этом странном молодом человеке, решившем идти до конца неизвестно ради чего, но идти.

— Хорошо, я доволен! — подытожил Макаренко. — Приступайте к занятиям.

Через пять минут в аудитории №301, расположенной на третьем этаже института раздался дружный громкий смех — взорвалась граната эффекта неожиданности. На пороге стоял Ан и, скаля зубы, махал всем рукой.

— Я вернулся, Люба! — поприветствовал он старенького преподавателя, профессора философии Егора Евсеевича, словами главного героя из кинофильма «Берегись, автомобиля».

Тот к шутке отнёсся по-философски:

— Конечно, я мог бы тебя растерзать, как тигр, но в присутствии дам могу только вызвать на дуэль! — Выбор оружия за мной! Согласен?

— Что вы, Егор Евсеевич, вы же знаете мою любовь к мудрости. Просто у меня бытие опережает сознание. Думать начинаю после. Шутку, хотите?

— Интересно, интересно! — потёр ладони философ. Удивить меня мало кому удавалось! Рассмешить подавно!

— Всё относительно! — вы же не будете с этим спорить?

— Нет!

— Вот! — обрадовался Ан. — Любая покупка относительна домой!

Профессор искренне засмеялся. За ним — аудитория.

Шутник уселся на свободное место рядом с друзьями на самом верху амфитеатра. Те, радостно протянули руки, приветствуя своего спасителя. Хихикая, рассказали, как на рассвете выбрались из института и не только успели побывать дома, но даже без опоздания «прилететь» на занятия. Глаза рассказчиков светились искренностью, рассыпая по всей аудитории невидимые для других искры «бенгальских огней».

— Сушняк начался, просто не могу! — прошептал Болт, жалуясь на похмелье. — Надо срочно поправить здоровье!

На перемене Ан сбегал в магазин. Купил шесть бутылок пива. Небольшого вяленого леща. Набор пластмассовых коктейльных трубочек и скотч. Соединив между собой клейкой лентой несколько «соломинок», друзья стали дружно высасывать содержимое бутылок, стоящих у них под ногами. Разбуженное пиво приятно утоляло жажду.

После звонка ни о чём не догадывающийся Егор Евсеевич занял место за кафедрой, открыл конспект и продолжил скучную лекцию. Минут через десять он как-то странно начал водить носом из стороны в сторону, пытаясь понять, в чём дело. Все студенты, включая Ана, Болта и Рабика, усердно записывали, как в ходе истории менялось этимологическое значение метафизики, чтобы уже через неделю на практических занятиях ответить дотошному профессору, что такое: причина причин; исток истоков; начало начал. Сосредоточенность лиц подчёркивала ответственность каждого студента к своим обязанностям. Придаться было не к кому и не к чему! И только, едва уловимый, пивной аромат, распространявшийся по аудитории, указывал на то, что за внешним спокойствием целого отряда философов скрываются активные действия неизвестных наглецов, пьющих пиво прямо сейчас, посреди лекции, между синкретичным созерцанием истинной картины космоса и реальностью эмпирического опыта предыдущих поколений, мешая остальным исследователям мироустройства видеть истинное бытие и находить во всяком множестве единство, а во всяком единстве — множество.

Но как ни старался Егор Евсеевич «вычислить» нарушителей дисциплины, всё было тщетно. А когда, к запаху пива прибавилось «благоухание» вяленой рыбы, мыслитель решил выяснить, кто стоит за этой подлой выходкой, расшатывающей его представление о мировом порядке.

— Ребята, так нельзя! Ладно, сдаюсь! — сказал он, прервав лекцию. — Если честно признаетесь, кто устроил мне экзамен, освобожу от зачёта!

Аудитория молчала! Мучительно потянулись минуты ожидания этой импровизированной театрализованной постановки, одновременно весёлой и жестокой, но в итоге сулящей не плохие дивиденды для режиссёра.

И тут, нестандартная ситуация разрешилась сама собой. Сперва, в абсолютной тишине, коллективный студенческий слух уловил характерное цоканье каблуков деканши, а спустя минуту — коллективный студенческий взгляд встретился с её взглядом.

Бравой походкой Екатерина Леонидовна подошла к кафедре и попросила минутку внимания.

— Наш институт и руководство агропромышленного комплекса «Передовик» решило вспомнить хорошую, но забытую традицию! — начала она издали. — Сейчас во многих учебных заведениях возрождаются стройотряды. Мы решили пойти другим путём. В

советские времена студенты помогали убирать урожай колхозам и совхозам. Это шло на пользу всем! Вы питаетесь в институтской столовой. Цены растут. Вот мы и подумали: будет неплохо, если поможем с уборкой урожая нашим старинным друзьям, колхозу «Знамя труда», а он отпустит нам овощи и фрукты не по рыночной стоимости, а по нормальной, человеческой. За работу вы получите материальное вознаграждение, а передовики — ещё и ценные подарки. Какие? Об этом «позже»! Отправляйтесь на месяц — в смысле, не на Луну... Едут старшие курсы! Вам же учиться не надо, и так уже всё знаете! Ну, а мы за это время сможем активней поработать с заочниками. Сбор через два дня у центрального входа «у восемь нуль-нуль», и не перепутайте — в колхоз едете, а не сматываетесь с пар на танцуйки! Одеться соответственно прогнозу погоды! Обувь — сапоги, лучше кирзовые! Особое внимание — дисциплине! О ней сейчас и поговорим — старосты за мной!

В этот благословенный час, желание учиться отпало даже у самых закоренелых отличников! Месяц свободы на природе в кругу друзей — это ли не королевский подарок судьбы? Рабик поднялся с места и начал хлопать в ладоши. Ан и Болт вскочили тоже, и уже через несколько мгновений деканшу и семенившую за ней группку «старцев» аудитория провожала бурными аплодисментами. Чтобы хоть как-то успокоить развеселившуюся молодежь, Егор Евсеевич поднял руку вверх и стал в позу знаменитой статуи свободы, символизируя собой будущую вольницу студенческого братства, которому никакие высокие материи в голову больше не лезли. Почувствовав это, профессор философии как можно громче крикнул:

— Тихо!

И уже спокойным голосом добавил:

— Я правильно вас понял, что на экзамене вы мне ничего нового по философии рассказать не сможете?

— Правильно! — дружно отозвались студенты.

— Ладно, жизнь мудрее. У нас осталось несколько минут до звонка! Предлагаю послушать стихи! Давай, Ан! Чьих рук эта вобла, или что там, я сразу понял!

— Могу «Евгения Онегина»! С начала! — сказал тот, направляясь к кафедре.

Егор Евсеевич шутку оценил и сделал вид, что сильно принюхиваться к чтецу не собирается — отошёл немного назад, пропуская поэта на своё преподавательское место.

В голове Ана сначала крутился вопрос: «Как Бухгалтер узнал о колхозе раньше своей супруги?», но через мгновение, как бабочки перед глазами, замелькали разрозненные строчки, из которых он пытался слепить хотя бы одно стихотворение. Мысли сменяли друг друга со скоростью, превышающей не только скорость света, но и ещё одну сверхъестественную скорость — скорость студенческого умения выпутываться из любой ситуации.

— Вам почитать «отстой» (классические) или свои? — поинтересовался у препода.

Тот сделал вид, что слово «отстой» не расслышал, сделав акцент на стихах в авторском исполнении.

Не зная, что прочитать, Ан решил затягивать время, в надежде, что скоро прозвонит звонок.

— А, можно отделаться парой дебиловатых шуток? — снова поинтересовался он у Егора Евсеевича, наблюдавшего за реакцией студентов.

Те рассмеялись.

Заметив, что аудитория начала разогреваться, Ан выпалил двестише:

С подругой ходим в магазин,
Там продаёт себя грузин!

Теперь уже засмеялся и философ.

Звонок прозвучал как всегда неожиданно, проведя между между прошлым и будущим. Студенты, как по команде, вскочили со своих мест. «В колхоз... В колхоз...» — слышалось справа, и слева от Ана и Егора Евсеевича, зацепившихся языками.

За их беседой с интересом наблюдали только два человека — Рабик и Болт. Остальные студенты перешли на птичий язык, напоминающий куриное кудахтанье и спешно покидали аудиторию. Минут через пять безмятежность аудитории нарушали всего два голоса. Один, молодой и звонкий, доказывал старому и хриплому, что душа — это не камень за пазухой, который можно предъявить в качестве последнего и самого главно-

го аргумента в споре между добром и злом. Хриплый голос соглашался, приведя в пример строчку известного стихотворения: «Молчи, скрывайся и таи...» Спор мало-помалу разгорался, и стало слышно, как в костре беседы начали звонко потрескивать тлеющие угли оживших доводов.

— Хорошо! — сказал Егор Евсеевич. — Ещё поговорим об этом. Тебе пора взяться за ум. Никто не против шуток, но они мало объясняют человеку самого себя. Ну, посмеётся он над собой или соседями! Ну, и что? Это чепуха на постном масле! Приблизиться к душе может только духовная поэзия — глубокая, а значит, содержательная. Пора, мой друг, пора — покоя сердце просит! А покой — штука серьёзная. Помнишь у Булгакова в «Мастере и Маргарите» какую награду получил главный герой?

— Покой!

— То-то! Подумай ещё и над этими словами: «На свете счастья нет, а есть покой и воля...» Умом их не понять — надо почувствовать сердцем! Могу ещё подкинуть: «А он мятежный просит бури, как будто в буре есть покой...» Ты понимаешь, о чём хотели сказать писатели, заглянувшие в глаза вечности?

— Не знаю, как насчёт глаз, но в рюмочку они точно заглядывали! — пошутил Ан и понял, что в этот раз попал не в десятку, а в молоко.

— Ну и что? Творцов окружают духи и не всегда добрые. Им просто страшно становится! Золото искать — страху натерпиться. А тут, шутка ли — себя найти надо! Ищут, ищут, а находят: кто славу, кто деньги. Или ничего вообще! Как тут не запить? Да, пили и пьют! Есенина вспомни — в нём всё гениально! Ему простят, обязательно простят. А вот вам, извини, дуракам, нет.

— Может, мы и не гении, но пить уже талантливо научились! — не выдержал Ан. — Осталось дело за малым — научиться творить.

— И думать! — подчеркнул профессор.

— И думать! — повторил Ан. — Я, кажется, понял, почему Мастеру попросили дать покой. Если буря — жизнь человека, то покой — её начало и конец. Они — змея, кусающая свой хвост или коллаيدر, по которому и носится буря. От начала к концу, который превращается в начало, лишь только буря замыкает круг. Мастеру попросили дать покой, зная, что в любом случае он получит новую жизнь, но уже с любимой женщиной! А рукописи не горят потому, что где-то во вселенной двойник автора также написал этот роман. Он читал его вслух и был услышан здесь, на Земле! Кому-то было очень важно рассказать о Мастере и вечном покое, но не в смысле смерти, а в смысле бесконечно повторяющегося начала... Я также не удивлюсь, если герои сами рассказали писателю о себе!

Егор Евсеевич хитро сощурил глаза:

— Философия не в книгах, а в сердце. Когда ты это поймёшь, то сможешь сдать экзамен, но уже не мне. Может, ты ещё и напишешь что-нибудь стоящее. Но парить в небесах дано не всем! И уж точно — не бесам! В начале было Слово! Ищи его. Найдёшь начало — найдёшь и Слово! Не будь дураком, читай книги! Пиши! Только не для девочек, чтобы повеселить их, незаметно губя души. Запомни, стихи пишут не для людей!

Ан непонимающе посмотрел на профессора.

— А зачем тогда писать? — спросил он, пожимая плечами.

— Чтобы не разочаровать Бога! — подвёл итог беседе Егор Евсеевич.

Когда профессор ушёл, Рабик и Болт подбежали к другу.

— Мы всё слышали! — сказал Рабик. — Ради такого разговора стоило сорвать пару! Учиться надо на переменках!

Друзья рассмеялись. Казалось, никто и ничто не сможет испортить им настроение.

Вернулась староста группы. Подтянулись некоторые студенты.

Ленка-гладкая коленка в трёх словах обрисовала им ближайшее будущее и загадочно посмотрела на Рабика, Болта и Ана.

— Что, рылом для картошки не вышли? — спросил Рабик.

— Рылом вышли, а поведением — нет! — ответила та. Руководство решило вас...

— Распять? — перебил Ан.

— Раз шесть! Ясно?! Разбросали вас по разным бригадам. Сказали, так спокойней будет для всех. Отдохнёте друг от друга, проверите чувства, ну, а потом можете подавать документы в ЗАГС.

— Не смешно! — сказал Ан. — Мы и так почти месяц не виделись!

— Ничего, крепче любовь будет!

— Издеваешься? — разозлился Ан. — Что мы там будем делать, в колхозе этом, отдельно друг от друга?

— Мы туда работать едем, а не в пивбаре прохлаждаться!

— Интересно, кто сейчас в колхозах работает! Там, наверное, одни алкаши остались!

— Алкаши? — заинтересованно вмешался в разговор Болт. — Это меняет дело! Едем обязательно! Проведём спортивные состязания между городскими и местными, чтобы наконец-то выяснить, кто больше выпьет под хорошую экологически-чистую закуску, но можно и не закусывая. А там, глядишь, и районные власти нашей инициативой заинтересуются, проведя соревнования между сёлами. Затем и областная администрация подключится! За ней правительство! Поднимут народ — пойдут все! Конечно, если б вы нас по разным бригадам не распихали, мы бы справились с этой задачей быстрее, а так придётся попотеть. Но лично я — готов!

— Фу! — скривилась Ленка. — Самогон такая гадость!

— Непреступная крепость! Градусов шестьдесят! — вставил Рабик.

— Точно! — подхватил Болт. — Но нет такой крепости, которую не смогли бы взять доблестные студенты во главе с таким замечательным полководцем, как ты!

И он погладил старосту по спине.

— Ладно, вам, кобели! — оттолкнув руку, прошептала та. — За дисциплину отвечают кураторы групп, так что сильно губу не раскатывайте. Погулять на славу не удастся! За каждой комнатой закреплён преподаватель. Будет жить с вами.

— Со всеми сразу? — съехидничал Болт.

— Не надейся, а вот ночевать — да!

— Весело, ничего не скажешь! — сплюнул на пол Рабик. — Может, и в разных сёлах будем жить?

Староста улыбнулась!

— Не переживай, жить будем в здании спортивного комплекса. Работать, где скажут! Сформированы две бригады. Питаться — в столовке. Остальное не знаю. Поедем, увидим!

— Гитару брать? — выкрикнул кто-то из студентов.

— Хоть рояль! — спокойно отреагировала староста. — Главное, не дурную голову!

Глава 44

Два дня пролетели, как один (хотя и ползли, как черепаха).

Колхоз «Знамя труда» оказался зажиточным! Это было видно даже из окна автобуса. Колхозники — трезвые и улыбающиеся. Улицы чистые. Дома — почти все двухэтажные. На центральной площади красовался новенький Дом культуры. Напротив, через дорогу, библиотека.

Пять автобусов, забитых студентами до отказа, остановились недалеко от странного здания, напоминающего гигантскую букву «г», упавшую посреди села. Прошло минут десять, и будущие педагоги перешагнули порог своего нового временного дома.

— Это наша спортивная база! — хвастался председатель колхоза, одетый в дорогой «перламутровый» костюм, переливающийся при ходьбе. — В правом крыле находится спортзал. Мы его приспособили под спальню — там будут отдыхать девушки. Их больше. Молодые люди, ребята, — в небольших, но уютных комнатах.

— А мы, что не люди? — заныла Лана, заглянув по пути в одну из них.

Ан доверился вкусу своей одноклассницы и быстро прошмыгнул за дверь. За ним — Рабик и Болт. Через минуту все кровати оказались заняты, кроме одной.

Студенты, не раздеваясь, развалились на белоснежных пододеяльниках. «Да, комната, действительно, небольшая, но десять человек в ней таки поместилось. Одиннадцатый, преподаватель, не в счёт» — подумал Ан, оглядываясь по сторонам и воображая, что лежит посреди мироздания, а родная планета вращается вокруг него.

Необычное было это чувство — солнечное! Ан посчитал его блаженством — по телу хоть и разлилась усталость, да казалась какой-то невесомой и ничего не значащей. Ему померещилась снежная горная вершина, на которой, раскинув руки, лежал он сам. Пытаясь разобраться в своих ощущениях, понял главное — нахлынувшее на него «высокогорное спокойствие» не что иное, как радость бытия. А спустя минуту явилось физическое подтверждение понимания, что именно покой, а не хаос — начало всех начал и не только в философском смысле.

Ан чувствовал, что лежит на краю своего прошлого в нескольких метрах от бездонной пропасти. И как у сказочного героя, у него есть только три пути: первый — назад, в пустыню, где он швыряется пустыми коньячными бутылками по низколетящему солнцу; второй — вниз на камни, те самые, что всем нам приходится сначала разбрасывать, а потом собирать даже ценою своих жизней; третий — вверх, туда, где ещё недавно летал Икар, и где небо так соскучилось по безумию храбрых, что почернело от тоски и стало Ночью. Вернуть небу День мог только следующий безумец, решивший опять посмотреть на мир, но теперь уже не свысока, а с высоты своего полёта. Посмотреть и рассказать об этом людям. Но Ан боялся высоты и почувствовал, что только от одной мысли о ней у него начали потеть ладони. Страх уселся сверху, крепко придавив его к снежной вершине постели. «Сейчас или никогда!» — решил он, и сбросил страх куда-то вниз — в бездну между его кроватью и кроватью соседа по комнате. Дышать стало легче. Взмахнув руками, Икар-студент сначала поднялся под потолок, потом через открытое окно вылетел в сад, сделав несколько кругов над селом, стал набирать высоту. Он летел навстречу солнцу и уже не боялся ничего...

— Совсем страх потеряли! — раздался голос физрука над его головой со стороны со- звезда Гончих Псов. — Чего разлеглись в грязной одежде? Небось, дома так не делаете?

Ан как сквозь запотевшие окна в бане посмотрел на Анатолия Ивановича, вошедшего в комнату и взглядом ищущего свободное место. Одет он был, как всегда — по- спортивному. В руке сжимал спортивную сумку. Спортивная осанка придавала ему вид победителя. Короткая стрижка, орлиный взгляд и острый нос, подчёркивали его пронизательность! Не хватало только грузинской фуражки-аэродрома, из-под козырька которой он мог бы выглядывать, как из засады своего педагогического спортивного опыта.

— Кровать ваша там, возле окна! — правой ногой указал направление физруку Болт.

Анатолий Иванович, вздохнул так, что по комнате распространился запах мятной жевательной резинки.

— Обед скоро? — спросил он у равнодушного комнатного безмолвия и начал заполнять прикроватную тумбочку заводскими консервами и банками домашней консервации.

— Я бы у вас экзамен по «физ-ре» прямо сейчас принял! — нараспев произнёс Болт, обращаясь к мастеру спорта по классическому троеборью: завтраку, обеду и ужину.

Тот, обернувшись, улыбнулся:

— Знаешь, после того, как поем, так жрать хочется! Особенно по ночам!

— А вы, случайно, человеченкой под солёненькие огурчики, не балуетесь? — пошутил неугомонный студент и сглотнул слюну.

Все заржали, кроме Ана. Впервые от шутки друга ему стало грустно, будто внезапно налетевший ветер сломал в его душе тонкую беззащитную весеннюю веточку, на которой только что появились первые листики липкого зелёного цвета.

— Надо решить вопрос дежурства по комнате! — присаживаясь на кровать, сказал главный спортсмен института. — Вопрос хоть и простой, но сложный. Кто готов застилать постели, подметать и мыть пол?

— Нечего тут решать! — окончательно придя в себя, отозвался Ан. — Кто после звонка будильника последний покинет комнату, тому и дежурить! Логично?

— Годится! — согласились студенты.

Анатолий Иванович одобрительно мотнул головой:

— Если других предложений нет, тогда пускай! Я всё равно встаю раньше всех звонков, даже мобильных, и делаю зарядку на свежем воздухе.

То, что произошло на следующий день, стало притчей во языцех ни одного студенческого поколения. Историю, потрясшую до глубины души весь педагогический коллектив ВУЗа, каждый из рассказчиков пересказывал слово в слово, делая упор на подлинность фактов, не забывая при помощи жестов раскрывать ещё и эмоциональную сторону случившегося.

А произошло вот что: ровно в семь часов и три секунды утра из окон комнаты спортивной базы, выходявших на центральную городскую улицу, с диким грохотом и криком выпрыгнули девять парней в трусах и футболках. Последний, десятый, прыгать не стал. Потоптавшись босыми ногами по холодному подоконнику — сиганул не вперёд, на светлую сторону рассвета, а медленно спрыгнул назад — в тёмную глубину оконного проёма. Пританцовывая на ещё зелёной, но уже по-осеннему огрубевшей траве, ос-

тальные девять сорвиголов в течение пяти минут свою радость выражали разбойничьим свистом и первобытными воплями охотников на мамонтов или саблезубых тигров. Слова, долетавшие до самых до окраин, колхозники разобрали без труда: «Швабра-кадабра стоит за дверью! Лопух свободен, как сопля в полёте! Без лоха — и жизнь плоха!»

В это время одна из старушек «поралась» во дворе. Услышав звериный свист и нечеловеческие крики, подумала, что это происки нечистой силы, вырвавшейся из ада на свежий воздух. В ужасе, хватая себя за волосы и завопив в ответ, пожилая женщина выскочила на улицу и побежала в сторону церкви, расположенной на другом краю села. Панический бег перепуганной на смерть прихожанки, произвёл впечатление на стаю бродячих собак, метнувшихся за своей новой целью без раздумий и пытавшихся, отточенными в постоянных битвах зубами, вцепиться хотя бы в подол её платья.

И это было только начало дня!

Ан веселился вместе со всеми. А когда из других окон стали высовываться заспанные лица студентов, первым «залез» в свою комнату. Его примеру последовали остальные «уже не дежурные» обитатели временной ночлежки. Казалось, что радость навсегда поселилась в душах почти «законченных» филологов, да всё испортил физрук. Его кислая физиономия, словно клякса на промокашке, проступила непонятно откуда прямо посередине комнаты. Блуждающий диковатый взгляд педагога мог поведать о многом, но только не о том, что произошло на самом деле. Встав, как всегда, в шесть часов утра, Анатолий Иванович сделал зарядку и принял душ. Бодрость натренированного тела — радовала! Казалось, что прилив сил играючи мог сбить с ног любого амбала (даже его самого), отбросив метров на тридцать в сторону.

Легкоатлету в это утро всё было по плечу!

Но тут схватил живот...

Закрывшись в туалете, физрук начал мычать словно корова, пытаясь освободиться от груза — первого (вечернего) и второго (ночного) ужина. Но тот проявил стойкость, и до Анатолия Ивановича, в очередной раз, дошло — с остреньким надо кончать немедленно, а консервацию лучше отдать вечно-голодным студентам. В самый ответственный момент со стороны улицы раздался свист и крик, от которых в животе физрука процесс очищения замер и окаменел, а когда к бесноватому гигиканью присоединился женский вопль и собачий лай — рефлекс освобождения затаился на неопределённое время. Главный спортсмен института в мыслях взял, недоступную прежде, высоту гражданского долга, почувствовав, что случилось что-то невероятное, а, может, и трагическое: за стеной параша могли гибнуть люди, а он даже не пытался их спасти! Надо было что-то срочно предпринять, но что делать в такой ситуации, обжора-страдалец не знал — выскочить на улицу и наложить в штаны уже там или остаться в туалете и продолжать вызывать внутренние позывы магическими заклинаниями до смерти?

Вопросы казались неразрешимыми.

И чем громче веселились студенты, тем твёрже становилось решение кишечника не сдавать завоёванных позиций, не взирая ни на массаж, ни на приседание, ни на поклоны вправо и влево, а также круговые движения то по, то против часовой стрелки. Анатолию Ивановичу стало совсем плохо. И он решил немедленно похоронить всех гадов, не дающих нормальным людям спокойно провести время в туалете. Выскочив в коридор, и чтобы хоть как-то успокоиться — сделал кувырок вперёд, не подумав о последствиях. И те не заставили себя долго ждать. Вместе с долгожданным облегчением пришло чувство детского стыда и взрослой вины, сдавившей грудь чуть правее сердца. К счастью, душевую комнату пока никто не занял — и Анатолий Иванович захлопнул за собой дверь. Даже после тщательной стирки, плавки пришлось выбросить. Испорченное настроение вызвало раздражение, будто его второе «Я» побрилось тупым лезвием. «Чего он так ржёт? — думал физрук, слушая Рабика, как тот вылетел из окна, — вот, если бы я рассказал, как наложил в штаны, было бы с чего посмеяться!»

Глава 45

До завтрака оставалось минут сорок. Понимая, что впереди трудовой день — Ан загрузил. Но не от того, что... а потому, что рядом не будет друзей. Это заметил Болт и тут же намекнул о магазине. Рабик идею поддержал.

— Кто рано встаёт, тому Бог даёт! — сказал он, поднимаясь с кровати. Можно и прогуляться!

Продовольственный магазин студенты нашли сразу. Они чувствовали его на расстоянии, безошибочно угадывая, где повернуть налево, где свернуть направо и сколько надо пройти метров вперёд до следующего поворота.

К их удивлению, в магазине не оказалось ни пива, ни водки, ни даже поганой слабоалкоголки. Зато марочных итальянских, венгерских и болгарских вин — хоть отбавляй.

— Да! — сказал Ан.

— Да! — подтвердил Болт.

— Да, садисты! — уточнил Рабик.

— Но, ничего! — искренне вырвалось у Ана.

— Ладно! — согласился Болт.

— Падлюки! — поставил в разговоре точку возмущения Рабик.

Решение приняли единогласно!

Через восемнадцать минут друзья уже валялись на кроватях в ожидании сигнала выдвигаться в столовую. Долгожданную весть принёс Лёха, впрыгнувший в комнату, будто ему кто-то заехал ногой в ягодицу:

— Полундра, хавать!

Но это было громко сказано! Молочный суп с макаронами, растворимый кофе и пирожок с творогом — вот и вся утренняя разминка шеф-повара и трёх, лоснящихся от упитанности женщин, пробежавших несколько раз по столовой с пустыми подносами в руках.

— Да! — сказал Ан.

— Да! — подтвердил Болт.

— Да, садисты и падлюки! — подытожил беседу сразу несколькими «точками» Рабик.

— Но, ничего! — опять сказал Ан. — Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!

— Ничего! — согласился Болт. — Только ты там смотри, поаккуратней... С этим... Рюкзачком своим... Твою лысую башку далеко видать! Кому надо, не промахнётся! Вылетишь из института в три счёта с волчьим билетом в зубах. Так, что не перепутай, Кутузов — детям мороженное, цветы — бабе!

— Да, кстати, о бабах! Вон, рядом с твоей Ланой, та чудачка сидит, о которой рассказывал. Ну, та, считающая, что стихи спасут мир! — вдруг оживился Рабик.

— Во-первых, Лана не моя! А во вторых!.. — Ан повернул голову и пристально посмотрел на студентку. — Красивая! Очень! Я её уже давно приметил, только не знал, что она хочет со мной познакомиться.

— Иди, не хлопай ушами! Только сразу не лезь к ней под юбку! — посоветовал Болт.

— Впереди целый месяц! Куда спешить?

— Медовый месяц! — не упустив возможности, съязвил подстрекатель.

Поднявшись, Ан поднёс тарелку ко рту, резко наклонил и выпил суп одним махом.

Это заметила и оценила Лана, игриво похлопав в ладони. Ей пришёлся по вкусу весёлый импровизированный номер, почти цирковой. Новоиспечённый клоун с радостью раскланялся на все стороны, а когда заметил что и Надежда не сводит с него глаз, поклонился ей лично, только намного ниже. Та, в ответ, жестом пригласила его к своему столику и Ан почувствовал, как невидимые верёвочки женского любопытства сначала связали ему руки, а потом медленно стали подтягивать к себе. По телу разлилось привычное тепло. «Сопротивление бесполезно», — сообщил кто-то командным голосом в его голове.

Циркач сразу оценил красоту спутницы Ланы. От её улыбки начала слегка кружиться голова. Да и жена Бухгалтера в этот миг показалась Ану совершенно незнакомым человеком — юной и нежной, излучавшей необъяснимый внутренний свет. «Удивительно, со мной раньше такого не случалось... — думал он, — пытаюсь сосредоточиться на самом главном. Они так красивы! Сказать им об этом? Глупо! Потрогать их, юных? Волосы?! Плечи?! Губы?»

— Что с тобой? У тебя безумный взгляд! Ты меня пугаешь! — сказала Лана, и пригласила присесть.

Ан будто упал на стул и не почувствовал этого. Его тело и его мысли больше не принадлежали ему. Он сидел молча и, как последний дурак, не сводил глаз с двух женщин, улыбававшихся ему так искренне, что он позабыл обо всём на свете. Впервые в жизни

ему ничего не хотелось помнить — ни то, что Лана чужая жена, ни то, что Надежда не его девушка. Нельзя сказать, что он забыл о своей Любе, нет, не забыл! Более того, ещё явственней почувствовал, что без своей возлюбленной — он никто! Лишь она была ему дорога, как жизнь. Но, Лана и Надежда, вдруг, как по мановению волшебной палочки, превратились в то, что люди называют чудом! Но в отличие от других земных чудес и одна, и другая уже принадлежали ему, как рассвет и дождь, как мираж и туман, как листопад и как тень от облаков, бегущая по земле. Ан вспомнил, как в детстве взялся за оголённый провод, и его ударило током. Новые нахлынувшие чувства ударили точно также и чуть не свалили на пол. И тут пришло понимание, пришло из ниоткуда, пришло, как приходит желание к новорожденному ребёнку сделать первый в своей жизни вдох, наполняя лёгкие воздухом, а себя радостью бытия. Ан вдохнул, а потом выдохнул с такой силой, что чуть не задохнулся где-то глубоко... в душе, от ещё одного прозрения — важного... Разрывавшего его изнутри. Оно возвышенно нашёптывало стихами Пушкина о самом главном:

Я знаю, жребий мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днём увижусь я!

Понимая, что настало время платонической любви, ещё не известной ему, Ан решил схватиться душой за «оголённые провода» дружбы, соорудив лицо, как можно поумней.

Звонкий смех Ланы не огорчил его:

— Ты чего, съел что-то не то? Как-то странно выглядишь?

— Нет, просто сейчас я наконец-то родился! Полностью! И ещё не успел прийти в себя — роды были затяжными и сложными!

Лана опять засмеялась, но уже сдержаннее.

А Надежда посмотрела так, что Ану показалось — у стула, на котором он сидел, подкосились ножки. От волнения ему даже пришлось схватиться рукой за крышку стола.

— Да что с тобой? — заволновалась одноклассница.

— Ничего! Чуть со стула не свалился в пропасть, разъединяющую нас!

Надежда захлопала...

— Ой, вы же не знакомы! — опомнилась Лана. — Это Надя! О поэзии знает всё! А это — Ан! Что знает о поэзии он, сейчас выясним!

— Не надо! — ответил тот голосом, готовым сорваться на писк. — Не стоит! Раньше я думал, что писать стихи это и есть знать о поэзии всё. Но теперь понял, что в поэзии вообще ничего не смыслю. И чем больше пишу, тем страшнее мне становится. Если бы я только мог не писать! Но я не могу бросить! Это сводит меня с ума, а я радуюсь, как ребёнок. Спать не могу! Спокойно есть не могу! Голова набита рифмами! Кстати, вы не уловили, что «рифмами» хорошо рифмуется с «рифмами». Стоит изменить или убрать всего лишь одну букву — и можно изменить смысл существования всех и вся. Я давно это заметил.

— Шутишь? — спросила Лана.

— Если бы! Посуди сама! Из гастронома я могу мгновенно создать астронома. Стоит себе такое каменное здание и, вдруг — бах — превращается в старичка-звездочёта, одетого в костюм сказочного волшебника, бредущего по Млечному пути в поисках редкой звезды, растущей где-то на самом краю вселенной.

— Bravo! — вскрикнула Надежда. — Я всегда говорила, что ты поэт, только ещё не родился... Ах, извини, уже появился на свет. Полностью! Я сначала подумала, что ты лишь удачно пошутил, когда подошёл к нашему столику. У тебя ещё было такое странное выражение лица! А теперь вижу, что я была права. Я так люблю стихи, а их становится всё меньше и меньше!

— Как, меньше? — не понял Ан. — Да их пишут все, кому не лень!

— Вот именно, все! А писать стихи должны только поэты! Понимаешь, поэты!

— Не поняла? — вмешалась в разговор Лана. — А если дворник пишет гениально, то он дворник?

— Поэт! Поэт! — успокоила Надежда подружку. — Но то, что я сказала, должны хорошо понимать поэты. И не головой понимать, а кровью! Ты согласен, Ан?

— Да! А что тут особенного? И так всё ясно, как в прогнозе погоды!

— Нет! — не унималась Лана. — Я бы хотела разложить по полочкам!
Её перебила Надежда:
— Не надо. Послушай лучше стихотворение. Сама поймёшь:

Мир разложил на части Пикассо.
Он плоть содрал с вещей. Так бьют посуду!
На дыбу мир! Скорей! На колесо!
Повсюду щепки. Черепки повсюду!

Устал. Пошел гулять на полчаса.
— Эх, что б ещё! — Весёлой полон злобой.
Глядит: кафе. Зашел. Глядит: слеза,
Слеза стекает...

Разложи! Попробуй!

— Да! — призналась Лана. — Это стихи! Поэтическая формула мудрого совета. Алгоритм мысли!

— Кибернетика духа! — засмеялся Ан. Будь проще! Чтобы научиться пользоваться ножом и вилкой для этого не обязательно залазить на трибуну! Этим можно заниматься и в спальне.

— В спальне лучше заниматься... — начала развивать новую мысль супруга Бухгалтера.

Её опять перебила Надежда:

— А этим можно заниматься и за трибуной!

— Или на трибуне! — уточнил Ан.

Компания дружно рассмеялась.

Трудовой энтузиазм пока не подавал никаких признаков жизни!

Никуда идти не хотелось!

Заметив, что студенты начали массово покидать столовую, Ан встал из-за стола.

— Знаете! — загадочно начал он свою речь. — Эти, ну... эти нехорошие люди, хотели нам всё испортить, но праздник жизни состоится при любой погоде! Это говорю вам я. Мне можно верить, хоть «верить» — глагол несовершенного вида... Совершенство — мой конёк, Конёк-горбунок!

Девушки засмеялись и нехотя поднялись из-за стола.

— Встретимся на поле! — скомандовал Ан. — Беру власть в свои руки — займите место поближе к горизонту! А я пока сбегаяю... В общем, сгоняю...

Глава 46

Через двадцать минут Ан почти догнал своих. Со стороны было интересно наблюдать за извивающейся колонной, повторяющей все песчаные изгибы пыльной дороги, залитой солнцем.

Ещё через пять минут — Ан отыскал глазами Лану и Надежду. Болт и Рабик брели за ними, оживлённо разговаривая друг с другом. «Все в сборе», — подумал недавний клоун и ускорил шаг. Но спешил напрасно. Неожиданно раздался властный голос, и студенты-десантники замерли — пришло время разделить на бригады. Продолжая строить из себя шута, Ан подбежал к друзьям и полез целоваться.

— Только не в засос! Только не в засос! — умолял Болт, бросая косые взгляды на старосту.

Рабик лобызаться наотрез отказался, сообщив, что его и Болта решили оставить вместе — требовалась их примитивная мужская сила.

— Загружать машины ящиками с картошкой бабы наотрез отказались! Они будут собирать, ну а мы того этого... грузить! — почти по военному отчеканил он. — Умоляли тебя направить к нам! Такое началось! Твой удел — морковка! Звеньевой назначили Лану, а уж она тебя забрала к себе! Ладно, вечером танцы!

Провожая друзей на борьбу с урожаем, Ан сильно пожал им руки: мол, как же я без вас буду жить дальше?! А когда их бригада, повернув направо, стала быстро удаляться в противоположном направлении — свистнул вдогонку. Резкий звук разорвал солнеч-

ный воздух на части и, вырвавшись на свободу, полетел вдаль: туда-туда-туда, аж туда за окоём!

Лана от неожиданности поперхнулась слюной.

— Ду-р-р-р-ак! — неправильными слогами откашлялась она. — Предупреждать надо! Я и не думала, что ты умеешь так свистеть!

— Свистеть я могу и не так! Ты ещё в этом убедишься, товарищ звеньевая-ланковая! Поэтому, наверное, и денег нет! Ну, ничего! Если в день съесть по килограмму морковки, мы, только втроём, за месяц съедим девяносто килограмм. Полевые мыши умрут от злости, не досчитавшись в своих закромах почти целого центнера.

— А тут, что мыши есть? — как-то нерешительно спросила Надежда, стоявшая в нескольких метрах в стороне и молчавшая всё это время.

— Думаю, да... — начал Ан и, вдруг, оборвал себя на полуслове.

Его взгляд уже давненько приметил в стороне от дороги что-то странное, напоминающее собой египетскую пирамиду. В солнечных лучах она казалась красной. Его беспокойство передалось Лане.

— Мамочки! — вскрикнула она. — Это же морковка!

Ан уже и сам догадался, что сельская дорога, минут через пятьдесят, неизбежно приведёт их не к седьмому чуду света — пирамиде Хеопса. Доставит в лучшем виде к новому и ещё неизвестному науке чуду — экологически чистому гигантскому многограннику, возведённому в честь будущих несчастных студентов, павших смертью героев в нелёгком трудовом бою на колхозном поле.

Настроение у всех упало. «Надо было брать больничный!» — прошептал кто-то за спиной Ана. Он даже не оглянулся, чтобы посмотреть, кто это такой умный остался в дураках. И не повернулся, боясь лишний раз «потревожить» рюкзак. Всю дорогу недавний клоун шёл очень осторожно, и всё-таки «стратил», присаживаясь на ящик у подножия пирамиды — снимая, тряхнул свою тайную ношу. Та издала подозрительно-знакомый стеклянный звук, тихий, но достаточно громкий, чтобы Лана обратила на это внимание.

— Что у тебя, там? — поинтересовалась она.

— Сюрприз! — ответил мученик будущего ударного труда.

— Когда начнёшь сюрпризничать?

— Ещё рано!

— Что рано?

— То, к чему ты пока не готова!

— К чему?

— К тому!

— Ты, это брось!

— Пока не могу, но обязательно брошу! — уверенно произнёс Ан, и, с верой и любовью, посмотрел на Надежду. — Да и твоя подружка не оценит моих стараний, правда, думаю, до первой полёвки, обыкновенной полевой мыши.

Надежда, услышав ненавистное слово, ассоциирующееся у неё с маленьким грязным комочком, бегающим на четырёх омерзительных ножках, поблескивающим злобными глазками, размахивающим отвратительным хвостиком — взвизгнула от страха.

— Хватит! — простонала она. — Или я прямо сейчас уезжаю домой!

Ан погладил рюкзак. Аккуратно поставил его рядом с другими вещами студентов. «Сделать из своей новой знакомой заику, в общем-то, дело не хитрое, — подумал он, — заметив мышонка, рванувшего вприпрыжку через поле». Зверёк старался убежать подальше от цепкого взгляда наблюдателя. Стоило только поймать, а потом продемонстрировать смешное и милое животное своим подругам, как желаемый эффект был бы достигнут — Надежда, наверняка, лишилась бы дара речи.

— Ладно! — сказал Ан. — Время собирать камни ещё не пришло!

— Ты о чём? — поинтересовалась Лана.

— Философствую! Не обращай внимания! Я часто думаю вслух.

— Загадочный, прям, такой!

— Я не загадочный прям... Начальство идёт, сейчас оно все загадки разгадает!

Начальством оказался невысокий мужичок: шустрый; с быстрым взглядом; с подвижными, беспокойными губами; постоянно проверяющий на месте ли у него пальцы, нос и уши. Его манера говорить напоминала что-то среднее между боевым криком спецназовца, ворвавшегося в окоп неприятеля и попыткой пьяного водителя (по просьбе га-

ишника) членораздельно произнести детскую скороговорку: «Шёл Саша по шоссе!» Как ни старался оратор запутать самого себя, студенты его хорошо поняли — им предстояло рассортировать экологически чистую пирамиду по ящикам, отделив, хирургическим путём, хвостики от «тела» растения, богатого на витамин «А». Непрестанно дёргая себя за нос и уши, начальство морковь называло морковью, а в заключение своей «корнеплодной» речи, подчеркнуло, что каждому студенту за день необходимо переработать около ста пятидесяти килограмм «витаминов». Переработать, а не переварить в желудке!!!

— И не меньше! — уточнил представитель колхозной власти и почему-то уставился на Ана. Тот встал с ящика, высоко поднял правую руку над головой и развернул сжатый кулак пальцами вперёд.

— No pasarán! — чётко выпалил он и своим уверенным жестом сбил с панталыку спецназовца и пьяного водителя в одном лице. Замешательство читалось в глазах колхозника также явственно, как читаются зелёные или красные сигналы светофора с наступлением тьмы. Если бы «Homo sapiens» мог ругаться ещё и носом — этот, низкорослый «образец», точно бы выматюкался соплями, жутко-зелёного цвета. Но мужичок только достал из кармана плаща носовой платок, помял его в руках для храбрости и спрятал обратно. Скривился. Чихнул, но как-то мирно.

— А, чё, сто пятьдесят не пятьдесят! Для разгона как раз! — зло пошутил кто-то из числа обречённых на трудовой подвиг.

Незванный гость дал волю мышцам лица — улыбнулся. Потом, чихнув в кулак, снова проверил на месте ли все пальцы, не сгорели ли уши от стыда за бестолковое подрастающее поколение и не оторвал ли он себе случайно нос. Убедившись, что всё на месте, скупко сообщил:

— Пора в контору...

Через пять минут мужичок превратился в мужичка с ноготок, а спустя ещё пять — просто в ноготок. Конечно, в прицеле снайперской винтовки его по-прежнему было бы видно чётко. Но тем и хороша битва за урожай, что умереть на трудовом поле можно, только обожравшись скороспелых и популярных в народе сортов моркови.

Получив у звеньевых огромные ножи и смирившись с судьбой, студенты принялись за работу. Время ползло! Ан трудился наравне со всеми, то и дело поглядывая на Лану и Надежду. Он искренне восхищался их умению орудовать «самурайскими мечами», мгновенно отсекающими зелёные морковные головы.

После двух часов упорного труда время полностью остановилось. Каждое движение Ану давалось только благодаря усилию воли. Лана ещё держалась молодцом, а вот Надежда заметно сдала, хотя и старалась не отставать от неё, размахивая холодным оружием так, словно пыталась покрошить осенний воздух и лёгкий ветерок в мелкую капусту.

— Без допинга мы помрём и не узнаем, что было на обед! — уверенно сказал Ан и поднялся, разминая затёкшие ноги.

— Без какого допинга? — спросила Лана, пристально посмотрев на подругу.

Надежда тоже ничего не поняла и бросила вопрошающий взгляд на Ана.

Тот не стал тянуть кота за хвост.

— Предлагаю, в качестве аперитива, выпить винца! — услышали девушки, не ожидавшие такого.

— Какого винца? — переспросила Лана и снова, но уже подозрительно, посмотрела на подругу.

— Какого-какого? Такого! Венгерский вермут вас устроит? Для начала?

— Какого начала? — звеньевая посмотрела на Ана, поедая глазами.

Тот сдержал нотки недовольства в голосе, не дав им вырваться наружу.

— Уважаемая, Лана! — обратился он к ней официальным тоном. — Ты дурочку не включай, а просто скажи, будешь пить или нет? Если нет, я и сам выпью! Мне от съеденной морковки уже тошнит! Надо запить! Вино отличное! Выпьем по сто грамм, что мы не родные что ли?

Лана оглянулась по сторонам и, убедившись, что на неё никто не обращает никакого внимания, быстро поднялась с ящика и схватила Ана за руку.

— Тебе моего мужа, видать, не хватает сейчас, так ты решил взяться за нас? — зада-ла она самый длинный риторический вопрос в своей жизни.

Ан включил всё своё красноречие и быстро, а главное доходчиво, объяснил двум «тормозам», что вермут это не водка, и что в своё время вождь мирового пролетариата и обездоленного крестьянства призывал не бояться человека с ружьём, а уж с бутылкой этого божественного напитка в руке — и подавно! Красноречие сделало своё чёрное дело — осмелевшие подруги Ана таки согласились надругаться над трудовой дисциплиной. Оставалось решить, как это сделать! Морковная экологически чистая пирамида, хоть и упиралась своей вершиной в солнце, но не могла помочь заговорщикам спрятаться от бдительных взглядов преподавателей, вместе со своими подопечными умело делавших обрезание одному из самых сексуальных овощей в мире.

Ан развязал рюкзак и «свернул башку» литровой бутылке. Оставалось лишь поднести её к губам и, наконец-то, утолить проклятую жажду хронического желания. От нетерпения что-то стало нервно подрагивать у него внутри. Паника проникла в сознание и спутала все мысли. Если бы он сейчас посмотрел на себя в зеркало — увидел тунгусский метеорит, летящий с бешеной скоростью прямо в преисподнюю. Ещё чуть-чуть, и «бензобак» отчаяния взорвался бы от гневной искры классического вопроса: «Что делать?» — рванул и взлетел бы на воздух посреди бесконечного поля, убогого и обделённого высшими силами не только раскидистыми деревьями, но даже обыкновенными редкими кустиками.

Поле было голым, словно родилось секунду назад.

И тут — спас опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг!

— Помнится, не так давно Николай придумал одну хитрую штучку, обманув в больнице всех, — прошептал Ан.

— Что за штучка? — наконец-то подала голос Надежда.

Ан хитро прищурился и прицелился указательным пальцем в деревянный туалет, стоящий в метрах пятидесяти от них.

— Вот наша крепость, которую штурмом не возьмёт ни один любопытный взгляд! — сказал он уверенным голосом, не терпящим никаких возражений.

Лана и Надежда скривились, заявив, что они такого никогда не делали и делать не собираются.

— А я пойду! — бодро произнёс Ан. — Вернусь, расскажу! Ждите!

Студенты, облепившие как муравьи основание пирамиды, не сразу поняли, в чём дело. Ну, пошёл Ан в туалет, ну и что? С кем не бывает! И всё-таки, некоторым из них было непонятно: для чего ему там рюкзак. Вскоре и Лана направилась к туалету. С рюкзаком! А когда с примелькавшимся туристическим аксессуаром в том же направлении мелкими шажками засемила Надежда — стало интересно многим. И эти, многие, в течение часа с нездоровым любопытством наблюдали за необычным поведением загадочной троицы, то и дело бегающей «по нужде». Станным было и то, что «трио» вообще перестало обращать внимание на окружающих, заливалось звонким смехом, обнималось у всех на глазах, будто вернулось на родную землю не из туалета, а как минимум — с Марса, а как максимум — из самого ада. Чувствовали себя космонавты-грешники раскрепощено. Их переполняли эмоции, словно с них сняли ненавистные оковы, избавив от каторжного труда на орбите чистилища.

Солнце уже давно отшвартовалось от верхушки экологически чистой пирамиды и медленно поплыло в сторону обеда. Заметив это, студенты как по звонку свыше, побросали ножи на землю и разрозненными группками побрели на северо-запад, куда и отправилось по-осеннему выцветшее светило.

Громко хохоча, троица плелась позади всех. А когда Ан ловко поймал за хвост серенькую мышку и показал её Надежде, та, к его удивлению, рассмеялась ещё громче. Лана предложила взять пленницу с собой в столовую и накормить котлетами. Все согласились, представив, как перепуганная полёвка, через каких-то тридцать минут, превратится из бедной родственницы зажиточного колхозного урожая в самую сытую и богатую на впечатления мышку на свете. Так бы оно и вышло, если бы не староста. Она выскочила, словно из-под земли, до смерти перепугав Лану.

— Ты что? Я чуть не родила! — немного заикаясь, набросилась на Ленку звеньевая.

Та выждала несколько секунд. Когда весельчаки успокоились и отпустили мышку на волю умирать от обжорства морковкой, попросила вести себя скромнее, добавив, что ей, в общем-то, всё равно, а вот некоторым преподавателям — нет.

— Они уже косо на вас пог-г-глядывают! — будто споткнувшись об нездоровое любопытство — дружески добавила староста.

Неожиданно Ленка исчезла, словно провалилась во временной портал. Компания аж завизжала от удовольствия.

Через мгновение староста опять вынырнула, как из-под земли, правда, немного правее. «Промахнулась!» — подумал Ан и от смеха чуть не упал ей под ноги. Не успела Ленка открыть рот, как Лана и Надежда схватили Ана под руки и что было сил побежали вперёд, навстречу дымящемуся борщу, жареной картошке, котлете «по-киевски», горячему чаю с лимоном и блинчикам с творогом.

Обед пролетел быстро, будто его и не было вовсе. Вторая половина первого трудового дня запустила таймер обратного отсчёта времени. Всё было в рамках отличного настроения.

К пяти часам вечера, над горизонтом появилось несколько чёрных туч, расплывшихся по небу синяком, свинцового цвета. Налетел ветер, налетел и стих. А когда в низких облаках гром пару раз уронил гулкий медный таз, раздалась долгожданная команда: «Отбой!»

Студенты, как ошпаренные, сорвались с ненавистных мест, покотившись по полю, будто дробь рассыпалась по столу.

Ан, Лана и Надежда на базу прибежали, прилетели, прикатились задолго до первых дождевых капель. В столовку не пошли, решив доесть «тормозки», собранные для них заботливыми родителями на дорожку, длинной, примерно, в три-четыре дня. К тому же в рюкзаке навязчиво перестукивались ещё две бутылки вина.

И тут начался дождь.

Ужинать пошло большинство студентов, не испугавшись воды, шумно льющейся, словно из нескольких небесных леек.

Ан метался от одной комнаты к другой, пытаясь найти укромное местечко, чтобы с двумя «заводными» девчонками спокойно пережить промозглый вечер. Но, как назло, райского уголка найти не удавалось! Везде: валялись, ели, резались в карты... Некоторые — кипятил воду в стакане, разминая в руках пачку вермишели быстрого реагирования на вечное студенческое недоедание.

Поразмыслив, Надежда предложила пойти в женскую душевую.

— А почему именно туда? — спросил Ан, пытаясь понять её логику.

— наших душевых больше! — последовал лаконичный ответ. — Кому придёт в голову ломиться к нам, если рядом полно свободных?! Идёмте, пока в Багдаде всё спокойно.

Лана согласилась.

Ан сбегал за рюкзаком и незаметно прошмыгнул следом за подругами в душевую комнату, соседствующую со спортивным залом, приспособленным под гигантскую спальню на сто пятьдесят койко-мест.

И всё в этот вечер было бы хорошо, если бы не болгарские виноделы, умудрившиеся намертво закупорить бутылки «гадскими» пробками, которые без штопора, ну, никак не удавалось извлечь наружу.

Ан так измучился, что Лана не выдержала и предложила перекурить с ней на брудершафт, предупредив, что если тот не согласится — включит холодную воду.

Пока истерик нервно курил, звеньевая взяла бутылку отменного, непокорного болгарского вина и подошла к стене — единственной в мире, за которой располагалась гигантская спальня. Приложив к стене свёрнутый пополам рюкзак, начала что есть силы лупить по нему дном бутылки, пытаясь таким способом заставить вино вытолкнуть пробку. Лана «работала» с такой скоростью, что стоило закрыть глаза, как воображение начинало рисовать картину из героического послереволюционного прошлого наших предков. А именно — шахтёра, ударника коммунистического труда, устанавливающего новый стахановский рекорд.

— Что ты делаешь? — на удивление спокойно спросил Ан, растерев каблуком сигаретный бычок.

Лана в доходчивой форме объяснила физический закон, суть которого сводился к простой механике — бьёшь, пока пробка не вылезет из бутылки. В теории всё выглядело убедительно, вот только «скотина» стояла на своём и не сдвинулась ни на миллиметр. Лана, вместе со своей физической логикой, оказалась бессильна перед примитивной пробкой, и в упорной захватывающей борьбе неподатливая «сволочь» выигрывала у неё со счётом 50:0.

И тут, опять, на помощь пришла Надежда. Она молча вырвала «импортное пойло» из рук стахановки и начала что-то искать глазами, внимательно осматривая душевую.

— Вот, он! — радостно сказала студентка, ткнув пальцем в шапку ржавого гвоздя, застрявшего в дверном косяке и, по всей видимости, выполнявшего роль вешалки. — Остальное — дело техники! Запихнём сучку!

Через пятнадцать секунд пробка оказалась внутри бутылки, а через полчаса — на дне.

Ещё через сорок минут — и вторая пробка была побеждена мощным аналитическим умом разгулявшейся новой подружки Ана.

Хорошенько закусив, выкурив полпачки сигарет и умывшись, друзья на цыпочках подошли к дверям, стараясь как можно тише открыть их — у них созрел незамысловатый план: незаметно выскочить в коридор и быстренько разбежаться по своим комнатам.

Троица на все сто была убеждена — сейчас никому не нужна!

Да и кому он был нужен: стройный, хорошенько подвыпивший парень, лысина которого поблескивала бриллиантовыми искорками ещё не испарившейся воды!

Да и кому были нужны они — его, невероятно-красивые спутницы навеселе, настоящие богини, по плечам которых «змеились» намокшие густые волосы, а в глазах светилось беззаботное отношение к миру!

Да и кому они были нужны — он и две девушки, решившие вышмыгнуть из женской душевой, словно выскочить из океана своих ненасытных страстей на берег нравственной чистоты.

Потянув дверь на себя, Ан смело шагнул в сумрак коридора и тут же увидел перед собой их — около пятидесяти девушек во главе с тремя «окаменевшими» преподавателями.

Оказалось, пока Лана сражалась с пробкой, вернувшиеся из столовой студентки, затеяли в гигантской спальне спор о загадочном явлении — грохоте за стенкой. Одни доказывали, что это строители решили её снести, другие уверяли, что рабочие тут ни при чём, так как время позднее, и, скорее всего, кто-то пытается проделать дыру, чтобы вырваться на свободу. А самые ненормальные считали, что, при строительстве спортивной базы, каменщики по пьянке замуровали своего товарища и теперь, страдающий от похмелья дух бедолаги в поисках водки беснуется по ночам. Спор зашёл так далеко, что ещё немного и среди будущих педагогов появились бы первые жертвы. На шум прибежали преподаватели. Пытаясь разобраться, в чём дело, группка учёных дошли до самой сути: теория о причине возникновения вселенной — ничего не значащая ерунда по сравнению с законом притяжения идиотов друг к другу. Эту догадку успешно подтверждал вид студентки с перекошенным от ужаса лицом. Сидя на кровати в позе лотоса, та постоянно показывала пальцем на стену, за которой кто-то усердно работал отбойным молотком. Преподавателям стало ясно, что на перепуганную девушку снизошло откровение, окончательно заведшее её в тупик здравого смысла. Что делать дальше не знал никто, поэтому все дружно решили покараулить в коридоре, чтобы, ни дай Бог, ни чего не пропустить... Прошло чуть больше часа — дверь душевой тихонечко скрипнула, и одно большое коллективное сердце на мгновение остановило свой жизненный ритм, а потом застучало ещё громче и ускорило бег, будто за ним, оскалив белоснежные клыки, помчались дикие собаки первобытного страха. Панику сдерживало лишь примитивное женское любопытство! Над самыми тонкими натурами нависла реальная угроза — потеря дара речи. Если бы Ан решительно не появился в дверях, онемевшие от внутреннего напряжения студентки через четыре месяца с позором вылетели бы из института, так и не сумев сдать устные экзамены. Он спас их, и от позорного изгнания из рядов почётной профессии, и от греха любопытства, переполнившего несозревшие души, как осенняя дождевая вода, в это же самое время — ржавые старые бочки под водосточными трубами спортивной базы. Завидя Ана — в коридоре раздался вздох облегчения. А когда за ним показалась Лана, ведущая под руку, пошатывающуюся при ходьбе Надежду, вздох облегчения превратился в чувство женской зависти — самое устойчивое и сильное чувство в мире. Впервые Ан почувствовал прикосновение нескольких десятков жаждущих девичьих взглядов и ощутил их магнетизм, от которого его голова закружилась ещё сильнее. Не зная, что ответить на немые вопросы в глазах начальства, повторил, слегка изменив свою шутку: «Мы тут проездом, в каком городе находится этот бордель?» Засмеялись не все. В душе улыбнулись многие. Особенно Анастасия Петровна — доцент с почти вековым педагогическим стажем, во взгляде которой без труда читалось: она была бы не против сбросить с уставших натруженных плеч годков пятьдесят и перекурить с молодым парнем в женской душевой перед сном. А потом

опять вернуться в свой возраст, и, с высоты своих лет, не только понять, но и простить «обезбашенную» молодость или как сказал один известный исторический и политический киноперсонаж — «пору нехитрых желаний».

Прошло ещё минут пять, и коридор опустел, как консервная банка в руках голодного студента.

Спортивную базу потянуло ко сну.

Переступив порог своего временного пристанища, Ан с удивлением огляделся по сторонам — на месте были все, кроме Рабика и Болта. Стараясь при разговоре не глотать слова, он поинтересовался, где друзья. К удивлению, все прекрасно его поняли, наперебой рассказав, что парочка «не разлей вода» пошла в сельский клуб наводить мосты дружбы между городской и сельской интеллигенцией. А чтобы «сооружения» сразу же не рухнули под тяжестью непонимания, прихватили с собой, в качестве подпорок: две бутылки водки; несколько банок пива; шампанское для прекрасных дам, которых намеревались «снять» для совершенствования своего дипломатического опыта.

Ан упёрся головой во что-то твёрдое слева от него, закрыл глаза и постарался отогнать дурные мысли, а также разгадать загадку: где «мостостроевцы-дипломаты» умудрились купить «это», если магазины завалены лишь вином? Но чем упорней он убеждал себя, что всё с друзьями будет нормально, интуиция с лёгкостью доказывала обратное. «Главное, чтоб они не заснули где-нибудь на дороге», — говорил сам себе, и не верил своим же словам. Убедившись, что ничего путного в голову не приходит, Ан разделся и залез под простыню. Заснул быстро, словно споткнулся и упал в темноту. Неожиданно в глубине мрака щёлкнул дверной замок. Ан не увидел, но почувствовал, как открылась невидимая дверь, открылась со скрипом — пугающим его воображение звуком, похожим на крик чаек, бьющихся за добычу или защищающих свои гнёзда.

В дверной проём прошмыгнул солнечный луч и в глубине великого ничего Ан увидел себя маленьким мальчиком, держащим в руках клетку для птиц.

— Что там у тебя? — прозвучал вопрос откуда-то из темноты.

— Душа! — ответил ребёнок.

— А куда ты её несёшь?

— На базар!

— Зачем?

— Продавать!

— Так продай мне! — попросил мрак и засмеялся, словно заплакала вьюга.

От этих слов Ан проснулся.

Выступившая на лбу ледяная испарина приятно освежала голову. Хотелось пить. Часы показали четыре утра. Рабика и Болта на своих кроватях не оказалось. «Надо их найти до начала скандала, — мелькнула в голове здравая и на удивление трезвая мысль». Чтобы никого не разбудить, Ан схватил первое, что попало под руку из одежды, и на четвереньках пополз к двери. Пограничную полосу между комнатой и коридором пересёк как заправский диверсант, оставив позади храп друзей и неспящего Анатолия Ивановича, размышляющего, что могло заставить молодого человека посреди ночи скатиться с кровати на пол, ползти непонятно куда и зачем, громыхая костлявыми локтями и коленками так, что можно было разбудить даже сказочную спящую красавицу, заснувшую богатырским сном.

Убедившись, что Ан почти бесшумно прикрыл левой ногой дверь, физрук повернулся на другой бок, зевнув от удовольствия. «Как молоды мы были!» — решил спеть Александр Градский в голове Анатолия Ивановича. Спортсмен мастерски заткнул певцу рот.

— Спать! — дал решительную команду он выскочке-знаменитости и опять зевнул от удовольствия, но уже во сне.

Поднявшись, Ан понял, что с собой прихватил двое джинсов. «Одни мои! Другие тоже, вроде, мои», — подумал. Огляделся по сторонам — и увидел привычную картину: метрах в пяти от него, рядом с огромным платяным шкафом, раскинув руки, спал Болт. Рабик рядом «не парил». Не было его ни на лестнице, ни в душевых комнатах. Нигде! И тут из шкафа раздался звук, словно там, внутри, домовой пытался завести какое-то механическое устройство, среднее между мотоциклом и бульдозером. Подойдя ближе, Ан понял, что из шкафа доносится храп. Распахнув дверцы, увидел дружка на дне... «Почти по Горькому», — мелькнула мысль. Радость находки возбуждала!

— Ну, слава Богу, все дома! — вздохнул облегчённо.

По очереди перетаскивал ночных гуляк в комнату. Чтобы взгромоздить «находки» на кровать — пришлось разбудить Лёху. Физрук спал крепко или делал вид, что спал крепко.

— Нормальный мужик! — прошептал Ан и упёрся указательным пальцем в воздух над Анатолием Ивановичем.

Лёха согласился, кивнув головой.

Прошло минут пять — и помощник Ана заснул в прыжке на подлёте к своей кровати, а Рабик и Болт заснули, так и не проснувшись от своей гулянки.

Ан вспомнил свой ночной кошмар и решил не спать до утра, но заснул опять быстро — провалился вниз... Летел долго, пока снова не увидел себя маленьким с клеткой в руках. К нему подошла девочка в лёгком платье. С красивым, но злым лицом.

— А я тоже умею прерывать полёты птиц! — сказала она металлическим голосом. — Ты сажаешь в клетку — я забираю небо!

— Это клетка для души! — начал оправдываться Ан и заплакал.

— Не плачь! — решила успокоить его девочка. — Я могу прерывать полёты не только птиц!

— Не надо! — попросил мальчик, растирая слёзы по щекам.

А сон всё не хотел прерываться. Душевная боль казалась невыносимой. Чтобы избавиться от неё, Ан прыгнул куда-то в сторону, ещё глубже — и проснулся под своей кроватью. Глаза открыл сразу, но не тотчас понял, как это он так быстро вырос и почему лежит на чём-то холодном, покрашенном в коричневый цвет.

А потом он представил себя птичьим гнездом, из которого только что улетела птица в поисках своего птичьего счастья, оставив ненадёжный дом на растерзание, не знающему жалости, времени. В груди что-то неприятно заныло. Ан схватился рукой за грудь, проверяя на месте ли его душа. И тут понял, что ещё спит — и как ребёнок обрадовался своей догадке. А когда проснулся полностью, обрадовался ещё сильнее, что сон оказался всего лишь сном и не более, и всё-таки душу было почему-то очень жаль.

О к о н ч а н и е с л е д у е т ...

Андрей ПОЛЯКОВ — член Национального союза писателей Украины. Поэт, прозаик. Стихи печатались в журналах, альманахах и антологиях Украины, России, США, Германии, Польши, Бельгии. Проза — в Украине, в Польше, в России. *Автор восьми поэтических книг. Лауреат Национальной литературной премии им. Николая Ушакова (2001 г.), лауреат Всеукраинского литературного конкурса журнала «Радуга» (Киев, 2005 г.), лауреат Международного поэтического конкурса «Премия Неизвестного читателя» (Киев, 2013 г.), лауреат Международного многоуровневого конкурса имени де Ришелье (Одесса, 2013 г.) Награждён дипломом за вклад в развитие русской литературы (2007 г.). В 2013 г. вошёл в «Золотую десятку» ежегодного рейтинга «ТОП-50» для сумчан, внесших особый вклад в развитие культуры. Дипломант международного литературного конкурса «Родной дом» (Беларусь, 2016).*

Стихотворения переводились на украинский, сербский, польский и арабский языки.

ВАНІНА ДУША

Сьогодні настав останній день військової служби солдата Вані у державі Віллен (сам же він був з Інвадерії). Вранці командир віддав наказ йому і ще кільком хлопцям розташуватися на дахах будинків і обстрілювати вулиці. У Вані цей наказ викликав уже не вперше подив і обурення. До цього часу він ніяк не виказував свої почуття, але сьогодні він вирішив поділитися своїми роздумами з хлопцями, з якими мусив виконувати завдання.

— Ребят, ф каво стрелять ми будем? Здесь же нет армии, только мирные жители.

— І чьо? Сєводня оні мірніє жітелі, а завтра пайдут і в армію запішуцца. Как гаваріт наш камандір, не забивай, что здесь вокруг адні врагі.

— Даже старікі, женщины і деті? Ми же, наабарот, далжни захищать их ат притєсненій вилленскай арміі, а не убівать.

— Што тебе не так? Пастреляем етіх гаврікав без рїска для жизні, камандір нас паблагадаріт. Скажи спасіба, што не с армієй нас атправляют ваєвать.

На цьому солдати припинили обговорення цього питання, але Ваню їхня відповідь не влаштувала. Це якось не в'язалося з самою ціллю, з якою їх сюди послали (їм казали, що вони виконують почесну місію — звільнення інвадерійців, які живуть на території Віллену, від гніту вілленського уряду й від примусу розмовляти вілленською мовою). Проте поки що Ваня ще не повністю втратив віру у своє командування, і вирішив, якщо такий наказ віддали — отже, так треба. Не буде ж він сперечатися зі старшими по званню? На деякий час до солдата повернувся веселий настрій, і він пішов готувати зброю.

Але чим ближче був час виходу на завдання, тим більше збентеження оволодівало душею Вані. Він ніяк не міг зрозуміти, нащо знадобилося вбивати мирних жителів, а спитати у командира він не наважувався (ще покарає за зайві запитання).

У вирішальну мить, коли солдати за наказом зайняли позиції на дахах, встановили зброю й взяли на приціл перехожих, Ваня, який начебто скорився необхідності вбити невинних незброєних людей, раптом, керуючись якимось шаленим імпульсом, схопив гучномовець, який лежав неподалік, і закричав у нього перехожим, що зараз буде обстріл і тому вони мають негайно сховатися у будинках. Солдати, які були поруч із Ванею, спершу остовпіли від подиву, потім кинулися до нього. Ваня вирвався від них і побіг, услід він почув крик «Ах ти ж, гад!», потім відчув пронизуючий гарячий біль, йому затьмарилося в очах і він упав...

Коли Ваня прийшов до тями, уже смеркалося. Встаючи на ноги, він не відчув ніякого болю, хоча куля пройшла навиліт. Навпаки, ним опанувала дивна, нібито неземна легкість. Раптом Ваня здійнявся над землею. Він поглянув униз і побачив, як його колишні товариші по зброї тягли його тіло, з якого уже вилетіла душа. Ваня вирішив простежити за ними: хлопцю стало цікаво, що з ним зроблять після смерті — була велика надія, що його хоч якось поховать. А солдати дійшли до річки і з гиком і лайкою кинули тіло у воду. Зазирнувши на дно, Ваня побачив там десятки тіл загиблих з боку армії Інвадерії. У мертвих обличчях цих вояків хлопець впізнавав однополчан, яких оголошували зниклими безвісти (серед них були й ті, хто свого часу вони теж відмовлялися виконувати злочинні накази — і їх потайки знищували). Тут йому стало невимовно шкода свого страченого у безглуздій війні молодого життя, що вже не повернеться додому, не обніме своїх батьків, не зустрінеться з друзями і ніколи вже не матиме своєї родини... Його навіть не поховали нормально, як навіть і тих, які до кінця свого недовгого життя вірили своїм божевільним командирам і загинули на полі бою, виконуючи із безглузді жорстокі накази! Дійшовши до краю у своїх люті й розпачу, душа Вані наступної миті позбулася усіх почуттів, крім всеохоплюючої нелюдської апатії, і поволі полетіла до лісу.

Там Ваня сидів біля багаття, підкидаючи до нього опале листя, яке потім білим димом підіймалося до неба, і згадував про те, як він опинився у Віллені. Уже кілька років уряд Інвадерії переконував своїх громадян, що Віллен — їх ворог. Ні, не лунали прямі накази іти війною на свого сусіда, але кожна його дію телебачення, газети й радіо трактували як умисний підступ у бік Інвадерії: у Віллені відкрили родовища газу й розроб-

лятимуть їх — змова проти Інвадерії (сусіди-скнари не хочуть більше віддавати свої гроші Інвадерії за її дорогий газ), вілленські міліціонери затримали трьох грабіжників, які виявилися громадянами Інвадерії — агресія проти мирних інвадерців, які тим і провинилися, що взяли трохи грошей і коштовностей у ювелірному магазині. Але на цьому президент цієї держави не зупинився. Він поступово заборонив увезення до Інвадерії майже усього, що виготовлено у Віллені: молоко, сир, творог, сметану, м'ясо, вино, мед, тканини тощо, аргументуючи це тим, що вілленці, заздрячи інвадерцям, прагнуть їх смерті, тому вони від злості отруїли усі продукти, які призначені для відправлення сусідам. Крім того, інвадерський президент, щоб приховати вкрадені ним із державного бюджету гроші, проголошував, що він фінансово допомагає Віллену, тому вам, дорогі громадяни, слід пожити ще десяток-другий рік без доріг, без пенсій і зарплат, зате з інфляцією і з високими цінами на продукти і лікування. Тож цілковите убозтво простих людей офіційно пояснювалося підлими діями вілленців — саме вони тягнуть з Інвадери гроші, висмоктують із нього усі соки, штовхаючи до загибелі. У напівголодних інвадерців, які витрачали майже усі свої зусилля на те, щоб звести якимось кінці з кінцями і заробити грошей, щоб дожити до наступного тижня, не було часу роздумувати над тим, що їм говорили з телевізора, і перевіряти інформацію. Оскільки їм разів триста на день втовкмачували звідусіль, що Віллен — ворог, вони у це швидко повірили. Навіть у церквах (за наказом президента) кожна служба закінчувалася словами священника «Віллен — наш ворог. Хай він горить у вогні», які прихожани хором повторювали. Люди здавна звикли беззаперечно вірити церкві, але, на свою біду, вони не знали, що інвадерська церква уже думала більше не про благо людей, а, захопившись маніакальними планами президента захоплення світу, мріяла про те, як завойовані Інвадером держави несуть предводителю церкви дорогоцінну данину на «будування нових храмів». Одним словом, уряд, телебачення, преса, церква взяли інвадерців у таку інформаційну «облогу», що їм нічого не залишалось іншого, як почати ненавидіти Віллен.

Ваня не став винятком. Він ненавидів Віллен разом з усіма. А тут якраз вілленці скинули свого диктатора, який планував підписати угоду про входження Віллену до складу Інвадерії, але не встиг. Оскільки цей план президента Інвадерії провалився, то він мусив розпочати війну, щоб захопити сусіда силою, якщо вже він не захотів скоритися добровільно. Щоб громадяни перейнялися справедливістю й священною місією війни, їм розповідали всюди, як у Віллені знущаються з інвадерців, які там живуть, забороняють розмовляти їм рідною мовою, трохи не погрожуючи їм автоматом, викрадають їхніх дітей. Ваня, почувши таке, дуже обурився — як, ображають інвадерців у чужій країні, і ніхто за них не вступиться? І він щиро не розумів людей, які напередодні війни вийшли на протести, проголошуючи, що вони хочуть миру, що не підтримують майбутнього вторгнення своєї армії на територію сусідньої держави, що вони будуть дуже винуватими перед вілленцями, якщо нападуть на них.

Якраз Вані настав час проходити службу в армії. Там якимось його викликали до штабу й запропонували поїхати до Віллену, щоб визволяти пригноблених інвадерсько-мовних жителів (звичайно ж, не безкоштовно), але з однією умовою — ніхто з родини хлопця чи його знайомих не повинен знати, що він воюватиме у Віллені (це ж секретна місія, щоб ніхто не міг інвадерським солдатам завадити рятувати світ). Довго не роздумуючи, Ваня погодився...

Чим більше Ваня був у Віллені, тим більше він дивувався, наскільки справжнє життя у цій державі відрізняється від того, як його показували в Інвадері. Й інвадеромовних жителів ніхто не переслідував — від кого ж їх тоді захищати? Взагалі, потрапивши до Віллену, Ваня відчув якесь дивне почуття свободи, якого у нього не було у рідній Інвадерії. Він бачив, що тут можна вільно, при всіх висловлювати свою точку зору, не боячись, що тебе потім викличуть до міліції. Тут люди були добрішими й ласкавішими, ніж інвадерці, й на відміну від останніх не заляканими.

Усі ці спостереження привели до того, що Ваня почав сумніватися у правильності війни Інвадерії проти Віллену. І якби ж то була чесна війна! Президент Інвадери кинув своїх солдат у Віллен, а потім офіційно відрікався від них, казав, що не знає їх. А якимось Ваня від когось почув, що групу інвадерських солдат, які намагалися прорватися через кордон до своєї держави, щоб їх не вбили вілленці, розстріляли свої ж прикордонники... Наказ командування вбивати мирних жителів Віллену остаточно переконав хлопця у тому, що вони насправді не визволяють людей, не рятують їх від карателів, а ведуть

підлу загарбницьку війну проти свого сусіда. Ваня більше не вірив своєму начальству, своїй батьківщині, людям, з якими він колись щодня спілкувався. Тому в останню мить свого життя він осмілився на відчайдушний бунт і врятував мешканців Віллену від смерті...

При згадці, як його вбили, Ваню пронизав гарячий біль, і він, як від сну, прокинувся від своїх спогадів. Йому захотілося опинитися на своїй батьківщині, поглянути на своїх близьких, хоча б побачити їх, не заговоривши з ними. Перебравшись із Віллену до Інвадеру, перелетівши через інвадерських солдат, які на кордоні стріляли по захисниках Віллену і мирних мешканців, Ваня опинився у рідному місті. Ідучи з дитинства знайомою вулицею, він почув уривок розмови, яку вели двоє перехожих:

— Ты знаешь, моя дочь хотела устроиться учительницей в школе, в которой училась. Так её не взяли!

— Почему так?

— Вместо неё директор взял другую девушку. Наверняка за взятку!

— Тише! Тише... Почему ты так думаешь?

— Потому что эта девушка была однокурсницей моей дочки, и моя дочь говорила, что та училась из рук вон плохо, на пары почти не ходила... А теперь во как: у кого денег много, устраиваются, а хорошие ни с чем остаются...

— Тише, тише, ещё услышит кто... Донесут...

— Да ладно, никого тут нет.

— И в Интернете, смотри, никому этого не пиши, прочтут ведь...

На цих словах Ваня звернув до парку. Дорогою він намагався зрозуміти, що означали слова тих жінок: хто може на них донести? хто буде стежити за ними в інтернеті? Роздумуючи так, Ваня гуляв парком, у якому він так давно не був, і спостерігав за людьми. Начебто навкруги було усе так, як хлопець пам'ятав ще до відправки до армії — дерева, паркани, лавочки, навіть сойчине гніздо на дубі біля лотка з морозивом, але у повітрі відчувалася якась зміна, яка непокоїло Ваню. Придивившись уважніше, Ваня зрозумів, що причина його занепокоєння — у людях: скільки він пробув у парку, і не почув нізвідки веселого сміху, люди намагалися у розмови не вступати одне з одним і подовгу не засиджувалися на місці, ніби усі щось приховували або ховалися одне від одного — сама атмосфера була сповнена якоїсь напруги й гнітючої підозри. Вражений своїм відкриттям, Ваня пішов поволі далі. Через деякий час він побачив на лавочці дивного дідуса — той сидів сумний-сумний, видно було, що він дещо напідпитку, хоча справляв враження інтелігента. Хлопцеві стало дуже цікаво, що так засмутило дідуса, тим паче, він так давно не розмовляв ні з ким, що не втримався і підійшов ззаду до лавки, на якій дід сидів (насправді Ваня дуже ризикував, бо тепер він був невидимий і говорити з людьми він не міг). Хлопець спитав у старенького, що його тривожить. Не обертаючись, той відповів, що він був університетським професором, але тепер його звільнили. А звільнили професора через те, що він відкрито виступав проти війни Інвадеру проти Віллену й закликав до миру. Провладне керівництво університету не стерпіло такого вільнодумства і позбулося небезпечного викладача. Ще багато страшних речей розповів професор, з яких Вані найбільше врізалася в пам'ять розповідь про інвадерського священика, якого жорстоко побили люди за те, що він застерігав їх від сповнення ними своїх сердець несправедливою ненавистю до вілленців і за те, що він відмовився освячувати зброю, якою мали інвадерські солдати вбивати вілленців.

Спантеличений і розгублений, Ваня попрямував до свого будинку. У своїй квартирі він побачив приголомшуюче трагічну картину: біля увімкненого телевізора (по якому якраз транслявали новини з Віллену) сиділи його заплакані батьки у чорному, на столі лежав лист зі сповіщенням про загибель солдата № 11673 біля державного кордону за нез'ясованих обставин (імовірно, в результаті вибуху міни, яка залетіла з Віллену на територію Інвадеру). Раптом матір, яка сиділа, затуливши очі рукою, схопилася на ноги, стала навпроти телевізора, пронизуючи його напівбожевільним поглядом і тикаючи у нього пальцем, закричала на всю квартиру прокляття вілленцям, які геть показалися і вбили її синочка — давно пора цей Віллен стерти з лиця землі або обнести колючим дротом. Батько довго сидів мовчки, насуплено дивлячись перед собою, ніяк не реагуючи на виливи емоцій дружини, потім, несподівано жбурнувши порожньою склянкою у телевізор, голосно промовив: «Наш президент атамсьїт за нашева сина!»

Вані було дуже боляче дивитися на такі побивання його батьків. Єдине, що він міг зробити — донести батькам правду про останні події свого життя. Заговорити з ними він

не наважився, тож вирішив написати листа, датувавши його днем, коли він був живий, і розповісти, де він насправді служив і де потім загине. Дочекавшись ночі, коли його батьки поснули, він тихенько узяв ручку, чистий лист і конверт і написав, що направили його до Віллену, як йому віддавали наказ убивати беззахисних вілленців, яку відразу у нього це викликало, і коли йому наступного разу віддадуть цей наказ, він його не виконає...

Усе детально описавши, Ваня поклав листа у конверт, заклеїв його і кинув до поштової скриньки.

Вранці, після сніданку, батько, як завжди, пішов перевіряти пошту і знайшов листа від свого сина, підкинутого ним уночі. З криком «Маша, Маша, сматрі!» він кинувся назад до квартири.

— Да што там у тебе такое? — здивовано й трохи сердито запитала дружина.

— Письмо — ат нашева Вані!

— Как? Не может быть! Наш син жив? — аж засяяла надією матір.

Осяяний раптовою надією, батько з дрижанням у руках перегорнув конверт.

— Нет, письмо он написал, када ещѐ жив бил, — скрушно відповів батько і пустив слюзу, подивившись на дату, поставлену на конверті. — Відно, ано проста прішло с апазданієм...

— Ладна, давай ево прачтьом.

— Вот. Слушай. «Дорогие папа и мама! Хочу вам рассказать, как я служу. До этого я писал вам, что прохожу службу возле нашей границы. На самом деле нас послали в Виллен, но нам запретили об этом кому-либо сообщать, в том числе и родственниками. Вам, наверно, тоже не сказали, где я? Я верил, что это какая-то секретная миссия нашей страны, о которой не должны узнать иностранные шпионы, поэтому я должен молчать. Я верил, что мы идѐм на правое дело — спасти жителей Виллена от угнетающей их власти и зверств армии. Но когда мы туда прибыли, никаких зверств там не увидел, а нам приказывали этих жителей убивать, которых мы должны были от кого-то защищать! Когда нам первый раз отдали этот приказ, я не смог его выполнить — я полдня прятался в каком-то недостроенном доме, а командиру потом сказал, что меня ударили по голове и я был без сознания. Во второй раз я повредил себе винтовку, только чтобы не стрелять. Со страхом думаю, что я буду делать дальше — но я постараюсь что-то придумать... Боюсь, командир этого так не оставит... Мама, папа, простите меня за все те горести, что я вам принѐс и, возможно, ещѐ принесу. С любовью, ваш сын Ваня».

Вані була дуже цікава реакція батьків. Він сподівався чого завгодно, але не такого:

— Ет чѐ такое? — спитав батько після хвилинного мовчання (видно, він обмірковував зміст прочитаного).

— Не знаю... Пачему он так странна пишет? Етава не может быть!

— Наш Ваня не мог такой ужас а нашей армии рассказать. Зачем он написал ета дурацкае письмо?

— А может, ета не он писал?

— Точна! Ета нам шпиони падаслалі — амеріканскіе шпиони! Ані хатят, штоб ми усамнілись в нашем президенте, нашей армии! Не прайдьот!

Вигукнувши це, батько порвав синогого листа на маленькі клаптики, кинув їх на підлогу й розтопав, уклавши у цей рух усю свою злість на шпигунів.

Ваня від побаченого остовбенів. Ним оволоділи розпач і гнів, а через мить усі почуття раптом кудись зникли — залишилися лише відчуження, самотність і розуміння того, що батьки тільки що розірвали з сином останній зв'язок. Ваню більше нічого тут не тримало, і він пішов геть.

Хлопець до вечора тинявся містом туди-сюди, але ніде не міг знайти собі спокою й розради, тому вирішив повернутися до Віллену — краще спостерігати, як вілленці захищають свою державу, ніж як твої співвітчизники ідуть убивати невинних людей.

Подолавши державний кордон, Ваня побачив дивну картину, від якої, якби він міг, хлопець зблід і у нього б заворушилося волосся на голові: інвадерські солдати без упізнавальних знаків на формі гатили з такнів і мінометів по населених пунктах, а над ними літав вертоліт, льотчик якого оголошував, що по мирних мешканцях стріляють не вони, інвадерці, а вілленська армія, як знаходиться тут поруч. Дійсно, Ваня побачив і вілленських солдатів, які намагалися відтіснити інвадереців і захистити людей, але їхнє завдання значно ускладнювалося, бо місцеві жителі, дослухаючись до голосу з вер-

тольоту, з таким оскаженілим виразом облич, що мало піна не йшла у них із ротів, закидували своїх захисників камінням.

Ваня кинувся до людей, інстинктивно ухилившись від каміння, що летіло повз нього (хоч воно й не могло його вдарити), кричачи їм, щоб вони не вірили вертольоту і не кидалися на свою ж армію. І тут сталося диво. Хлопця настільки переповнили злість на вілленців і відчуття кривди за вілленських солдатів, що він раптом прийняв свою колишню людську подобу — тобто став видимим. Ставши між солдатами і натовпом місцевих, він крикнув: «Глупые! Что вы делаете? Посмотрите назад, в вас ведь стреляем мы, инвадерская армия, а не ваши солдаты!» На мить вілленці оторопіли, побачивши перед собою інвадерця і почувши від нього таку дивну мову. Коли у серці Вані зародилася слабка надія, що люди дослухаються до нього, чиясь рука під вигук «Фашист! Американській шпiон!» метнула у нього камінь. І тут сталося друге диво. Камінь потрапив хлопцеві у голову, але він не впав закривавлений, як очікував цього натовп, а просто зник — Ваня знову став привидом. Люди, що були у передніх рядах і побачили це, у паніці стали хреститися і подалися назад, збиваючи тих, хто був за ними. Вані було вже все одно, що робитимуть вілленці далі і він, понурений, пішов геть.

Хлопець довго йшов, не розбираючи дороги, поки не опинився на якійсь галявині. Там вілленські солдати прощалися зі своїми загиблими товаришами. Вони не могли побачити того, що побачив Ваня — він бачив, як душі хлопців відлітали від землі. Керуючись якимось не до кінця усвідомленим почуттям, Ваня підбіг до них, упав навколiшки і, плачучи, став просити у них пробачення. Вілленці, мовчки узявши його під руки, підвели з землі, і вони разом полетіли до неба.

* * *

Когда-нибудь — возьму, да и уеду,
Куда-нибудь — на остров, на луну.
В два шерстяных — шотландской клетки — пледа
Всё, что с собой, в дорогу, заверну:
Зелёный шарф, на нитке амулет,
Рождественник и с камушком браслет,
Мишутку Джонни, туфли с каблуками,
Цветаеву — с затёртыми листьями.
Когда-нибудь — возьму, да и уеду,
Куда-нибудь — на полюс, на луну.
В два шерстяных — шотландской клетки — пледа
Всё, что с собой, в дорогу, заверну:
Две пары спиц и тёплые носки,
Помаду и японские стихи,
Чуть-чуть зефира, банку помидор,
Да платье, где жаккардовый узор,
Всё остальное — отнесу соседу.
И, знаешь... без тебя я — не поеду.

* * *

Испеки мне, пекарь, снова
Добрых, светлых дней —
Сладких пряников медовых
В форме голубей,
Где все живы, все здоровы,
Где наш старый двор,
Где гитары бестолковый
Слышен перебор.
В форму круглую ты тесто,
Пекарь, заливай.
Испеки мне год чудесный —
Сдобный каравай —
Где беспечны, точно дети,
Все мои друзья..
И счастливей всех на свете
Где с тобою я.

ДРУЗЬЯМ

Мои друзья. Серьёзные. Смешные.
Мои друзья, недобрые-незлые —
Где вы сейчас, невзгод моих начало?
С кем вы теперь, мои друзья-враги?
Эк, по свету нас с вами разбросало.
Узнать при встрече — Боже, помоги.

На сердце — влёт — ещё одна снежинка.
Что не вернуть — не стоит догонять.

Душа — и не душа уже, а — льдинка.
Не смыть навета. Дружбы — не спаять.
Простить — при встрече — Боже, помоги...
Где вы теперь, мои друзья-враги?

* * *

Я устала невыносимо долго ждать.
Я устала на старых картах гадать.
Я устала от смеха, от тишины,
От звенящего эха, леденящей луны,
От сырых тротуаров, от пыльных дорог,
От чужих мемуаров, от рифмованных строк,
От всего, от чего только можно устать —
Ревновать, уповать, доверять, проклинать...
От самой даже мысли я устала — о том,
Что, быть может, когда-то мы будем вдвоём.

МОЯ ЛЮБОВЬ

Моя любовь. Не добрая. Не злая.
Не робкая, не смелая любовь.
Теперь — и не твоя, и не чужая.
Теперь — и не одна, и не с тобой.
Ты крепко держишь. От себя толкаешь.
Зовёшь и гонишь. Веселишь и злишь.
Ты знаешь всё — и ничего не знаешь.
Смертельно ранив — чудом, — исцелишь.
Правдивая,
Обманная,
Жестокая,
Гуманная,
Счастливая,
Несчастливая...
Скажи мне, что с тобой?
Моя слепая...
Зрячая...
Холодная...
Горячая...
Моя ты безответная —
Ответная —
ЛЮБОВЬ...

* * *

В этой осени — всё так же, как и в той.
В дальний путь отправился листок.
И кусочек неба голубой
Нам — как лета прошлого глоток.

* * *

В Киеве — вечер. Огни —
Точно церковные свечи.
Мы с тобою — одни.
Просто — в Киеве вечер.

* * *

Всё, что я смогла придумать,
Всё, чем я жила-дышала —
Забери с собой, на память,
Чтобы мне полегче стало.
Забери тетрадь, в которой
Я стихи тебе писала.
Забери конверты писем —
Тех, что я не отослала.
Исцели от лютой боли,
От сквозной — навывлет — раны.
Дверь захлопни за собою —
Точкой ярости чеканной.
Душу выряди в одежды —
Запахнись до самых глаз,
Уходи... Оставь надежду —
Всё вернуть, в последний раз.

* * *

Встретились с тобою — в сентябре.
И расстались мы — без сожаленья.
Я в тебя влюбилась в декабре —
Изживала, точно наважденье.
Только ты в меня влюбился — в мае.
Я тебя забыла, извини.
Что теперь нам делать — я не знаю.
Странная история любви.

* * *

Люби меня. Такую. Всю из ветра.
Из шелухи картофельной. Цветов.
Из облаков развеянного пепла
Сожжѐнных мною писем и мостов.
Люби меня. Такую. Из рассветов.
Из апельсинок. Из немых обид.
Из грустных песен. Из чужих обетов.
Из женского: «Согрей, меня знобит»
Из усталости вчерашней. Из тревоги.
Из самой грубой нити свитеров.
Из каждодневной брэнности дороги.
Из вечно набок сбитых каблучков.
Люби меня. Такую. Из невзгод
Твоих. Из слов твоих. Твоих желаний.
Твоих проблем. Твоих воспоминаний.
На долю — из тебя... такую вот...
Люби меня.

* * *

Нет, не безумны безумцы.
Разве нормальны — нормальные.
Правды не скажут правдивые.
Ложью лжецы не сомнут...

Я видела алый парусник!
Молитвою милость вымолить
Немой сумеет ли глас?
Без голоса слово вымолвить
И — просто — увидеть без глаз...
я ВИДЕЛА алый парусник!
Синее в синь не засинилось.
Белое — не забелело.
Мне это — не снилось, не снилось...
Я знаю, ЧТО там алело!
я видела АЛЫЙ парусник!
Щедрые ныне — без щедрости.
Злее — стократ — скупые.
Нежность — приелась без нежности.
И — не роднее родные...
я видела алый ПАРУСНИК!
Бесконечное — в бесконечность
Канет. Тающее — не тает.
Завещана вечном — вечность.
Светлеющее светает...
Я видела алый парусник!
я ВИДЕЛА алый парусник!
я видела АЛЫЙ парусник!
я видела алый ПАРУСНИК!
Как память без памяти мечется,
Любовь без любви — залюбилась.
Калека — не покалечится.
Забываемое — не забылось...
Я ВИДЕЛА АЛЫЙ ПАРУСНИК!

* * *

Я не думаю ничего.
Я не думаю ни о чём.
Я не думаю о тебе,
Когда думать уже — не в силах.
Я не плачу по вечерам.
Я не плачу по пустякам.
Я не плачу из-за тебя,
Когда ни слезинки — нет.
Я не вижу снов ни о чём.
Я не вижу во сне никого.
Я не вижу тебя во сне,
Когда устаю от снов.
Я мечтаю о чём-то таком...
Не мечтаю я о другом...
Я умею красиво мечтать...
Да. Умею мечтать красиво.

* * *

Две гадалки нагадали
Мне про двух парней.
Первый — не судьба, сказали
(Знать — не быть твоей).
А второй — вернётся завтра

(Ты его ведь ждёшь?)...
Про тебя — всё вышло правда.
Про него — всё ложь.

* * *

Бессмысленно-бессмысленно
По улице бессмысленной
Плелась себе Бессмыслица
С бессмысленным лицом.
Слепая БЕЗЫСХОДНОСТЬ
На плоском крокодиле
Сидела безысходно
И ела апельсин.
У белого окошка
О чём-то загрустила
Угрюмая горилла...
Такой — бывает ГРУСТЬ?
И так необходима
Была НЕОБХОДИМОСТЬ,
Но... ей необходимо
Шмыгнуть в другую дверь.
Бежала НЕИЗБЕЖНОСТЬ,
И просто неизбежно
Она упала в лужу,
Где отразились звёзды.
Посредственно-небрежно —
С НЕБРЕЖНОСТЬЮ коричневой
ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ зелёная
Мотали головами.
БЕСПЕЧНОСТЬ беззаботная —
На стареньком трамвайчике —
Беспечно напевала
О беззаботных днях.

* * *

Мой милый, мой далёкий, мой любимый —
Не нужно слов изысканной печали.
Ты утверждал, что ты — незаменимый?
Я ж — поменяла бюст на пьедестале.
Незаменимых — нет. Наступит осень...
Клин журавлей — воспоминаний нить...
Увидишь, нас — опять друг к другу бросит.
Меня — никтоне в силах заменить.

* * *

В этом мире лицемеров
Я — такой же лицемер.
Улыбаюсь. Отрекаюсь...
Ты доволен, Люцифер?

* * *

Нет правды одной на всех.
У каждого — свои: мера,
Оценка, подход, манера...
Особый — свой — взгляд на грех.
Кому-то — «за око — око».
Кому-то — «подставь щеку».
И что для тебя жестоко,
Соседу — инжир в соку.
Под солнцем двух сходных мнений,
Пожалуй, что — не сыскать.
А значит, от столкновений
Себя — не застраховать.
Гармония — горький миф ты.
Иллюзия — Век Златой.
Нет правды на всех одной...
Как нет и единой кривды.

АРИЯ ПЕЧОРИНА

Оградите меня от пустых своих глаз.
От шлифованных лбов — ни морщины.
От лоснящихся губ. От улыбок-гримас —
Вариаций к портрету кретина.
Оградите меня от пустых своих мод —
Куафюры, духов, макияжа,
Чьим посредством пустой, приземлённый урод
Выставляет себя на продажу.
Оградите меня от пустых своих слов,
Истории пустых обещаний,
Дифирамбо и од погребальных венков,
Панихиды пустых нареканий.
Оградите меня от пустых своих нот,
От законов пустых и теорий —
От всего, что учения све низведёт
До известных всем фраз на заборе.
Оградите меня от пустых своих душ,
Показной добродетели пылкой,
Что идёт по копейке — ведро, и к тому ж
Для бахвальства пустого — подстилка.

* * *

Мы сами себе — тюрьма.
И пекло — себе мы сами,
Стахановцы от ярма
С обглоданными мозгами.
Мы сами возводим стены.
Мы ладим решётки — сами.
Мы двери своей системы
Своими снастим замками.

А после — собственноручно
(На кой — и не представляем) —
Себя ж запираем на ключ мы,
И — камеры обживаем.
Чтоб продыху хоть немного —
Мы Бога себе создали,
Хорошего, доброго Бога,
И... сами ж Его распяли.
Простили себя — под праздник
(Коль сами себе — указ),
Но — эхом той, давней, казни, —
Проклятье на всех на нас.
Чернобыль — себе мы сами.
И сами же — Колыма...
С залитыми век шарами...
С крупницей — на круг — ума...
Однажды все выйдем строем
(Отары инстинкт — незыблем),
Могилок себе — нароем,
И сами себя — засыплем.

ОБЫВАТЕЛЬ

Право, я ль в чём виноват? Я ль — лукавому собрат?
Я ль какой бесстрашный кат — зла старатель?
Я ль не ведал свой шесток? Я ли не лизал сапог...
Безобидный холуёк — обыватель?
Разве я — кому чего? Или я — когда кого?
Век держался одного — «с краю хата».
За Распятьем наблюдал из толпы, и — пусть молчал —
Мыслью всё же проклинал пса-Пилата.
У священных у костров — не клеймил еретиков,
Потрясателей основ... Аве, Жанна...
Под татарами пахал, и на немца — план давал.
Полицаев продавал партизанам.
Я поддерживаю всех. А в особенности — тех,
Чей на выборах успех сверен с планом.
И за лишний четвертак — что ни лозунг, что ни стяг, —
Всё приму, чеканя шаг по «майданам».
Право, я ль в чём виноват? Я ль лукавому собрат?
Я ль какой бесстрашный кат — зла старатель?
Я ль не ведал свой шесток? Я ли не лизал сапог...
Безобидный куркулёк — обыватель?

* * *

Потому, что пришлось. Потому, что не смог.
Потому, что впилось Время — чёрный бульдог.
Потому, что из жил — только рабства настой,
Даже если бы вскрыл. Потому, что — изгой.
Потому, что молчал. Потому, что не смел.
Не пылал. Не мечтал. И — гляди — уцелел.
Потому, что не сват и не кум королю.
Потому... что богат только тем, что люблю.

МАРГАРИТЕ

Обещал, помню, ангел мой,
Одарить тебя — с небосклона,
В нарушение всех законов,
Свежесорванною звездой.
Обещал, но... ни дать, ни взять,
Торжеством роковых традиций —
Даже в меру своих амбиций —
Откровенно боюсь летать.
Обещался со дна достать —
Королеву среди жемчужин
(Что той самой звезды не хуже,
Если их и сопоставлять).
И с тех пор — что ни день — в укор
Сей обет мне, в горячке данный...
Океан мой — в пределах ванной,
Ибо плаваю — как топор.
В щедром рвении предрекал
Исполнение всех желаний,
Ангел мой, но... из обещаний —
Ни единого не сдержал.
Добрый Боже, благослови
Той терпение золотое,
Что... пусть даже трепло такое —
Не лишает своей любви.

* * *

Как быстро всё. За осень — зима.
За далью — даль. Разлука — за разлукой.
За томною, изысканною мукой
Последнего луча — в полмира ТЬМА.
И снова — СВЕТ. На бег чередованье
Со мглою дня срывается. Порой
С косою Гостьи — в шаге, за спиной, —
Уж ощущаешь рваное дыханье.

* * *

Баюшки-баю, маленький барин.
Шалостям — точка. Глазкам — покой.
Уж за окошком — ночка в разгаре...
Баюшки-баю, ласковый мой.
Бают, голуба, баюшки-баю,
О диво-дубе. Коль не обман,
Вкруг того дуба — цепь золотая,
По цепи бродит — кот-горлопан.
Тут же — оравой — лешие бьются
Из-за русалок Моря Луки.
Девки ж — вертлявы, только смеются,
А чуть до дела — зась, мужики.
Месяц — оглодок лунной ватрушки.
Звёзды-подружки — кушают чай.
Их развлекая — бьёт в колотушку
Сторож, клеймённый в бунт Пугача.

А у кружала — Тимка Жестовский,
Слышь, неурочным кочетом взвыл?
Залил моргалы, вор кистенёвский...
Больно хозяин их распустил.
Баюшки-баю, ныне — на славу
Выйдет денёчек, вот поглядишь.
Баюшки-баю, чёртик кудрявый...
Ляксан Сергеич... что ж ты не спишь?

* * *

Черпаем из Пушкина. Плагиат — не лень.
И цена — полушка нам всем в базарный день.

* * *

Не сыскать увечья гаже в рабстве нажитых седин.
И печальнее пейзажа — череды согбенных спин.

ВАРЛАМУ ШАЛАМОВУ

По пересылкам сучьего века —
Нож заправилой. Пастырем — ложь.
Не растеряй в себе человека.
После — по крохам — не подберёшь.
Всем — активировка за Стикс за реку.
Рокот ли лести, злобы ли лай —
Тепли лампадкою человека
В сердце. Как искорку — раздувай.
Помни одно... в варягах ли, в греках,
Всем — поголовно — не угодить.
Век же водой пусть вас с человеком —
Тем, что внутри окреп, — не разлить.

АРИЯ ВЛАДИМИРА ЗОЗУЛИ

Когда-нибудь я точно — поумнею.
И чётко разграничу — что-почём.
Стишки крапать начальству — к юбилеям —
Обвыкнусь. Бить ничтожеству челом.
Капризам моды следовать мастито.
Покаявшись — грешить. На воду дуть.
Вертеться под ногами фаворита,
Горя надеждой ручку лобызнуть...
И прочая, и прочая, и прочая —
Согласно списка, но... пока не срок,
Моё вам всем — «с прибором» — многоточие.
Конкретнее? Извольте... Между строк.
Когда-нибудь я точно обучусь
От выгоды своей не отречься.
До самых недр сплетни вознесусь.
Моралью перестану обольщаться.

Уверовав в святое «наплевать» —
К чему стесняться в средствах, в вариантах?
Коллег поважусь с мусором мешать,
Твердя взамен о собственных талантах...
И прочая, и прочая, и прочая —
Согласно списка, но... пока не срок,
Моё вам всем — «с прибором» — многоточие.
Моё, не обессудьте, «между строк».

ТИХИЙ ДОН

Поступь татева у предрассветья.
Коротка ночь. И короток сон,
Вмиг сравнявший всех, как перед смертью —
Ни чинов, ни знамён, ни имён.
Догудели, довыли застоля
У вернувшихся. В жажде вестей —
Ощетинились чёрною болью
Окна-взгляды пустых куреней.
Кособоко почила церквушка,
Обращённая в склад — скоро год.
Ныне редко, какая старушка —
Второпях, озираясь, кладёт
Робкий крест на отжившие стены:
«Обанчихристились, всех вас чтоб...»
На подпитии — храпозабвенно —
Давит ухо отрёкшийся поп.
За околицей же, у кургана —
Вне надежды увидеть восход,
Гангренозною спёкшийся раной, —
Спят хорунжий да весь его взвод.

Правде с правдой — едва ли ужиться
Под единой звездой. И вот...
Правда правду — взяла в оборот.
Обессилевши, дремлет станица.

* * *

Изнутри жалят мысли, как пчелы,
Погибают, родившись едва.
Это виделось чем-то веселым,
Выяснять, кто виновен, кто прав.
Ну а как всем известно прекрасно,
Тот, кто ищет, когда-то найдёт.
Разойдутся по берегам разным —
Не доплыть и не перейти вброд.
Ночь светла, она будто впитала
Мягкий свет обновленной луны.
Может, нам тоже стоит сначала
Счет игры навсегда обнулить?
Ум и сердце не будут согреты
Фейерверком победным игры.
Золотые, казалось, монеты
Превратятся потом в черепки.
И волна небу кажется близкой,
Еще чуть — и коснется светил!
Но потом — разбивается в брызги
Об упрямую твердость скалы...
Светом солнца, холодным и зимним,
Ослепит самолюбия зов.
Ведь не зря говорят, что гордыня —
Неизменная мать грехов.

* * *

Не надо слез, не надо вздохов.
Похорони свою печаль.
Будто случилась жизнь с наскока,
Как между прочим, невзначай.
Случайно все, и я случайна
В твоей изменчивой судьбе.
Прекрасно то, что стало явно
Без клятв и плясок на воде.
Зачем невольно делать больно
Тому, кто раненый, без сил?
Ты сам пластмассовой короной
Меня со страстью наградил.
Была ли королева голой,
Да и вообще, она была ль?
Боюсь, что этою короной
Сниму себе когда-то скальп.

* * *

Мы все надщербленны судьбой,
Не потому ли так отчаянно
Желаем выдать за любовь
Свои тревожные скитания?

Стремимся сколами совпасть.
Часами, днями и неделями
Искать маяк знакомых глаз
Того, с кем слепим что-то целое.
Свободу дать своим телам,
Как будто близит тел сплетение.
Но если сам не строил храм,
В чужом не обретешь спасение.

* * *

Не изменю своей природе.
Я обманувшись обману.
И покушусь на ложку меда,
В бочонке дёгтя утонув.
Противоречия победа.
В погоне-бегстве от себя
Меня влечет полетом небо,
Покоем манит глубина.
Закончить эти разговоры,
Прогулки в угол из угла.
Купить билет, на север, в горы,
Где только снег и тишина.
Без страха слушать свои мысли,
Не заглушая их толпой,
И в начертаньях этих смыслов
Себя почувствовать собой.
Очнись, и новыми стихами
Пролью мечты на гладь листа.
И, будто капсулу на память,
Запрячу в ящике стола.
Наткнувшись случайно, изливанья
Хлестнут по сердцу, словно плеть.
Подобно смерти опозданье,
Когда боишься не успеть.
Запрыгнуть на качели мне бы,
Хоть и болтаются, скрипя.
Меня ж влечет полетом небо,
Покоем манит глубина.

* * *

Добро и зло как братья близнецы:
И вроде бы отличны, и похожи.
Так временами сложно различить,
Ну а порою — вовсе невозможно.
Их родственные узы как гранит.
Годами высекается неспешно
Зеркальная броня могильных плит
Для чьей-то веры и слепой надежды.
На первый взгляд, абсурдное родство
Природно в срезе целых поколений.
В крови и плоти, и в душе людской,
В желаниях, пороках и стремленьях.
Вот потому, как в сказке, не дано
Нам всем раздать пожизненные роли.
Любой злодей способен на добро,
А благодетель — совершить плохое.

* * *

Выпрямись во весь рост!
Смейся, когда хочется плакать!
Ты сила, кремень, мощь,
Стойкий оловянный солдатик!
Все чаще гаснет запал.
Ломит спину и сводит скулы.
Понимаешь — смертельно устал
От почетного караула.
В пустотелости съемных квартир
Тишина разливается звонко.
Эхом правды
опять
раздается внутри
Плач обиженного ребёнка.
Расскажи сказку на ночь ему,
Что общителен, бодр и весел.
Воя волком больным на луну,
Напоешь колыбельные песни.
Спозаранку уставший встаёшь,
Надеваешь мундирчик помятый.
Ты ведь сила,
Кремень
Мощь.
Стойкий оловянный солдатик.

* * *

И черт с тобой.
Таких кругом немало.
Гуляй, как ветер: вольный и ничей.
И черт с тобой.
Ты думаешь, я стала лить слезы безутешно?
Сам их лей.
Ах это напускное равнодушие
И колкости продуманных речей!
Ты поневоле становился душным
От уязвленной гордости своей.
И черт с тобой, езжай в чужие степи,
Назойливые думы прогони.
Пускай другие на ночлег постелят
На беззаботном ветренном пути.
В жизнь заглянул ко мне внезапным гостем.
Благодарю, что вовремя ушел.
Зачем ты врешь, что будто бы обжегся
Об отсыревший гаснущий костер?
И черт со мной, и Бог, наверно, с вами.
Я не прощала, может, он простит.
Тепла и крова, почвы под ногами
На бесконечном ветренном пути.

* * *

Чого мені вартує кома
І нескінченні балачки...
Від зайвих слів пекуча втома
Розлилась мірно по душі.
Що значить слово? Кілька звуків,
Повітря трепіт, і всього.
Вони віщають нам розлуку
Та шрам довіку на чоло.
Була як вітер — ти не вгнався.
Свічою танула в руках.
Як небо, маревом сріблястим
Вночі являлася у снах.
Як тільки вмiла, зігрiвала,
А ненароком обпекла.
Мого пекельного запалу
Не зміг утримати в руках.
То прощавай, колись коханий,
Моєму серцю дорогий.
Далекі відстані між нами
Навіки вічні пролягли.
Моїм не став і вже не будеш.
На щастя, може, на біду.
То обійдемося без бруду,
Перериваючи цю гру.
Я гордовита — добре знаєш,
мене такою полюбив.
Можливо, згодом, відшукаєш
Моє «спасибі» між рядків.

* * *

Молчи,
раз сказати нечего.
Не гляди,
раз смотреть больно.
То, что белым когда-то мечено,
В итоге окажется чёрным.
На ветрах перемен мы доверчивы.
На злобу дня ищем приметы,
Что раны будут излечены,
А печали уйдут и поблекнут.
Эти мудрости кажутся лестными.
Я совру себе снова любезно.
Я сама себе — царство небесное
И, как водится, адская бездна.

* * *

Ты будешь спать сном младенца,
Припавшего к груди матери,
Под размеренный стук сердца.
На предсознания голой скатерти
Ты увидишь мой образ, вышитый
Страсти цветастыми нитями.

Будешь клясться всеми известными тебе молитвами,
Что здесь, в предрассветном дреме,
Моя улыбка тебе почудилась.
И сладкая нега истомы,
Вспыхнув кометой, обуглилась.
Что запах моих волос
Тебе на недолгую радость
Издевательски ветер принёс,
Задержавшись на самую малость.
Не спеши записываться в безумцы,
Выдавать желаемое за полный бред.
Это я, ныряя в рассвет,
Передать тебе с солнцем «привет»,
В безмятежие сна приходила.

* * *

Зачем тебе знать, чем сердце согрето?
Зачем тебе знать, чем оно больно?
Как жаль, не могу закурить сигарету,
Чтоб было точь-в-точь как в дешёвом кино.
Как жаль, не могу опрокинуть бокальчик.
А быть виноватой без ста грамм вина
Невесело как-то... Любимый мой мальчик,
Оставим всю пошлость и стыд на вчера.
Давай будем честными, мы понимали,
Что кинуто нами небрежно на кон,
Когда сквозь сомнения пересекали
Одним только шагом большой Рубикон.
Давай будем смелыми, эта сюита
Своё отыграла, умолк музыкант.
И мрамор в вине у вазы разбитой,
И тьма загустила ленивый закат.
Не мучай себя, уходи, я останусь.
Ты можешь забыться, а я не смогла.
Раз я виновата, то в этом покаюсь,
Хотя ничего от тебя не ждала.

* * *

Слова рассыпались, словно бусы.
Ты небрежно оборвал нить.
Внутри все сжалось в гордиев узел,
Но я смогу его разрубить.
Ты чувствовал, как содрогалось
Сердце, сквозь тонкую ткань.
И тогда ещё проще казалось
Перейти незаметную грань.
Если ты уже мною не болен,
То не дай мне тобой заболеть.
В моей жизни достаточно боли,
Чтоб ее разучиться терпеть.
Потому не волнуй мою душу,
Если к ней тебе дела и нет.
Потому, если ты равнодушен,
Не тревожь эти чувства из недр.

* * *

Грубость не спрячет тоску.
Злоба висит у виска наганом.
Ты бросаешься рьяно,
Выгрызаешь лоскут
Моей кожи,
Чтоб скрыть свои раны.
Здесь — кусок, там — клочок,
Лоскуток к лоскутку.
И пока не слипаются веки
Из обрезков чужого сшиваешь костюм
Настоящего человека.
Больным грезам своим
Даже веришь уже,
Маскируя когти под пальцы.
Так хотелось понять, каково
БЫТЬ
ЖИВЫМ,
А не проклятым самозванцем.
Не клыки и не когти
Всегда выдают
Волчару в шкуре овечьей.
У каждого в взгляде — звериный испуг,
А страх — оставляет насечки.
И ненависть с новыми силами рвет,
И сверлит отчаянье буром.
Ты будто рептилия, за годом год
Сбрасываешь шкуру.
И внешне все будто случайно, легко...
От себя ничего не укроешь.
Таков уж закон: из того, что мертво,
Никогда не родится живое.

* * *

Мне мой город вдруг стал мал,
И квартира будто бы клеть.
Я в улыбке вижу оскал,
В занесённой руке — плеть.
И списать на погоду бы всё,
Гадкий кофе, бессонницу, грипп.
Только будто чужое лицо
Открывает мне зеркала вид.
Мне родная страна, как тюрьма,
Из которой смертелен побег.
Расфасуют в пакеты дерьма,
Продавая в обёртке конфет,
А ты будь патриотом и жри,
Запивая прокисшим вином.
А не хочешь — так с голоду мри.
Может, «Мученик!» — скажут потом.

ОБЫКНОВЕННО

Забудь... Я новым неровным почерком
Разрисую страницу.
Закончу прочерком
В графе «Счастлива».
Ты глядишь участливо,

А я...отказываюсь верить,
Что одним поцелуем можно измерить
Всю боль и тоску,
Что поцелуй бывает груб,
Что можно У-БИТЬ касанием губ.

Ты знаешь, эта неделя наперекосяк.
Что не сделаю шаг —
То в дверной косяк
Рубанусь лбом.
Будто это не мой дом!
Будто это — чужие стены,
А терять в них надежду — О-БЫК-НО-ВЕН-НО...

* * *

Вечер дышит любовной тоской,
Оставь настезь открытыми двери.
Притворись, что ты будто бы мой,
А я сделаю вид, что поверю.
Не цепляйся за мысли, слова.
Не из тех я, кто ищет опеки.
Все пройдет очень быстро, когда
Сон застелет уставшие веки.
Не смотри мне с упреком в глаза.
Я проклятье тебе, не мессия.
Да, я дева, но я не свята,
Хоть и имя святое «Мария».
Мы друг другу приходимся всем
И никем в то же время по сути.
Жар объятий и сладостный плен...
Так друг друга спасаем от скуки.

* * *

Це не мене
Підігривай мене,
підігривай
у ложечці
та вводь собі послідовно дрібними дозами
Я в тобі [забракована/закарбована] пережитими разом грозами
Я десь в твоїй системі координат
на перетині ікса та ігрику
граю в свою бульварну лірику
та виростаючи із ноля
прагну до плюс бескінечності,
унікаючи будь-якої доречності
Видихай мене,
немов уві сні

торкайся
Завдавай мені болю
до крові
та не покайся
Розіпни мене на хресті безсилої злости
Щоб опісля омита сльозами своєї любові.

ЗВУКИ ИЗ ГОЛОВЫ

Я лежу на ложе Прокруста
с отрубленной головой,
я сжимаю пальцы до хруста
и смотрю с подавленной грустью
на свой новый тела покррой.
Я — посредственность.
Я — заурядность.
Не из тех, кто стреляет в упор.
И под жизни убогую праздность
Для других наточу я топор.

О себе: «Я — Маша. Люблю поэзию, люблю свою работу и семью, люблю жизнь. А когда я люблю — я пишу. Если вдруг захотите что-то сказать мне после прочтения стихов, то @stefaniukmaria».

Мария СТЕФАНЮК — победитель фестиваля «АВАЛГАРД», в твореском дуэте с Робертом Кривошеевым, прошедшим в Киеве 15 марта 2020 года (в рамках проекта «Любовь спасет мир». Организаторы — лит. объединение «АВАЛ», Евгения Бильченко и Олегом Никоф)

БИБЛИОТЕКА

— Девушка, скажите, пожалуйста, у вас есть Ненаписанная Книга? — В ответ недоуменное молчание, шелест внутренних каталогов и судорожные попытки вспомнить школьную программу за пятый класс.

— А кто написал? Сейчас в базе посмотрю, — литературовед свернула вкладку на экране и, выставив указательный палец, приготовилась стенографировать. — Говорите.

— Ненаписанная Книга, Неизданного Автора.

— Не-из-да..., — поиск букв и клацанье клавиатуры прервалось возмущенным:

— Вы что, издеваетесь?! Мне, по Вашему, заняться больше нечем?! — И несостоявшийся лауреат Пулитцеровской премии, поджав губки, вернулась к своим интернет-хлопотам.

* * *

Я полюбил книги с детства. Когда грудное молоко сменилось на ситро «Буратино», а руки матери — на отцовский ремень. Примерно в это время. Образ вечернего отца в потертом сером кресле «да-здравствует-советский-союз» с журналами «Всесвіт» и последующий пересказ прочитанного бутербродно-чайным утром. Школьный список книг на лето. Приключения Шерлока Холмса (когда вырасту, тоже буду искать преступников). Таинственный капитан Немо с не менее таинственным островом (когда вырасту, стану океанологом). Пьер и Наташа, Родион и князь Мышкин (для тех, кто хочет вырасти). И никому не известный Ричард Бахман со своим «Бегущим человеком» — моя первая любовь к Стивену Кингу (когда вырасту, стану писателем).

Когда же и я отведал плод от древа познания («Столичную» из дедовских запасов перед школьной дискотеккой), мне открылись двери научной библиотеки.

Просторные залы с высокими потолками, затертым скрипящим паркетом и огромными окнами, заклеенными на зиму газетой «Правда». За столами — важные книжные черви. В совиных очках — для мудрости и карандашом за ухом — для «записать». Летом они занимали места у окон, зимой — у чугунных радиаторов. На первых рядах, ближе к барной (в смысле — книжной) стойке, сидели личинки — будущие черви. Они настороженно глядели по сторонам, вдыхали незнакомый воздух, издавали непонятные звуки, открывая очередную цветную иллюстрацию, или просто тыкали пальцами при виде появившихся личинок в коротких юбках или леггинсах.

Я, имея за плечами солидный опыт прочитанных «Пионеров-героев» и недочитанной «Каштанки», гордо ходил по залам, как на родных смотрел на червей, и презрительно отворачивался от личинок. Много книг прошли здесь через мои руки. Некоторые я даже прочитал.

Разные книги с разными историями. Но неизбежно одинаковым окончанием. Точкой. Ну, я бы еще согласился с многоточием. Но только не этот приговор, не это отсутствие перспектив и шансов на будущее, не эта маленькая трусость. Точка лишает свободы. Делает рабом предложенного, узником поставленных кем-то рамок, несчастным, у которого украли возможность выбирать.

Ух, что это я. Да, разные книги. Толстые и тонкие, интересные и скучные, для мужчин и для женщин...

Есть книги-бестселлеры. Одни из них на начальном этапе пользуются диким спросом и популярностью. Блестящая обложка, спец-выпуски новостей с ее рекламой, международные и межгалактические шоу с приглашениями звезд, шампанское и фейерверки для ценителей, бесплатные булочки и куриные кубики для все еще верящих. Но на поверку оказывается, что содержимое не подвергалось корректуре, и описанная в ней через Ы «жизнь» считается нормой. Такие книги на пике славы от силы лет пять. Максимум — десять, когда их оставляют на второй срок. И их успех напрямую зависит от популярности в серых массах зеленого цвета. Другие же — похожи на бесконечно го-

рящую свечу. Однажды зажженную и непрерывно дающую ровный, тихий, приятный свет. И всегда найдется тот, кто захочет согреться теплом такой свечи.

Есть книги стихов. В них собрана музыка слов, некий танец. Вальс или мазурка, хип-хоп или топтание-на-месте. Не каждому придется по вкусу марсианский воздух, не каждый поймет, о чем боль поэта.

Есть книги приключений и книги фантастические. Их объединяет нереализованное желание быть. Быть отважным, чтобы навалить какому-то придурку. Путешествовать во времени, чтобы хоть где-то, хоть что-то увидеть. Быть кем-то понятым. Потому как себя понять уже не в силах.

И есть ненаписанные книги. Их больше всего. В них много страниц: заполненных событиями и перечеркнутых, заключенных в рамочку или измазанных и смятых, но еще больше — абсолютно чистых. Они — о страхах и боли, о предательстве и лжи, о потерях и расставаниях, о проигрышах и ошибках. Они — о мужестве и самопожертвовании, о радуге после дождя и утренних лучах после ночной слепоты, о бескорыстной дружбе и доверии. Они — о дыхании, о регулярных вдохах и выдохах. И еще — в них нет точек.

Я смотрю на одну такую — она о падении с высоты. С большой. Другой и не встал бы уже. А здесь... Многоточие. Еще не дописано.

Или вот. О рождении. Или смерти? Одни ждали мальчика, другие — нового человека, третьи — «а может зажжем сегодня?» Непонятно. Никто не понимает. Тоже — без точки, с правом на ошибку.

Вот здесь интересно! О любви? Нет, к любви сейчас, увы, теряют интерес, живут всухомятку, с ускорением, страдая от шейного остеохондроза. Здесь о выборе — одного из двух ошибочных, о точке невозврата, о взгляде вверх, о вздохах, мольбах, усталости... Вчера просматривал, выбор еще не сделан — пустая страница...

Так много книг. У каждой своя история. Свое начало и своя омега.

Приходит время, и книги забирают. То ли написанное в них, для кого-то, утрачивает ценность, то ли процент потрепанности превышает допустимую норму и не с пребыванием в библиотеке. Причина до конца не известна. Случается, они возвращаются, в несколько измененном варианте, как продолжение, ремейк. Но чаще — о них забывают...

* * *

— Девушка, у вас есть Ненаписанная Книга?..

ХРОНИКИ УСТАВШЕГО ГОРОДА. О.

Я всю жизнь думал, что одиночество — это такой не совсем обычный подарок, оставленный под новогодней елкой. Не радиоуправляемый вездеход, ломающийся через тридцать минут после распаковки. И не коробка «птичьего молока», съедаемая еще до того, как пробьют Спасские куранты. Это нечто в черном футляре, предназначенное кому угодно, только не мне. Нечто неприметное, лежащее в самом углу. То, чему я, вместо конфет и игрушек, отдал предпочтение.

И теперь я ношу с этим подарком, пытаюсь найти его истинного владельца.

«Эй! кто потерял одиночество? Кому нужно одиночество?!»

Иду по глухонемому мегаполису. Среди афиш, обещающих черно-белой кириллицей цветную заморскую жизнь. Мимо бетонных высоток. Там в своих дорогих квартирах с вай-фаем и видом на вечерний смог запираются свободные бедные люди. Сквозь ряды и шеренги жизнерадостных гомосапиенсов с глазами, наполненными «лайками» и «дизлайками». Натираю китайскими подошвами пенопластовый тротуар-однодневку. В звуках интеллектуальной попсы силуюсь разобрать ответы Николаю Чернышевскому и Генрику Сенкевичу.

«Эй! Чье это? Друг, это ты обронил?»

Вечером я захожу в вип-чайную. Покупаю чашку пакетированного «Липтона» по цене яхты Томаса Липтона и кусочек грушевого штруделя с консервированными яблоками. Сажусь в углу за лакированный стол из элитного красного ДСП. И наблюдаю, как мимо меня, сутулясь, проходит еще один день моей жизни.

За дальним столиком, на диванчиках из крокодиловой кожи «мэйд-ин-чина» сидят трое. Парень и две девушки. Вероятно, студенты: у каждого ноуты вместо конспектов, и е-буки вместо букварей.

Силиконовые адепты «Максфактор» и «Лореаль» ведут состязание, угадывая объем и содержимое портмоне короткостриженого атлета. Тысяча или две? Доллары или евро? Приз — шанс получить золотую клетку в элитной бетонной свече с видом на нефтяные пятна в полиэтиленовом заливе.

Литровый «Джек Дэниелс», лайт-кола и мятный кальян. Шепот слева, смех справа. Поглаживание. Прижимание. Пьяная похоть по бокам. Нежелание и безысходность в центре...

И тут он увидел меня.

Что-то новогоднее блеснуло в его глазах. Он отодвинул соревнующихся, встал и подошел ко мне.

«Здравствуйте. Простите, Вы случайно не находили мое одиночество?»

Александр Трегубов родился 10 декабря 1979 году в г. Сумы.

Учился в школе №2.

В 2003 году окончил Сумской филиал Харьковского Национального университета внутренних дел. Работаю юристом.

С детства хотел стать писателем. Но стихи и прозу начал писать лишь с 2016 года. Печатался в литературном журнале «Лава» в 2018 г.

К неведомым мирам

*Космос лучше всего исследован
научными фантастами.*

ЛИГА. ПЛАНЕТА СТРАХОВ

Глава первая. Пауки в банке

Полет длился не долго. Имеется ввиду от базы Дельта 21 до цели. А так мы летели 4 месяца, от Земли до безымянной планеты номер 31/34. Когда я увидел её в иллюминатор, то она показалась мне удивительно красивой, мягкая пастель серебристого горизонта, не резкие горизонты высоких гор и полукруглые впадины, как поле для гольфа.

Всем понравилась: мне, капитану, штурману, пилотам и бурильщикам. Не понравилась она только одному члену команды. Медику. Да, вообще-то, это — Она. Имя у неё не такое, как у всех нас — Лига. Вот я — Жиглов Сергей Васильевич. А она — Лига.

Лига смотрела из-под полуопущенных век: на нас, на технику, и на саму планету. Но дело своё делала и в основном молчала. Ещё до вылета нас предупредили, что она — не только медик, но ещё и штатный телепат нашей команды и способна, убить нас не моргнув глазом. Мы в большинстве не поверили.

Лига ничего о себе не рассказывала, только внимательно читала отчеты разведчиков. Мы ведь летели организовывать колонию на ту планету. Колонию России на одной из богатейших планет сектора! Капитан сказал, что каждый может предложить имя для планеты. Потом будет голосование.

Мы оживленно обсуждали, как назвать планету, Только Лига участия не принимала. Когда я, как заводила в компании, пользуясь отсутствием капитана, спросил у Лиги, как она хотела бы назвать планету, она слегка раздвинула веки и угостила меня хищным взглядом чёрных очей:

— Морок ... — Едва ли не в третий раз она что-то сказала. Признаться, мне стало страшно. Но ребятам я этого не показал. Телепаты далеки от нас. Они иначе учатся, иначе живут. Мне её не понять. А Лига очень идёт к этой планете. Такая же холодно серебристая кожа, как пески планеты, такие же чёрные волосы, как небеса над планетой. Они всегда черны, даже днём.

С телепаткой общался только я один. Остальные, попытав счастья разок другой, (всё же одна единственная женщина в команде), держались от Лиги подальше. Лига в ответ пару раз указывала на шуточки команды, еле заметно, ненавязчиво. Но, если уметь заметить, то не было конфуза.

В команде я был техник. Только закончил учёбу, первое назначение, жертва насмешек и издевательств матёрых космических волков. Лига летала видимо не один раз, но, сколько и куда — не рассказывала и тем более не хвастала. Только очень часто повторяла слово «Морок». В самых разных контекстах.

Вот и сидели мы, как пауки в банке я, Лига, Сапфир и Максим — пилоты, капитан Аничкин, штурман Бизе (это его фамилия), бурильщики — Сивый и Орел. Лига читает толстый талмуд, не знаю что это такое? На нас внимания — ноль.

— Так господа — подал голос, связист — получено разрешение на выход за пределы. — Связиста все звали Рыжий, он таковым и был. — Воздух чуть разрежен, сила тя-

готения выше земной на два деления. Прыгать на одной ножке не рекомендуют — все хмыкнули, естественно, кроме Лиги. Её ничего не радовало.

Собственно, мы так радовались потому что, когда построим базу и начнем добычу иридия, станем богатейшими людьми. Государство покупает, практически весь, добытый металл. Например, я сунулся в эту экспедицию исключительно, потому что иначе не добуду средств больше, чем на то, чтобы спиться в разливочных заведениях. Знаю, что Сапфир мечтал обеспечить свою любимую жену достаточным количеством рублей, чтобы купить шубку норковую, да в рестораны водить. Сивый молчал на эту тему, Орёл же собирался заплатить калым за хорошую невесту.

Бизе в очередной раз развёлся, и его жена обобрала его до ниточки. Аничкин был офицер, как и Сапфир и Макс. Но это не значило, что им не причитается доля. Они и связист Трушин собирались вообще перевезти свои семьи на базу. Офицером была и Лига. Ранг её я не знал, зачем полетела — не знаю, куда деньги хотела пустить — тоже не знаю. Предельно не разговорчивая была. Но в голову не лезла. Имеются в виду — её способности.

В отсеке царила темень и полнейший порядок, ни фотографии, ни картинки. Только табличка с её именем и аккуратно сложенная и упакованная койка. Она всё своё свободное время играла на ноутбуке в какую-то телепатическую игру. Всегда сидела к нам спиной и ни когда не открывала глаза широко. Комбинезон её был всегда чистый, чёрный со всеми нашивками. Не то, что я...

Мы радостно заулюлюкали, услышав новость. Многим, да, по-моему, всем, крайне надоело узкое пространство. Решено было устроить небольшую пирушку, Аничкин лично занялся приготовлением чего-то более ли менее из наших пайков. Я посмотрел на Лигу. Она отвернулась сразу.

Подумал. Какой она национальности? Потом сам отвернулся.

— Эй, Лига, а ты готовить не умеешь? — гикнул Орёл.

— Не умеет, она всё только телепатией делает — ответил ему Сивый, потому, что Лига проигнорировала его

— А трахается она тоже телепатически? — Мне вдруг стало очень стыдно за моих сородичей. Но Лиге было казалось — бы пополам. Она смотрела в иллюминатор и её белёсые губы еле заметно шевелились, как будто бы она повторяла одну и ту же мантру. Я ждал чего угодно, ждал, что она вздернет их за шкиберки, ударит о стены, опрокинет стулья под ними, так делали телепаты в книгах...

Но она лишь покривила белёсые губки и отвернулась совсем, уставилась в иллюминатор. Её губы продолжали шевелиться. Мне показалось, что она просто-напросто молилась.

Аничкин вернулся с блюдом, наполненным смесью из консервированных овощей: горошка, кукурузы и картошки в томате. Там ещё и тушенка плавала. Слюни у меня потекли сразу же. Капитан поставил блюдо и вежливо обратился к Лиге:

— Лига, садитесь обедать — все немного посторонились, когда она встала со своего наеста и переместилась к столу. Лига вяло ковырялась в своей миске и думала о чём-то своём. Под глазами у неё были заметные синие мешки.

Сивый с Орлом ещё и выпили.

Это закончилось плохо... Плохо для них. Оба бурильщика, пользуясь тем, что Аничкин и другие отдыхали, решили замолодить Лигу. Я понял их намерение, как только увидел мерзкий блеск в их глазах. Так же блестели их глаза, когда они мне портили технику. Только в этот раз я тоже думал, что они пойдут портить мне гидравлику. А вместо того, они пошли в каюту Лиги. Она, наверное, из гордости, никогда не запирала шлюз.

Я даже не успел зайти следом, когда сначала из каюты вышел Сивый. У него глаза смотрели в разные стороны. Шел он ломано, от точки до точки. Следом вывалился Орёл. У него из носа шла кровь, и он налетел на Сивого. Они дружно упали. Я всё же заглянул в каюту Лиги. Она сидела, впервые за всё время, лицом ко мне. Я даже поклонился ей:

— Я... простите... всё в порядке? — Я не мог ничего сказать толком, смутился.

— Всё так, как должно быть — на ней не было её комбинезона, вместо того была длинная туника из полупрозрачного материала, цвета лазури. Под низом — трико светлого-голубого тона и юбка до пола. Волосы были распущены и лежали на плечах. Бусы несколькими слоями, из самого разного материала... — Уходите...

— Я... простите, офицер...

— Морок придёт, берегите себя. — Я сам того не желая, сделал шаг назад и на автомате ушёл в свою каюту. Только там понял, что это Лига меня «отвела».

Глава вторая. Планета Страх

Планета приняла нас разреженной атмосферой, к которой было очень сложно придышаться, и удивительным безмолвием. Откуда здесь воздух? Тем более пригодный для дыхания? Ведь нет ни одного живого растения.

Что-то последнее время я слишком много думаю, слишком много размышляю. Это мне не свойственно. Я ведь техник, мы делаем только то, что рекомендовано инструкциями. Лига шла рядом. Её комбинезон, в который она переделалась на следующий же день после того случая, почти сливался с небом.

Орёл и Сивый шарахались от Лиги так, словно она собиралась их убить, или, по крайней мере, рассказать Аничкину про неуставное поведение. Остальные просто как всегда избегали встречаться с ней глазами или хотя бы смотреть в её сторону.

Мы принялись возводить временные жилища. В каждый такой домик селились по двое. Он больше напоминал уплотнённую палатку, чем дом. Но всё же, это лучше, чем каюта 2/2. Лига передвигала ящики с грузами при помощи телекинеза. Я завершил забивать колышки и теперь смотрел на неё. Нам вместе жить полагалось. Лига не прореагировала ни как. Теперь стояла и смотрела вдаль. Ящики передвигались сами, поднимались, летели и ложились внутри палатки.

А я так смутился. Я с трудом мог представить себе, возможность сидеть рядом и смотреть на неё. Если честно, то я думал, что Лига будет жить в одной палатке с Аничкиным.

Один — в мой отсек, ещё один. Через полчаса все ящики лежали по домикам, и большинство отправилось облагораживать свои «комнаты». Лига так и осталась стоять на гребне бархана. Она смотрела, из-под полуопущенных век, на горы.

— Красиво, находите? — Я бросил раскладывать фотографии на полке и вышел к ней.

— Что? — голос её был гулкий и грудной. Мне показалось, что она тоже задыхалась от нехватки кислорода.

— Планета. Как вы хотите её назвать? Сегодня голосование. — сказал я.

— Я вижу планету несколько иначе, чем вы. — в её голосе было немного сожаления и безразличия — она для меня — переплетение силовых линий... и нечто,... нечто чужеродное. — попыталась разъяснить она. — Вам не понять — констатировала она и, повернувшись на 180 градусов пошла в «домик».

Я остался смотреть на этот великолепный пейзаж. Черная даль небес. Ни на одной планете нет такого неба. Солнце тут — холодное, голубой карлик, но и планета достаточно близко к солнцу, чтобы не замёрзнуть. Голубое солнце болезненной точкой бьётся в высоте, совершенно не согревая и не освещая достаточно. Что же будет ночью?

На горизонте — горы. Плавные мягкие их очертания удивляют. Впадины больше напоминают рукотворные, а возвышения — как садовые альпийские горки. Всё — невинно прекрасное.

Я иду назад в домик. Комбинезоны у нас стандартные, с подогревом. Так что — не холодно. В «комнатке» у меня моё самое главное сокровище, фотоаппарат, последняя модель перед вылетом. Цифровик. Я обещал маме, что привезу много фотографий, через 4 года.

Беру его и выхожу. Становлюсь на барханчик и фотографирую, фотографирую ту гору, которая похожа на рукотворную, потом — рытвину, углубление рядом. Отхожу немного от лагеря и снимаю сам лагерь. Фотографирую Аничкина с его коллекцией ка-

мешков и Лигу, которая вышла опять и стала на бархане. Только на этот раз она всё же переделалась в свою тунику из прозрачного шелка и голубоватое трико.

Ей было не холодно, хотя не могу сказать, что эта планета отличается тёплым климатом. Просто стоит и смотрит в никуда. Подхожу опять и слушаю её еле слышимый шепот:

— Кто ты? Что ты? Откуда пришел? Куда уйдешь? — только сейчас я заметил, что глаза у неё не чёрные, а зелёные. Видимо она прислушивалась к чему-то своему, потому что меня не замечала.

Тонкая струйка крови медленно скатилась по её верхней губе и опустилась на белесую губу. У неё носом пошла кровь. Я признаться честно — испугался. Её глаза распахнулись широко — широко, губы дрогнули.

Она говорила, говорила на неизвестном мне языке несколько слов. Сжала кулаки до того, что потом были видны на ладонях полукруги от ногтей. Сжала и напряглась. Кровь потекла сильнее, а потом — прекратилась, веки привычно опустились на глаза, и она тихо сказала:

— Морок пришёл, и никто не избежит его. Уходите, покиньте этот мир.

— Что вы увидели? — Аничкин заметил, что с Лигой что-то происходит — Здесь есть аборигены?

— Я не знаю, что это, кто это, но оно тут есть...

— Что именно? — Сивый услышал слова, «покиньте этот мир» и прибежал тут же, забыв, что боится Лиги, как огня. — С чего это мы должны убегать? А?

— Лига говорит, что тут есть аборигены... — Аничкин накинул на плечи Лиги одеяло с подогревом — она считает, что тут опасно.

— Плевал я на тех аборигенов с копьями, ха-ха-ха... у нас — АК-47 и куча взрывчатки, да мы перестреляем их! — Он обернулся и посмотрел на своего компаньона — Орёл, ты со мной?

— Ага — отозвался грузин — Эй, Аничкин, ты же офицер, чего волнуешься? Скоро тут будет толпа рудокопов с семьями. Да какие туземцы? Много ты слушаешь свою Лигу.

Я только перевёл взгляд на Лигу. Та стояла, молча, и смотрела в сторону «альпийской горки». Я взял её за руку и потянул к «домику». Она не стала сопротивляться. Шла за мной, спотыкаясь о камни, как слепая. Я своими руками укладывал её на койку.

Только после этого, под насмешки Сивого вынес свою аппаратуру и начал поиск полезных ископаемых. Анализаторы показывали, что иридий ближе всего к поверхности подходит именно в ста метрах от «альпийской горки», которую я фотографировал.

И иридия там было полно и такой чистый, что мне показалось, что туда можно идти и собирать его руками. Просто брать лукошко и идти собирать камешки по песку. Сивый и Орёл были в восторге. Их глаза светились алчностью и жадностью. Они, наверное, передерутся за руду.

Аничкин следит за тем, как Сапфир и Максим возводят ограждение вокруг лагеря. Сивый и Орёл возятся вокруг горнодобывающей техники. Штурман, он же кок, что-то жарит в кухне. Слюнки текут. Только Лига лежит у себя и колотится в бредовом полусне...

— Оставь, оставь их, порождение Мрака, оставь их души... они не виновны ни в чём... именем Христа. — Я намочил в жидкости для промывания линз платок и положил ей на лоб. — Страж Времени и призрак мироздания, первичный и вторичный.

Аничкин зашел, только, когда Лига не пришла обедать. Но к тому времени она уже просто спала, я спал у себя. Но его шаги услышал. Он посмотрел на неё, оставил ужин и ушёл по своим делам. Я ещё долго стоял и смотрел в окошко на «Альпийскую горку».

Что-то влекло меня к ней. Не знал тогда, что.

Глава третья. Первая жертва

Утро началось с тревоги. Пропал Бизе.

Меня разбудил вой сирены. Лига уже была на ногах и опять-таки стояла на барханчике, уставившись в стену. Из-за забора «Альпийская горка» видна не была. Но мне упорно казалось, что она смотрит именно на «Альпийскую горку».

Аничкин допрашивал нас поочерёдно. Я записывал показания на диктофон. Когда дошло до меня, Лига вдруг зашевелилась, и тревожно повертев головой, сказала:

— Бизе вернётся.

Аничкин посмотрел на неё и сказал:

— Тут достаточно холодно, чтобы замёрзнуть насмерть. Если отойти далеко от лагеря. Он не брал с собой ни сменных генераторов, ни транспортного средства. Сомневаюсь, что он возвратится.

— Капитан Аничкин, Бизе не далеко — Лига стала говорить более или менее связными фразами, — я слышу его «эхо». Он — как муха, бьётся в паутине.

— Вы можете сказать, где он находится? — меня всегда поражало слегка раболопное поведение бравого офицера перед этой, вне сомнения жуткой женщиной. Но мне и самому хотелось стать перед ней на колени, когда говорил с ней о простейших вещах. У меня возникало желание приклоняться перед ней.

— В том то и проблема. Я слышу его везде, его «эхо» кругом. Но я знаю, что он не далеко и с его физическим телом всё в полном порядке. — Аничкин вздохнул и отвернулся от сидящей на ящике женщины, я же продолжал разглядывать её.

Чуть тяжеловатая нижняя челюсть и ярко выделяющиеся тенями скулы, тени под глазами, делающие её более скуластой, иссиня чёрные волосы, не длинные, до лопаток. Она сплетала их в косу, завязанную резиночкой.

У Лиги были длинные руки с очень утончёнными пальчиками и такие же длинные ноги с маленькими ступнями, почти детскими. Если бы я не знал, что Лига — офицер, сказал бы, что она — девочка подросток.

Пока я разглядывал Лигу, она повернула ко мне лицо и сказала:

— Что-то не так со мной, Жиглов?

— Я, нет госпожа, просто... простите. Я виноват. — Вот тебе и казус. Глаза у неё почти закрыты сейчас, мне неловко очень.

— Однако вы внимательно разглядываете меня — она встала и пошла по направлению кухни. Я скользнул следом. Бизе был нашим коком. Его теперь нет. Вот Аничкин назначил меня готовить на команду.

Теперь я морочил себе голову тем, что совершенно не представлял, как подойти к печке. К тому же мне очень мешал табельный пистолет, который выдал Аничкин сразу же после обнаружения пропажи штурмана — кока. Он висел в кобуре на правом бедре и страшно мешал при ходьбе.

Лига стояла перед столом, на котором стояли банки с консервами, моё задание. Она протянула руку над ними, и они сами пооткрывались. Три банки рыбы в томате, сухое пюре и сгущенка. Запахло пюре и горячей рыбой. Тут же примчался Сапфир, он был не на дежурстве и затормозил на входе в отсек, уставившись на Лигу.

Я даже засомневался, что ему пюре полезет, после того, как он увидел новый способ приготовления этого блюда. Лига подняла всё содержимое пакета в воздух, и там, на весу смешивала песок с разведенным молоком.

Сапфир дёрнул меня за рукав и тихо сказал:

— Вот это баба, никогда не сказал бы, что она умеет делать что-то, кроме как уколы колоть и в головах копать...

Я промолчал. Она не смотрела вниз. На стол. Когда смешивала ингредиенты, она смотрела в стену. На миг мне показалось, что она слепая. Но слепые люди так не действуют. Да и что она, будучи слепой, могла бы делать в команде первопроходцев. Жаль, что Сивый и Орёл уехали, как только дали свидетельства Аничкину на «альпийскую горку». Хотел бы увидеть их глаза, когда бы узнали, кто готовит теперь кушать.

Они, наверное, подавились бы стряпнёй. Я стоял, прислонившись к косяку, и не заметил, как Аничкин, в свойственной ему манере, подошел сзади и спросил:

— Что это тут происходит? — Я ведь нарушил приказ.

— То, капитан, что я — медик и забочусь о здоровье всей колонии. А если бы Жиглов начал готовить, то наверняка возникли бы проблемы с отравлениями. — Лига не поворачивалась лицом, продолжала помешивать ложкой содержимое котелка. Она ложку в руках не держала. Она её «вращала».

К нашему дикому удивлению и, наверное, радости конечно Бизе вернулся. Вернулся за полчаса до Орла и Сивого. Выглядел так же, как и перед исчезновением. Но честное слово, вёл он себя очень необычно. К тому же он потерял память, частично. Он не помнил, что происходило с ним за весь утраченный день.

Дело в том, что Бизе — человек крайне весёлый был. И шутки у него были добрые и милые. Не то, что у Орла и Сивого. Толстячок с пивным брюшком очень любил рассказать байку или анекдот и всегда много говорил, активно жестикулируя. Сейчас он был бледен, как мел, не то, чтобы грустный, скорее — безразличный ко всему и очень необщительный. Лига проводила осмотр, а я сидел с записывающей аппаратурой. Она медленно от пяток до макушки просканировала его и не обнаружила никаких повреждений. На её лице читалась некая озадаченность и тревожность. В конце осмотра она предложила Аничкину провести ментальное зондирование.

— Никаких физиологических причин утраты памяти нет. Возможно, он сам заблокировал воспоминания из страха. — Лига сидела не далеко от Бизе, который опасливо косился на неё с момента своего возвращения. А ведь он очень к Лиге хорошо относился. Бывало, пытался шуткой её расшевелить, в полёте, той же шуткой отваживал от неё Сивого и Орла. Теперь разительная перемена. Шарахается прямо-таки.

— В таком случае... возможно. Это вам не навредит? — Аничкин пытался заглянуть под ресницы.

— Нет. Со мной всё будет хорошо, как и с Бизе, если у меня получится. — Лига подошла ближе к Бизе...

Какие у неё движения, пластичные гибкие, как у пантеры... Черный комбинезон в обтяжку только подчёркивал схожесть. Я не видел подобных женщин нигде. Ни у себя в дальней деревеньке, где все девушки были плотно сбитые и крупные. Ни в Москве, где все тонконогие и плоские в коротеньких юбках. Она не идёт, летит над поверхностью.

— Стойте, где стоите, — в руках Бизе оказался лазерный скальпель.

Раньше, когда я был ребёнком, я часто играл на лугу, когда мать косила траву. Я плёл венки... интересно, Аничкин или Бизе, Лига, они плели венки?

— Бизе, бросьте немедленно скальпель! — Аничкин поднял взведенный пистолет — я буду стрелять.

Лига стоит спокойно. Она смотрит как-то в сторону от Бизе и будто бы не видит ничего. Интересно. Где Лига родилась? На Земле или в колонии? Может быть, она никогда и не видела синего неба Земли и зелени полей? А я тут размышляю.

Бизе делает несколько шагов навстречу Аничкину и замахивается скальпелем...

Аничкин — великолепный стрелок. Пуля прошивает Бизе насквозь и останавливается только в стене. Я, в замедленной съемке, вижу, как грузное тело моего бывшего друга падает на пол больничного бункера, мне становится страшно.

Я никогда не видел мертвецов. Даже на похоронах не бывал. Меня стошнило...

Очнулся я на койке, рядом сидела Лига:

— Это был уже не Бизе — тихо сказала она — на несколько секунд я смогла провалиться в его мысли. Это был уже не Бизе. У него просто не было мыслей, должных для человека... только тьма. Тело живо, душа мертва...

Глава четвёртая. Альпийская горка

Орёл и Сивый вернулись уже тогда, когда большинство нашего не большого сообщества узнали про то, что случилось с Бизе. Орёл не преминул сказать, что виновата Лига. Это она свела Бизе с ума. Аничкин пригрозил гауптвахтой грузину. Тот замолк. Лига ходила сама не своя. Я тоже чувствовал себя не очень.

Сапфир натягивал тент над теплицей с таким одурением и жестокостью, что порвал плёнку. Пришлось помогать зашивать. Копаясь в песке, нашел кусочек какого-то минерала. Камешек светится весь голубоватым заревом, и внутри его бегают искорки. Сделал анализ. Он не радиоактивен, не ядовит, неизвестная природа. Когда будет время, я вырежу из него розочку. Подарю её Лиге.

Орёл и Сивый ведут себя вообще дико. Я теперь по своей воле не расстаюсь с пистолетом. Они подрались из-за куска руды, выпавшего из тачки. Сивый решил его забрать себе, Орел не отдал. Вышла грандиозная драка, а ведь Орёл и Сивый — лучшие друзья были. Спились собутыльники.

Сивый разбил лицо Орлу, а Лиге, пострадавшей от их нахальства, ещё и лечить жертву пришлось. Сам Сивый оказался-таки за решёткой. Но остепениться и не подумал. Кидался на стену и колотился головой, пытался продолбить дыру. Лига металась со стороны в сторону.

Я ещё долго смотрел через окошко комнаты в «домике» на первую могилу на этой планете. Бизе сошел сума? Почему? Спать не хотелось. Я вырезал весь вечер розу. До того момента, как Сивый ни сбежал.

Я испугался страшно.

Он так проломил собой самую стенку и выбежал на «улицу». Он бегал по кругу и вопил что-то несвязное, кидался на стенки, пока не провалил ограждение. Аничкин в одних брюках стоял и смотрел на то, как с пеной у рта, грузин бежал по пыли планеты в сторону «альпийской горки».

— Лига, как вы это объясните?

— Я предупреждала, что мы тут не одни. — Лига стояла спиной к Аничкину, она стояла лицом к Орлу — и это — не дикари с пиками.

— Лига вы сможете найти Сивого? — на этот раз Орёл чуть ли не кланялся перед телепаткой.

— Я думаю, что найти, возможно, лишь телесную оболочку — голос телепатки вывел меня из ступора:

— Он что сошёл с ума? Как Бизе? — чуть ли не закричал я.

— Его сознание мертво. Нам нужно немедленно садиться на корабль и покидать планету. Я проверю каждого на предмет поражения.

Аничкин посмотрел на корабль и сказал:

— Да, господа, я думаю это правильно. Берём из вещей самые ценные и на корабль.

Я коснулся розочки, которая лежала в кармане. Собственно, ценного у меня мало...

— Нет! Я не полечу без Сивого, он — мой друг! — Орёл вскинул руки — Я иду искать Сивого!

— Никуда вы не идёте, — Аничкин повернулся — Сапфир, Максим, отправите Орла на корабль. — Пилоты, не без помощи подоспевшего Тишина, отвели вырывающегося бурильщика на корабль.

Я посмотрел на Лигу. Женщина была блее мела. Тонкая струйка крови стекала у неё из носа. Мне стало страшно. Ведь Лига, только она, способна нас сейчас спасти. Я вылез на забор, немного по-детски, и посмотрел на «Альпийскую горку». Лига всегда на неё смотрит, когда что-то случается. Видимо в ней что-то есть, меня тоже тянет.

Собирал вещи очень быстро. Аничкин приказал палатки не складывать. Я только собрал личные вещи и уже бежал к кораблю, когда раздался оглушительный грохот, Сапфир лежал на спине. Мне на встречу несся с оглушительным рёвом Орёл, выпучив глаза. Еле успел отскочить. Песок подался, и я сполз по бархану, упав на колени. Лига за спиной что-то кричала.

Аничкин бежал на пересечение с Орлом, вскидывая пистолет. Орёл, огромный мужик, естественно, снёс Аничкина с ног. Капитана подкинуло в воздух, и он упал в кузов траулера. Орёл даже не обратил на это внимания. Я видел его глаза, безумные. В них не было отражения. Только темнота зрачков. Куда он поехал, я не знаю, только проломил новую дыру в ограде...

Страшно, мне очень страшно.

Лига положила мне на плечо руку. Помогла подняться из песка. Я подошел к лежащему на спине Сапфиру. Тошнота подкатывала к горлу. Я не знаю, чем это его Орёл ударил, но кровь расплзлась по серебристому песку чёрной лужей. Сапфир был мёртв...

Это — второй труп...

Орёл и Сивый не вернутся, я это понимал.

Максим, вы должны привести в порядок корабль — голос Лиги опять вывел меня из транса. Я обернулся на её слова — Мы покидаем эту планету, пока ещё можем, — она повернулась ко мне, и я отшатнулся — Серёжа ты будешь постоянно со мной рядом. — Её глаза, оказавшиеся удивительного миндалевого цвета, раскрылись вовсю ширь и она, с хрипом проговорила — Пирамида... идти к пирамиде...

У неё из носа пошла кровь. Я на автопилоте протянул ей платочек...

— Что это? — Макс поддерживал женщину под руку — с вами всё в порядке?

— Здесь есть кто-то, что-то, откуда — не знаю... — проговорила она — но это — очень сильно и бесконтрольно властвует на этой планете уже века, оно в пирамиде, которую Серёжа называет «альпийская горка». Это оно захватывает в плен тела людей...

Её рассказ прервал зуммер связи, через помехи говорил Аничкин:

— Я живой... Орёл совсем с ума сошёл, он поклоняется горе и просит забрать и его...Я у «Альпийской горки», там, где зарегистрирован иридий.

Глава пятая. Альпийская горка 2

— Мы скоро придём, Максим готовит корабль, Орёл повредил его только изнутри, я еду за тобой — Лига бросила в карман сотовый телефон и пошла к траулеру. Я посеял следом.

— Я поеду с вами, вы одна не справитесь.

— Это — опасно. Ты слышал, что я говорила об обитателе этой планеты?

— Тем более, я буду с вами! — Я не стал дожидаться, пока она запретит мне это делать и прыгнул в машину. Лига закрыла глаза и нажала на газ. Прodelала третью дыру в заборе...

Она ехала с закрытыми глазами. Я всё время порывался спросить у неё, почему она закрыла глаза, но боялся. Помешаю ещё. Ехала она как-то ломано. Не ровно, с частыми и внезапными остановками. Из носу то и дело стекала капелька крови. Меня подташнивало...

— Сергей — сказала она еле слышно — вам придётся вести траулер, я не могу больше. — Я перехватил рычаги управления, Лига откинулась на спинку кресла и еле слышно сказала: — Оно сильнее меня, намного сильнее..., и оно там...

Я остановил траулер, помог Лиге пересест на другое место, и мы поехали дальше.

Лига рядом что-то шептала. Я не мог понять, что она говорит, только отчётливо слышал, как она читала молитву «Отче наш».

Мы были метрах в ста от «Альпийской горки», когда Лига пронзительно закричала и я, ошавев от этого крика, затормозил очень резко и врезался головой в приборную доску. На лбу появилась очень большая ссадина. Лига замолчала, повернула ко мне голову и её глаза раскрылись вовсю ширь:

— Услышь меня, жалкий отпрыск рода человеческого, служи мне, будь рабом Владыки Мрака, и ты будешь вечно блажен...— Лига моргнула и потрясла головой — Что...

— С вами всё в порядке? — Я очень испугался. Она говорила совершенно не своим голосом и что-то напрочь непонятное. А ещё она была удивительно красивая в этот момент...

— Это Оно... Морок...— с придыханием сказала Лига — Что я сказала?

— Ну, Вы называли меня жалким отпрыском рода человеческого и приглашали служить Мороку...

— Глупый, это была не я.— Это был Я!!! — и рассмеялась гортанным смехом.

От страха я резко затормозил, и Лига ударилась головой о приборную доску. Когда я увидел, что она упала, испугался ещё больше, только то, что она живая меня успокаивало. Хоть немного.

Я остановился около брошенного траулера и заглянул в кузов. Капитана Аничкина там не было. Вообще, на что я надеялся, когда думал, что он остался возле траулера? Наверняка он пошел искать Орла или хотя бы осмотреться. А может быть и он сам уже попал под влияние «Альпийской горки»? Я Лига, Лига просто не поняла, может быть, она. Да вряд ли, не может быть, что Лигу и Аничкина что-то связывает настолько близко, я бы понял, не глупый.

— Капитан Аничкин??? — закричал я, что есть мочи — Аничкин!!!!

Я и не надеялся, что мне ответят. Просто так, для отчетности. Мне же было так страшно... мир начал казаться мне каким-то не настоящим, иллюзорным... всё плыло.

Вдали от меня всё плыло. Я пытался рассмотреть наш лагерь и корабль, но видел лишь размытые контуры. А ведь не так далеко мы от него отъехали, чтобы было так.

— Малыш??? Сергей??? — Я кинулся туда, откуда доносился голос. Это был капитан. Он сидел на огромном валуне подбрасывал камень. Я остановился подальше и внимательно посмотрел на капитана. Где-то на задворках проскочила некрасивая мысль, что лучше бы он был поражен тем существом. Тогда Лига вернётся на корабль... и не будет его спасать... Странная мысль, ведь так? Наверное, я подпадаю под действие этого существа. А если она очнулась? Лига там осталась одна, я виноват. Ей плохо теперь.

— Капитан, капитан, я... мы ехали, и я испугался и затормозил, Лига ударилась головой о приборную доску. — Я выдохнул, когда Аничкин подхватился с места и чуть ли не накинулся на меня. Его глаза были вполне такие же, как и всегда. Только на одном был синяк.

— Что с ней?

Она потеряла сознание, я оставил её там... сидеть. Вы не понимаете. Она говорит что-то не понятное. Про Мрак... как не она её телом... страшно...

— Где ты оставил траулер?

Аничкин очень оперативно добежал до траулера. Я еле успевал перебирать ногами, вязнул в песке и подгребал бесконечные камешки. Каково же было моё удивление и даже паника, когда оказалось, что Лиги нет в траулере.

— Я пойду её искать, а ты останешься здесь.

Я и остался, испуганный, расстроенный своим поведением и неудачей

Глава шестая. Призраки моих желаний

Я чуть не сорвался на плачь. Отчаянье наскочило на меня так внезапно, что слёзы сами поднялись в глазах. Сдерживал себя только огромным усилием воли. Только не плакать, только не плакать...

Слёзы потекли сами собой.

— Что случилось? — Мягкий голос, нежный и такой знакомый. Я медленно поднимаю голову и...

— Лига!!!! — Я и не знал, что умею так кричать по-детски, я вцепился в хрупкую фигурку телепатки и обнял её. — Где вы были? Аничкин... вы встретили его? Где он???

— Я не встречала капитана, и это — плохо. — Лига как будто бы задумалась. Нельзя ходить по одному... нельзя.

— Он оставил меня сторожить траулер.

— Ничего не станется траулеру. Идём, нужно найти капитана — Лига протянула мне тонкую ладонь, Боже мой, какая у неё красивая рука, какая она сама красивая. — Надеюсь с ним всё в порядке, — и до негому деловая.

Лига с умением бежала по песку, я еле поспевал за ней, Песок опадал, я в нём завязал. Отвратительное ощущение, Мне казалось, что песок везде... Лига не подгоняла. Только бежала куда-то, туда, где она что-то чувствовала. Я бежал следом, уже на расстоянии метров пяти. И оно быстро увеличивалось. Мы спустились по какому-то спуску вниз, как в балку, и Лига резко остановилась. Я налетел на неё, но она и не шелохну-

лась. Выглянул из-за спины телепатки и сам замер. Это был каменный постамент, иначе не назовёшь, размером, как обеденный стол на человек этак восемь. Только вместо обеда на нём лежал Орёл. Похоже на то, что он был совсем без одежды: полностью обнажённый, только присыпанный по самый подбородок тем самым, вездесущим, песком. Глаза, глаза у него были живые и испуганные. Напрочь пропала наглость и язвительность, жестокость. Теперь был только дикий страх. Его испачканные песком губы зашевелились, и он простонал:

— Лига, это и вправду вы?

— Да я...

— Докажите... я... меня... Сивый. По голове камнем и сюда...

— Вы попытались изнасиловать меня по прилёте на планету — очень спокойным тоном сказала Лига, даже не моргнула. Мне стало омерзительно. Я хотел, чтобы Лига бросила Орла тут, и мы, не дожидаясь Аничкина, сели в корабль и улетели отсюда далеко-далеко, но я не хотел этого говорить!

— Лига. Давай его бросим, ведь он вас обидел, он хотел обидеть и не раз, полетели домой, забудьте о них. — Я и не понял, как это сказал, просто сказал и кажется — не своим голосом. Лига только спустилась ближе к постаменту. Я просто, как от третьего лица, смотрел на это всё.

Неужели я тоже стал жертвой Морока? Я больше не я???

— Вы можете встать? — Лига говорила с Орлом — у вас что-то болит?

— Помилуйте, Лига, да я же полностью голый... — Я и не знал, Орёл бывает вежливый. — Я бы встал, по-моему...

— Сейчас — Лига повернулась ко мне лицом, и мне почему-то показалось, что она слепая... — Сергей, у вас наверняка есть что-то, например, ваша курточка. Отдайте её Орлу...

Я, молча, выполнил приказ Лиги. Орёл с трудом откопался и тихо сказал:

— Я не знаю, что нашло на меня тогда, на корабле, я всё время слышал зов, мне казалось, что меня зовет Сивый... он ведь и сейчас где-то ходит, только не он сам. А его тело...

--Я знаю — просто ответила Лига...

...» если ты допустишь, чтобы Орёл и Аничкин нашлись, то я никогда не буду твоей...» прошептал у меня в голове голос Лиги «помни, я люблю Аничкина» я неловко дёрнулся. Не мог понять, что это всё значит. Неужели Лига насмехается надо мной? Да и причем тут отношения между Аничкиным и Лигой??? Лига, Лига... я часто о ней, думаю... но это для неё ничего не значит.

«Так уж и ничего?»

Ничего...

«и тебе не хочется поцеловать мои мягкие тёплые губы?»

Нет, Лига старший офицер...

Будьте счастливы...

«и тебе не хочется убить Аничкина? Тогда Я буду твоя и только твоя...

— Нет!!! НЕТ. Отстаньте... вы — не Лига... вы... Вы Морок... — Я видимо беспорядочно махал руками, задел Лигу... голова раскалывалась, меня тошнило, только рвать нечем... я валялся по песку, скоробившись в три погибели, и выл. Морок не отпускал меня, терзал сознание самыми дикими воспоминаниями...

Я видел. Как мой отчим бьёт мою мать...

Я видел кровь на полу, на кафеле, видел, как моя мама пытается встать... я видел мою старшую сестру, которая совком колотит отчима, я ведь маленький был. Я видел, как моя мать смиренно принимает все тяготы жизни, от которых я сбежал даже на эту проклятую планету.

Как я всегда плакал, когда отчим приходил домой пьяный... как боялся, что, когда-нибудь он всё же убьёт нас. Не убил, сам умер. Но сейчас я видел совсем другие картины, я видел. Очень ясно, как отчим убивает мою мать, терзает её бездыханное тело, потом переходит к сестре и...

— Серёжа... Сергей... — голос Лиги, такой мягкий и спокойный, прорывался через завесу тьмы. — Это иллюзия, услышь меня, я знаю, ты сильный, ты сильнее всех в команде, ты меня слышишь?

— Лига... Что это??? Что... — Я открыл, наконец, закрывшиеся глаза и посмотрел в лицо Лиге — Ведь это не правда! Я не хочу, чтобы мы бросили Аничкина и Орла, я не хочу их убивать.

— Не хочешь, нет. — Лига вздохнула — это Морок, он контролирует тебя, и тогда ты делаешь то, что он хочет. Ты — сильный, у него не вышло. Но следующая атака будет ещё сильнее. Нам нужно спешить.

— Эй, может быть, мне объясните? — Подал голос Орёл — Что тут происходит?

— Всё, что вы хотели — заработать денег, много денег — спокойным тоном начала объяснять Лига — Так же точно, как и Сивый. На этом и поймал вас Морок. Его манера атаковать — используя власть желаний, паскудных меркантильных. Ваш побег с корабля — тоже — действие призыва Морока. Истерика и судороги, в которых бился Сергей — процесс борьбы его воли с волей Морока. Мы все — в опасности. Поймите. Сивого уже нет, как и Бизе, Я слышу Аничкина. Он не далеко, поэтому, нам нужно срочно его найти и улететь отсюда. Морок может в любую секунду захватить и меня и вас.

Я стоял и смотрел на Лигу. Она говорила, а смотрела совсем в другую сторону. Говорила стене...

— Лига, простите за такой не корректный вопрос, но вы что, слепы? — Я и не ожидал, что выдам такое вслух.

— Мы все платим по счетам, я плачу так. Да я — слепа и никогда не видела света солнца, травы и песка, но я «вижу» людей и любое яство. И знаю насколько опасно нам оставаться тут.

Она вела нас в сторону, чуть влево от места, где мы оставили траулер. Орёл еле поспевал за нами, прикрываясь моей курточкой. Лига шла впереди, высокая, подтянутая. Во мне опять поднималась надежда, что мы выберемся, что мы долетим до Земли, я вернусь и обниму маму.

Вокруг меня наращивался некий гул, понять который я не мог. Лига внезапно замерла на месте, и я подбежал к ней...

Глава седьмая. Пещера

Гул сначала был вибрирующий. А потом, как при землетрясении, перешел в ультразвук и потом только — в инфразвук. Голова раскалывалась, в секунду. Песок под ногами задрожал, пересыпаясь из баранчика в баранчик и прямо передо мной поверхность стала расходиться, в трещину.

И эта трещина очень стремительно преследовала Лигу. Женщина не могла успеть убежать от трещины, даже, если внезапно сворачивала. Я наблюдал странный, дикий и ужасный танец Лиги и трещины. Лига влево и трещина следом, Лига — прямо, и трещина прямо мне это казалось даже красивым и завораживающим, но эта вся красота была страшная и только, когда Орёл со всего маха стукнул меня по голове, я понял, что кричал на одной стонущей ноте всё это время.

Со стороны «Альпийской горки» нам навстречу бежал Аничкин и отчаянно махал руками. Я не мог понять, что он показывает, Тряска продолжалась, и я только сейчас понял, что трещина нас не трогает. Только Лигу. Упал.

Когда я уже поднимался на ноги, я своими глазами увидел, как Лига, прекрасная Лига всё-таки была догнана проклятой трещиной и провалилась. Она не кричала или это я не услышал. В этом гуле? У меня видимо заложило уши.

Я приложился о камни, разбил левый локоть и обе коленки. Хорошо, что хоть не разбил лицо, но стараниями Орла, так и шишка будет не одна...

Лига, Лига...

Я добежал до места трещины, которая поглотила Лигу, первый. На меня сверху упал Аничкин, по-моему, я сломал ребро. Трещина, да какая там трещина??? Я же банально ощупывал такой же ровный песок, как и был до того! Трещины не было, только песок.

Я закричал. Оглушительно и противно. Я звал Лигу, звал её, как когда-то звал маму, когда потерялся в огромном лесу. Лига, Лига... ЛЛИГА!!!! Я плакал и растирал по лицу песок и труху от породы иридия.

«Серёжа ...»

Я замолк почти мгновенно. Это видимо ещё больше напугало Аничкина, который удерживал меня за плечи. Неужели опять — Морок пытается говорить со мной голосом Лиги?

«Сергей, это я... и я не хочу вам приказывать убивать Аничкина»

Не знаю, Лига ли это, но ... возможно — она.

— Лига, где вы? Вы меня слышите???

— В какой-то пещере... послушай меня, мальчик. Со мной передатчик, радиотелефон. Выставьте на частоту 23-13. Я буду говорить с вами, и вы сможете меня обнаружить. Я чувствую выход из пещеры». Я больше не слышу её, зато у меня на самом деле в кармане лежит радиотелефон. Я достал его и стал настраивать телефон 23-13 интересно, это не галлюцинация? А может быть — Морок меня всё же обманул?

— Что ты делаешь? — Аничкин, наконец, сунулся-таки в мои дела — Что?

— Я, я... слышал голос Лиги, это она мне приказала настроить передатчик радиотелефона на 23-13, это её частота. Она говорит, что в пещере.

— Ты уверен???

— Нет, я боюсь, что это — Морок, он уже говорил со мной голосом Лиги.

— Всё равно. Нам нужно попытаться найти Лигу. Она не так слаба, как тот же Сивый, — Аничкин встал. — Что там на датчике?

— Север, 100 метров. Там... пещера... похоже на то...

— Пещера, не сомневайтесь — через шипение передатчика прорезался голос Лиги — размером — метров 100-120, круглая или что-то около того и тут есть что-то, не знаю, что это. Сейчас узнаю. — Шипение усилилось. Лига видимо куда-то шла потому, что я слышал, как шуршат камни через телефон.

— Что там?

— Там — пещера, 100-120 метров. Она говорит, что там ещё что-то есть.

— Серёжа, вы идите, тут есть выход. Я иду к нему. Как только выйду, так сразу же отправляемся к траулеру и на кора... — голос оборвался. Как я тогда испугался.

— Лига, вы слышите меня???

— ЛИГА???

— Аничкин отобрал у меня телефон, вернул, я слушал, как шуршат камни под ногами у Лиги. Она идёт дальше, но на наши вопросы не отвечает. Неужели её захватил Морок???

Глава восьмая. Морок

— Кто ты? — это говорила Лига, телефон то продолжал работать. Мы прикинули к трубке, пытаюсь понять, что происходит там, внизу, в пещере — кто ты и чего ты хочешь?

— Я — Морок, властелин этого мира — Бас, тяжёлый, отражающийся от стен пещеры, мрачный. Меня он откровенно пугал. — Присоединитесь ко мне...

— Мне не интересно присоединяться к тебе, это не входит в мои планы. — Плотный, спокойный, немного жесткий голос Лиги вселял в меня надежду. Возможно, она выведет нас отсюда, поможет добраться до корабля...

— Подумай хорошенько, могу дать тебе всё, что пожелаешь. — голос стал очень ласковый, немного только рокотал на басах — Может быть. Ты желаешь прекрасные одежды? Я могу дать тебе всё, что ты пожелаешь, только представь себе это.

— Мне не нужны одеяния. — просто ответила Лига — Я желаю выйти из твоей пещеры и отправиться с моими друзьями на корабль, чтобы улететь. — правда и ничего кроме, надеюсь.

— Нет, я не отпущу тебя. Но могу дать тебе друзей.

Не было гула. Был только странный хлопок, и Аничкин пропал. Просто растворился у меня и Орла на глазах. Бедный Орёл обезумел от страха:

— Мы погибнем...

— Нет. Лига нас выручит, и Аничкин тоже...— Я опять прислушался к тому, что происходило в пещере. Я пытался понять, что там происходит.

— Лига, это вы? Я ничего не вижу. — Это — голос Аничкина, о Боже, он живой. — Ого, что это...

— Ну? Ты обдумала Моё предложение? У тебя будет всё, что ты пожелаешь. Тебе нравится тело этого человека? Оно будет твоё или тебе больше нравится молодой *homo-sapiens*? — проговорил Морок и я, я в минуту как будто бы ослеп...

Через секунду я уже сидел на больших гладких камнях в пещере. Слабый свет мерцал кругом. Что-то вроде естественного свечения прожилков в стенах. Это создавало зеленовато-голубоватое свечение. По полу пещеры тёк ручей какого-то жидкого вещества, не воды, вода — не такая густая.

— Лига, вы уже решили? — Морок, где он? Где Аничкин? Где Лига? Я обшарил вокруг себя камни. Телефон я обронил и не мог найти, остаётся надеяться, что он остался у Орла.

И тут я увидел, о Боже, я ещё никогда такого не видел.

Лига, она стояла на небольшом постаменте, почти посередине пещеры, между крупных кристаллов голубого и розового свечения. Кожа её была совсем от этого прозрачная. Кожа. Да, Лига была практически голая. Лишь слегка прикрытая мерцающей материей платя, больше похожего на греческую тунику.

Аничкин стоял перед ней на коленях, зажатый, видимо стальным захватом Морока. Мне стало дурно от мыслей, посещавших мою голову: Лига была совсем голая.

— Желаешь трон? — У меня на глазах материализовался трон из чёрного обсидиана — Он твой — Я желаю видеть небо. — Сказала вдруг Лига — Я желаю, чтобы это была не иллюзия, а настоящее небо этой планеты. Его тьма прекрасна.

— Лгунья, ты же слепа!!! — Морок засмеялся, от его смеха, который разлетался по пещере как будто бы материальная волна, стали падать сталагмиты.

— А вы — недалёки и мало знаете Людей. — Лига, похоже, или не понимала, что голая, или просто не обращала внимания. — Я «Вижу» несколько иначе, чем обычные люди, но вижу. Я желаю Небо!!!

— Ты желаешь сбежать, женщина...

— И я сделаю это, кем бы ты ни был, Морок. — Лига вдруг очень быстро сбежала с постаменты и внезапно ударила о розовый сталагмит. Камень разлетелся на куски. По пещере прокатился дикий вой. Мороку не понравилось, что его камни разбили. Я вскочил и тоже треснул по голубому камню. Тот пошёл трещинами, но не упал... жаль. Я добавил ещё и камень разлетелся. В моей голове как будто бы взорвалась ядерная бомба. Морок кричал, как кричат от боли. Я встал с колен и пошел, очень медленно, к следующему камню, и так раз тридцать. Аничкин крушил те, что были ближе к Лиге. Женщина лежала на полу и как будто бы её кто-то бил...

Последний камень со звоном рухнул, и я УВИДЕЛ!

Это даже не сгусток, это — тень, похожая на человека в тёмном плаще, как Дьявол. Фигура на фоне стены, в которой остался кусок камня. Он стоял и смотрел на нас, из-под капюшона плаща, глазами — звёздами. Он протягивает руку, не нам, Лиге...

Лига молчит. Но я подозреваю, что она говорит с ним, по-своему, конечно. Лига молчит, а я пытаюсь помочь Аничкину дойти до выхода из пещеры. Он был на самом деле, как же ему не быть. Просто мы его не видели, что-то вроде иллюзии.

Я стоял на входе и смотрел на наш траулер и Орла, который сидел на нём, сжавшись в комочек, и трясся всем телом. Я дотянул, хромающего растянутой лодыжкой Аничкина, до траулера и обратился к Орлу:

— Что с вами?

— Я, я Сивого убил... он...

— Он уже был мёртвый. — Я постарался объяснить Орлу — понимаете, Морок убивает душу, а тело подчиняет себе, вы убили ТЕЛО.

Не помогло, Орёл всё ещё переживал гибель друга, своего, похоже, единственного, друга. Я развернулся и побежал назад, к пещере... Аничкин мне в спину кричал, чтобы я вернулся, но я знал, что нужно забрать Лигу...

Я влетел в пещеру и зацепился через разгромленные камни. Упал, растянулся на полу и снизу-вверх наблюдал, как Лига смахивала пыль с постамента.

Постаменты???

Глава девятая. Конец иллюзии

Да какой это постамент, это — саркофаг, пещера — гробница какого-то инопланетянина, какого — не знаю. Лига стояла и смотрела на саркофаг. Я медленно встал и подошел к ней. Она не могла видеть то, что видел я ... прозрачная крышка и МОЛОДОЕ лицо гуманоида...

Лига вздрогнула и обернулась. Морок всё так же и стоял у камня. Я почему-то подумал, что время тут странное, медленно так течёт. Под ногами хрустят камешки. Я наклоняюсь и поднимаю один из них — фиолетовый. Вскоре у меня — полный карман таких камушков. Я не знаю, зачем, просто собрал их. Лига подошла ко мне и сказала:

— Его имя Морок, он — воин...

— Да, я воин оставайся со мной, или забери меня отсюда, и мы будем править миром.

— Нет, Морок.

— Тогда вы все умрёте, — как дико, ведь, что мы сделали этому Мороку?

Лига схватила меня за руку и потянула из пещеры. Я еле поспевал за длинноногой Лигой, кстати, она, теперь, была одета так, как и была до пещеры, в местах порванный комбинезон.

Мы бежали, а за нами весь мир вокруг шел трещинами и обрушивался. Оставалась только одна пещера и кратер вокруг неё. А ещё стало очень холодно и, похоже, воздух становился всё более разряженным.

— Капитан, быстрее, заводите мотор, кораблю — готовность на взлёт. Морок очень расстроен, и он обрушит здесь всё. — Слова Лиги меня поразили. Это существо было просто расстроено.

Я почему-то задумался, кто оставил тут Морока, за что и почему, кем был Морок в своём мире, любил ли его кто-то или нет, ненавидел ли? Я успел разглядеть лицо гуманоида. Он был несколько похож на человека, но не человек. Слишком вытянутые черты лица и прозрачная, промежду прочим, очень сходная с Лигой, кожа, в свете планеты — совсем белая. А ещё мне кажется, у него были очень большие глаза.

Мы неслись через равнины, пытаюсь обогнать ветер, удивительный ветер, очень сильный ветер. Он дул, на нас создавая очень сильное трение. Лига рядом закричала:

— Надевайте маски, это — не ветер, воздух покидает атмосферу, её вообще нет, это — иллюзия! — Она прижала мне к лицу воздушную маску. До корабля оставалось метров 500, я мысленно попрощался с жизнью. Камешки в карманах очень мешали сидеть... Я начал выбрасывать их на пол машины.

— Макс, приём, Макс, ты меня слышишь? — Аничкин пытался достучаться до пилота на корабле. В ответ — только шипение помех. Мы погибнем...

Траулер нёсся через песок и только благодаря тому, что поездку контролировала Лига, мы не застряли в песке, несмотря на, внезапно возникающие на пути скалы, выпрыгивающие из-под песка, их не угадаешь.

Я, похоже, стукнулся головой о стенку, потому что пришел в себя только на корабле, лёжа на койке в своём отсеке. Лига подсунула мне под нос ватку с нашатырём.

— Мы в космосе - тихо сказала она, как бы успокаивая.

— Морок остался ТАМ???

— Да — печально сказала Лига. Я не знаю, что там было, про что говорили Лига и Морок в пещере, но мне кажется, что Морок что-то сказал Лиге, что-то, чего мне не понять.

— Это хорошо — За спиной Лиги возник Аничкин и осторожно приобнял Лигу за плечи. В ответ телепатка слегка улыбнулась — Вы были изначально правы.

— Знаешь, Серёжа, а ведь все твои камешки сохранились, которые ты высыпал в траулере. Они рассыпались по всему ангару, но Орёл их собрал и сложил в сумку. — Улыбнулся Аничкин.

Я улыбнулся тоже. Аничкин и Лига, у них — любовь. А я ничего не заметил, а ведь летел с ними месяцы. Аничкин почти не общался с Лигой, с ней я чаще разговаривал, чем Аничкин. И всё равно, как это красиво. Я даже позавидовал им, Лига — очень красивая женщина. Несмотря на то, что слепая. Зато она видит сущность вещей. — Я была ребёнком, когда стало понятно, что я обладаю сверхспособностями. — Вдруг стала пояснять Лига. — Мне было не больше 6 лет. Моя мать была ещё жива, и она тоже имела подобные способности, но в гораздо меньшей степени. — Лига села рядом со мной, по-матерински поправив покрывало. — Я жила с отцом, ездила по военным городкам почти до 14 лет, пока не поступила в медицинское училище. Я слепой была от рождения. Говорят, что это — эффект достаточности. Глаза мне не нужны. — Как забавно вышло. Лига — настоящий специалист в маскировке. Я ни разу даже не подумал, что Лига и Аничкин чем-то связаны. Я же часами наблюдал за Лигой, каюсь, наблюдал и подглядывал. Но, ни разу не заметил малейшего поползновения. Или это я просто не умею наблюдать???

Правильно, ведь, если бы кто-то заподозрил Лигу и Аничкина хотя бы в малейшей интрижке, их не допустили бы к совместному полёту. Это не запрещено прямо, но не приветствуется. Вот они и молчали, как партизаны.

Конечно. А на самом корабле и подавно не могли даже чуточку проявить себя. Не тот контингент, тот же Орёл или Сивый, на худой конец, заложили бы их с потрохами. Тогда — административная ответственность. Конец карьере.

Оно то и понятно, почему Аничкин так редко общался с Лигой. Я сам так старался избегать общаться с Лигой, чтобы быстрее забыть, побороть глупую детскую влюблённость. Сейчас я понимаю, что Лига — просто первая женщина, которую я знаю близко.

Сейчас всё прошло.

Они тогда просто не общались. Но будь у меня чуть больше опыта в жизни, наверное, я бы заметил. Ведь достаточно хоть одного взгляда, одного движения рукой в какой-то момент, чтобы понять, что между людьми есть чувство.

Иногда мне кажется, что они, эти моменты были, но что уже домыслы строить.

Я сидел и перебирал свои камешки. Я же забыл всё на свете. Пока летели — думал о Лиге, как оказались на Земле — думал только о поступлении. Поступил к вашему сведению с первого раза. Вот теперь сижу в комнате общежития и смотрю на камешки, на память с первого в моей жизни полёта за пределы Земли. Кристаллы Морока, так я назвал их. Они светятся у меня в руках. Голубые и розовые, зелёные и желтенькие...

Лига сказала, что мне нужно будет пройти программу подготовки, у меня есть латентные способности телепата это — факультатив. Мне очень тяжело, я всё не мог определить свою спецификацию.

Есть и сиреневые и совсем белые. Я вырежу из них цветы, а белые камешки будут каплями росы.

Аничкин пообещал мне дать характеристики и назначение. Выполнил. Теперь я получу высшее образование.

Чёрные камни — насекомыми.

Завораживают, я навсегда оставлю голубую розу, которую вырезал в самом начале. Пусть будет вечное напоминание о Мороке и его возможностях. Я повешу её на цепочку и буду носить под одеждой. А ожерелье продам, наверное.

«Подари меня Лиге» — прошептали мне камни «Подари меня Лиге, и я всегда буду рядом с ней» Я чуть не упустил особенно большой камень. Они мерно пульсировали, разложенные в кучки по цветам как будто бы дышали.

«Кто ты?» я сосредоточился на этой мысли, как умел.

«Морок» ... — и мне привиделось хищное лицо Морока, он мне немного улыбался, и что-то в его глазах? Зло или просто одиночество?

ПЛАНЕТА САММАИ

Глава первая. В полёте

Я думаю, мне тогда только показалось, что полёт длился долго, когда я летел первый раз. Сейчас полёт показался мне очень коротким. Я проспал половину пути и, если честно, совершенно не выспался. Я даже не знаю, почему у меня такая большая потребность во сне.

Я — Жиглов Сергей Васильевич, следователь по Особо Важным Делах Космического Направления, Лечу я в командировку, первую в моей карьере, но не первую в моей жизни.

Был ещё один полёт. Именно с него и началась моя НОВАЯ карьера. Когда я полетел в то путешествие, строить колонию, я планировал, что навсегда останусь там. Только деньги матери буду высылать. Но вышло несколько иначе, и мне запретили даже упоминать, о том, что я там был.

Наше путешествие засекретили на самом высоком уровне.

Но Аничкин меня не забыл. А я грешным делом подумал, что забудет и как звали. Именно он выписал мне направление в Московский Государственный Институт Международных Отношений, на отделение Колониальных Отношений. Там я и учился пять лет.

Собственно я вполне мог оказаться на улице даже с таким хорошим и престижным образованием, если бы мне не дали распределение в Генеральную Прокуратуру. Дело в том, что в Министерство Колониальных Отношений очень мало берут, всего трёх с каждого выпуска. Естественно все эти места проданы ещё до поступления самих учащихся. Я таких денег не имел.

Когда мне выдали направление в Прокуратуру, я едва не упал на пол. Декан наш даже предложил мне присесть. Я был стопроцентно уверен в том, что это Аничкин мне помогал, или Лига. Иногда я думаю про неё, про Лигу.

Когда я вернулся на Землю, я понял, что вовсе не люблю её. Что это было? Иллюзия Морока, или это было просто наваждение из-за гормонов? Я не знаю. Что случилось с Мороком — тоже не знаю. Морок ещё немного присутствовал рядом, я чувствовал его. Но после фразы о том, что он хочет к Лиге, Морок замолчал и больше не проявлял признаков жизни.

Иногда мне очень жаль его, когда сижу совсем один, например, в комнате общежития. Но иногда... как можно было ТАК себя вести? Неужели он не понимал, что поступает не корректно по отношению к людям. Что он вообще знает о Людях, чтобы относиться к нам, как к куклам! Сам-то он кто? Он умер века назад!

Я так и не выяснил, какую расу он представлял. Опять-таки — всё засекретили. Даже мои фотографии забрали. Единственное, что мне осталось на память — чёрный кристалл, который я так и не огранил, в отличие от тех, из которых собрал украшения. Я просто просверлил в нём дырочку и повесил на кожаный ремешок.

Ношу в качестве талисмана. Промежду тем — на самом деле — талисман! Я как-то забыл одеть его после душа, и такое было... вот это денёчек. Двойку поймал без причины, на тренировке руку потянул, не успел встретиться с научной руководительницей, опоздал в магазин Тяжёлый день.

То, что я отправился в эту командировку — результат какого-то стечения обстоятельств. Меня вызвали в кабинет моего непосредственного руководителя, и он дал мне, казалось бы, простое задание.

— В колонии Саммаи несколько смертей. Расследовать вы будете или ЛЮБОВАТЬСЯ красотами, мне не важно. Но, ни в коем случае недопустимо закрытие колонии. Докладывать мне лично. — Раньше мне не давали таких заданий самостоятельно, я обычно был помощником следователя — Материалы дела вам передадут. Вылет через полчаса. На космодром вас отвезут, вещи вы собрали? — Вот так я угодил на корабль, очень быстро, без лишних разговоров, а между тем — без лишних вещей. Я же прибыл к Генеральному Прокурору ещё и в парадном мундире!

Конечно же, ведь когда происходит преступление, нужно как можно быстрее его расследовать, и не важно, что мне не в чем расследовать его. Из вещей у меня был мой парадный мундир и папка с документами.

Документы я прочитал несколько раз. В основном — распечатки ежедневных формальных докладов. С них я начал. Дело завели по факту происшествия — по невыясненным причинам умерли 13 человек. Вскрытие дало только вопросы, ответ — всего один. Все умерли от кровоизлияния в мозг.

Если умирает один человек — несчастье, два — неприятно, три человека — очень неприятная последовательность, но, когда умирает 13 человек за несколько дней — это серия.

Главный врач, а по совместительству патологоанатом, в своей докладной записке говорила, что всё это выглядит, как серия убийств. В основание своих слов она писала, что все жертвы были связаны между собой. Но больше ничего, что подтверждало бы преступление. Та самая патологоанатом настаивает, что это убийства с применением ядов, что же... будет версией. Я, если честно, так и не понял, что такого могло быть необычного в этом случае?

Рутинное дело. Я думаю, там можно найти не только убийства с применением ядов или как там у них происходит, там и хищение будет, и разграбление.

Перед вылетом мне очень доходчиво объяснили, что Саммаи — очень важная политическая колония, и её спокойное, обустроенное и безопасное существование — особо важное задание. Что ж, я непротив.

Лечу я уже трое суток, сегодня ждём, по стандартному времени, я прибываю на Саммаю. Около 12 часов по полудню. Сам не знаю, с чего начинать. Инструкция, конечно же, важна, но у меня нет практики и совершенно нет идей.

Сейчас я выйду с корабля и что делать? Купить себе хоть какую-то другую одежду, это — первое. Потом — к патологоанатому, нужно допросить её, следом — родственники жертв и их связи.

А пока, можно поспать.

Глава вторая. Странности

Я вышел на трап и первое, что увидел — непередаваемые переливы цветов. Местная атмосфера была окрашена начиная с голубого, заканчивая фиолетовым тонами. И это всё перетекало и смешивалось на небе, местами поблескивали разряды молний в самых высоких слоях атмосферы. Грома тут практически не бывало.

— Да, красиво, но учтите крайне опасно, — голос был женский, хриплый, немного знакомый. Только я не могу понять, кого мне она напомнила. — Я — Лидия Сергеевна, это я отослала письмо в Прокуратуру.

— Очень приятно, я — Жиглов Сергей Васильевич, следователь Прокуратуры. Меня выслали расследовать ваш случай. — Я нервно улыбнулся — Вы одна тут?

Я спустился по трапу. Корабль начали разгружать. Я летел на грузовозе, на колонию присылали очень много товара. А увозили только руду. Кроме Главного Врача меня встречал директор шахт и руководитель поселения. Они выглядели очень встревоженными и даже напуганными.

— Я — Жиглов, Сергей Васильевич, следователь Прокуратуры — представился. Их испуг можно было трактовать и как страх быть раскрытыми, если они что-то совершили, либо — они просто боятся умереть. — Вы бы могли мне рассказать, что происходит здесь, по вашему мнению?

— У нас происходят смерти — сказал видимо директор шахт толстый, красный лицом, человек с бородой.

— Смерти происходят везде — отозвался я. Что же, я не понимаю, что в интересах метрополии — не делать шума и, если тут на самом деле есть маньяк, то я должен поймать его как можно быстрее. — Если же тут нет даже убийств, то нужно составить акт о том, что это либо несчастные случаи, либо — биологические смерти.

— Да, конечно, — отозвалась женщина. В свете неба её лицо казалось мне похожим на лицо Морока: бледное, холодное, немного надменное, но удивительно спокойное, — вы правы. Вчера у нас погиб шахтёр, позавчера — пьяный водитель разбил траулер. Но эти тринадцать смертей — похожи, как две капли воды.

— Они умирали один за другими? — спросил я. Мы сели в машину и поехали по центральной улице поселения. Куда — не знаю.

— Нет, двое умерли в один день, ещё один — через три дня, — пояснили мне. Если это — серия убийств, то нужно искать связь между людьми.

— Мы можем отправиться в морг? — спросил я — сразу же посмотрю трупы и почи-таю результаты вскрытий...

— Остались только пять тел, первого мы похоронили сразу, другого, в общем, я предполагаю только, что он умер так же, как и другие. Его сильно погрызли дикие животные, тело нашли в лесу за пределами поселения. Ещё двое — лежат в коме, их смерть — дело времени. Три трупа переданы семьям, для похорон — рассказывала Лидия Сергеевна.

— Расскажите мне, как происходила смерть. — Мне что-то подсказывало, что тут есть, что расследовать... надеюсь, я быстро справлюсь.

Мы ехали по улицам, наполненным людьми. Городок совмещал в себе признаки развитой цивилизации и в то же время — местные каменные строения, которые строились ещё века тому, плетёные, лёгкие пристройки... Мне показалось, что это не город, одеяло из лоскутков.

На западе стояли два десятка чёрных вышек — верхушки шахт и несколько светло серых складов. Большая часть их, согласно карте — на юге. Мы едем на северо-запад.

Вообще крупных зданий тут всё равно не много. Есть гостиница в пять этажей, туда меня поселят, как сказал Савельев, когда мы проезжали мимо корпуса. Ещё была трёхэтажная больница, куда мы направлялись, здание местного исполнительного комитета и управы, суд, тюрьма и дирекция Шахт. Всё это было не выше 4-5 этажей.

Я вернулся к рассматриванию моих спутников. Нужно хорошо знать, с кем имеешь дело. Директор Шахт, Савельев, толстый, красный лицом человек, который боится собственной тени. Я задумался, чего это он так себя ведёт?

Исполнительная власть тут была представлена Редькиным Леонидом Николаевичем. Этот наоборот был очень худой, бледный до синевы и, что удивительно, был крайне спокоен. Возможно, Савельев был просто напуган опасностью. В то же время он мог быть замешан во что-то, что неизвестно Редькину, наоборот, вариантов — масса.

Я посмотрел на Лидию Сергеевну. Она была значительно старше меня, лет на двадцать. Но в, тоже время, она выглядела очень даже не плохо. Седина едва тронула голову и даже не на висках. Между чёрными коротко стриженными волосами мелькали пряди серебра, красиво, в общем. Я решил, что обязательно сфотографирую её, для себя.

Она была, возможно, чуть полновата, Лига на много худее её, к примеру. Но на Лигу она была очень похожа, только волосы коротенькие. Одета она была в светлый брючный костюм, из лёгкого хлопка. Как мне было жарко. Тут очень тёплый климат, ОЧЕНЬ тёплый, +25-26 днём, высокая влажность 50-70%.

Мой форменный костюм пропотел мгновенно, дышать нечем.

Глава третья. Шахтёр

Я сидел на стуле, а Лидия Сергеевна расхаживала вокруг меня. Она подробно рассказывала мне свои наблюдения. Из них исходило, что девять умерли точно по одной схеме. Происходило это таким образом: с начала они поражались неким неизвестным ядом, болели несколько часов, впадали в кому, и ещё через несколько часов — умирали. Сколько часов между поражением ядом или чем-то другим и смертью, точно не знаем. Лидия Сергеевна предположила:

— По метаболизму и результатам вскрытий трупов, которые хорошо сохранились — между поражением и смертью — 7-8 часов. — Лидия Сергеевна села за стол. Я разло-

жил свои бумаги на соседнем столе и стал оформлять. Начала болеть голова. Нужно попросить у Лидии Сергеевны что-то от головы. После травмы у меня бывает...

«Итак... — думал я — есть у меня пара версий реалистичных: это — серийные убийства, притом их травят. А для этого нужны особенные знания. И первый претендент на роль подозреваемого, наша Лидия Сергеевна.

Версия вторая — отравляющее вещество распространяется естественным путём, например, — растение. Люди могли понюхать цветок, или употребить растение в пищу. Одновременно. Если вернуться к предыдущей версии — Лидия могла бы использовать растение.

— Лидия Сергеевна!!! — в кабинет ворвалась медицинская сестра — Ещё один пострадавший...

Дальше мы бежали вдвоём по коридорам. Я бы заблудился там, если бы не Лидия, которая вела меня. А в палате я увидел дюжего детину — шахтёра и высокую, как будто бы вытянутую женщину. Как я понял — это его жена.

— Что с ним? — прошептала женщина — это ОНО... да? мой муж умрёт???

— Выйдете — рявкнула Лидия — Сергей вы можете наблюдать вместе со мной — она подключила аппаратуру, комната наполнилась писком. — Давайте поговорим с женой?

Я вышел в коридор и подошёл к сидящей на стуле женщине. Она плакала навзрыд. Рядом с ней сиротливо жалась трое детей. Я представился и стал задавать вопросы.

— Он... я пришла с ночной смены, а он уже лежал... без сознания.

— А дети где были? — я указал на детей, которые испугались меня ещё больше.

— Я... я, когда иду домой, я захожу за ними в школу. У нас все работают посменно, в четыре смены, обычно ночью кто-то есть дома. А вот вечером... у нас есть группы продлённого дня, — поясняла женщина, растирая слёзы — Вот мы вернулись, господин прокурор, а он там лежит... Мой единственный кормилец...

— Но вы ведь тоже работаете!

— Да что там... он у меня... ну, в общем, скоро мы собирались вернуться на Землю, жить, как подобает... Мы, накопили достаточно денег.

— И сколько вы тут живёте? — осведомился я.

— Два года уже...

— А сколько вы накопили, если не секрет. Если секрет, я узнаю иначе, — я улыбнулся.

— Муж говорил о 23 тысячах рублей.

Я записал что-то в свой блокнот. И одна мысль мешала мне жить в этот момент. Шахтёры, конечно, зарабатывают много, но не до такой, же степени! Тут что-то не так. Это — нужно выяснить немедленно. Я зашёл в палату:

— Лидия Сергеевна, вы можете сказать, что убивает этих людей. Состав яда, токсины? — спросил я.

— К сожалению, я не могла выделить его из тел погибших. Он очень быстро разлагается, — пояснила Лидия — Но теперь я могу это сделать, у нас есть кровь ещё живой жертвы. — Мне показалось, или она на самом деле даже не жалела этих людей?

— Сделайте развёрнутый анализ.

— А как же, я могу сказать с вероятностью 70 %, искусственный он или натуральный, яд, — сказала врач. Я вышел из палаты и направился к выходу. Нужно кое-что выяснить, как например, почему это у шахтёра такая большая сумма денег вышла за два года.

Начнём с того, что он вполне мог что-то украсть с шахт и продать. Проведём инвентаризацию. Версия вторая — он украл у людей деньги. Проверим, не было ли краж у тех, которые пострадали уже, все тут неплохо зарабатывают, по каким-то причинам, и теперь их убивают, а деньги крадут. Нужно обязательно проверить, есть ли деньги на месте...

Я шёл по улице и смотрел по сторонам. Если бы не такая серьёзная проблема со смертями, мне бы понравилась эта планета. Краски — неповторимы. Я стал у дверей машины и смотрел на небо. Не зря. Я увидел, как через верхние слои атмосферы пла-

неты, прорывался корабль, и пошёл он не в сторону посадочной площадки, а вглубь лесов.

— Что это было? — спросил я у директора Шахт — Ваш корабль?

— Какой???? Какой корабль? Это метеор, такое тут бывает... — это — ложь. Я понял сразу же. Директор Савельев врал мне. Корабль, значит в лесном массиве — посадочная площадка. Возят контрабанду. Всё это — известно Савельеву. А в таких случаях в доле вся верхушка. Лидия тоже может знать.

Итак, нужно связать смерти пострадавших с контрабандистами, либо отместить этот вариант. Нужно узнать, что они возят, как? Но для начала — нужно купить себе приемлемую одежду, пообедать и выпить, наконец, таблетку от головы!

— Сергей Васильевич? — та самая Лидия Сергеевна вышла и остановилась рядом — Я думаю, вам нужна помощь кого-то местного, — она улыбнулась — куда делся ваш багаж?

— Его не было, мне нужна одежда, обед и таблетка от головной боли... — сказал я.

— Я провожу вас, мы пообедаем, и я вам кое-что расскажу — сказала она тихим голосом, увлекая меня за собой. Она всё больше и больше нравилась мне, несмотря на то, что казалась ЧУЖОЙ.

Глава четвёртая. Яд?

Первое, что я сделал, это купил себе одежду. Ну, наконец-то свежая рубашка. Я даже не думал, что могу так обрадоваться простой рубашке, а что говорить про джинсы? Я с удовольствием переоделся в обычные чёрные джинсы, футболку и непонятного цвета рубашку. Больше всего она напоминала местное небо. Я решил, что сохраню её, на память.

Лидия Сергеевна сидела на диване, пока я возился с переодеванием и помоему — что-то обдумывала. Я всё время думаю, кого мне она напоминает? Кого-то знакомого, а кого — не пойму. По крайней мере, она мне помогла, я бы в жизни не понял, что плетёное строение с крышей в форме тыквы — магазин одежды.

— Могу предложить местный аналог закуской — сказала Лидия, когда мы вышли из «тыквы» — не ядовито, я там иногда обедаю, когда удаётся.

— Точно не ядовито? — Я, если честно, ждал, что она мне собиралась рассказать. Но Лидия молчала или говорила, о чём попало. Она вела меня по запыленным улочкам, между домами шахтёров. Построены они на половину из местного, а на половину из привозного сырья. Наконец мы свернули ещё раз, и я увидел несколько плетёных, опять-таки, строений, утыканных растениями, лианами, папоротниками и прочим. Я не силён в космоботанике.

Нас встретила упитанная женщина лет 40, и, поздоровавшись с Лидией, пристально посмотрела на меня:

— Прокурор с метрополии? Да?

— Быстро же тут новости идут! — усмехнулся я печально.

— Да, быстро. Я думаю, что самая дальняя шахта знает, что вы на планете, — толстуха провела нас в самый дальний плетёный шалаш, и оставила там. Я пытался собраться с мыслями, что кушать и как выпытать у Лидии то, что нужно.

— Серёжа, можно мне так назвать? — я рассеянно кивнул — Ты видел корабль? Тот, который пошёл на посадку в глубину леса? — я кивнул. Говорила она тихо, и я понял, что этот плетёный шалаш — что-то вроде конспиративной квартиры, в понятии Лидии, конечно — Он на самом деле — контрабандистский. Как ты думаешь, что возят?

— Руду? Может быть — редкие животные или дерево? — предположил я.

— Не мелочись, мальчик — улыбнулась она и мне показалось, что кто-кто, а Лидия Сергеевна знает ОЧЕНЬ много, гораздо БОЛЬШЕ, чем можно подумать. Просто, о жизни. — Саммаи — величественная планета с величественным прошлым. Когда Метрополия пришла сюда, тут были только развалины былого величия, но какие! Гробницы, храмы, дворцы и города... Скульптуры и стэллы, украшения и утварь... всё это имеет свою цену на рынке старины, но какова цена на чёрном рынке одной вот такой плешечки? — Я

так и не понял, откуда она достала её. Маленькая, круглая плошечка, из местного эквивалента глины, расписанная красным глянцем.

— Не знаю, к сожалению, — сказал я и с трепетом, который поднимался из самой груди, прикоснулся к вещи.

— Её оценили в 1000 рублей стартовой цены, сколько будет на аукционе легально — не знаю. Чёрный рынок предлагает мне 5000 гарантировано. Особенно если знать, эта плошечка была найдена в гробнице Унсарат. — сказала она и тут же пояснила : это была IX царица. У меня на шее дёрнулся камень с Мороком. Я сам вздрогнул. Неужели Морок проснулся? Убивает людей кто-то из подобных Мороку существ? Зачем? Почему??? Как теперь быть? Покинуть планету невозможно. — Унсарат была царицей видимо не долго, я так поняла из того, что мне сказали палео-археологи. Они насчитали всего 10 лет по стандарту. Тут — и того меньше. Но перед ней преклонялись, и помимо подношений, похоронных церемоний в храме обнаружили более поздние подношения, уже эпохи, когда эти удивительные существа покидали пределы своего мира...

«Унсарат моя прабабка» мелькнуло в моём мозгу. Закружилась голова.

— Серёжа??? Тебе плохо... — Лидия оказалась рядом и помогла мне лечь на круглой лежанке, которая здесь была как стул

— Нет, всё хорошо, наверное, я давно не ел, давайте поедим, наконец, а потом мне нужно отослать доклад и письмо. — Я выровнялся и задумался. «Сначала доклад Генеральному Прокурору. Тут умирают люди. Умирают. А ещё тут процветают контрабандисты. А ещё, ещё. Это мы уже напишем Аничкину. Это родной мир Морока».

На груди что-то вздрогнуло, и я почувствовал некоторое беспокойство, исходившее от камня. Такое впечатление, что Морок горевал. Я бы тоже горевал, если бы так давно не видел родины и попал туда в виде комка энергии, заключённого в камне.

Лидия позвонила мне очень поздно, или скорее — очень рано. Она долго сопела в трубку, видимо что-то открывала, а потом оглушительно для меня, заговорила:

— Несмотря на крайне сложную структуру молекулы, это — природный яд. Но я такого ещё никогда не видела. Он — великолепен. Его действие практически мгновенно. Я проверила на местном эквиваленте мыши. Жертва вряд ли понимает, что была поражена ядом. Он не проявляется, пока не вызовет несвёртываемость крови. В сравнении, это — как кровотечение, но изливается кровь только в одном органе - в мозге. Человек становится, как капуста. На третий — четвёртый час — поочерёдный отказ внутренних органов. На восьмой — девятый час у него останавливается сердце, от аллергической реакции, или от нагрузки.

— Вы знаете, как это лечить? Противоядие? — Сонно спросил я. Вечером я отправил доклад и письмо для Аничкина, зашифрованное «Помните нашего Друга? Я у него дома...» Как думаете, они поймут? Я оставил включённым компьютер, если придёт сообщение от Генерального Прокурора.

— В том и великолепии этого яда, что нет от него противоядия. Его и не может быть, помните, я говорила, что яд вызывает гемофилию? — Лидия на другом конце связи мелко захихикала — Идеальное оружие, только вот очень сложное в использовании. Я всё не могу понять, что это такое... Опасно для самого преступника. Я думаю, что если есть убийца, то он уже поражён.

Глава пятая. И снова Морок

— Ложитесь спать, Лидия Сергеевна, завтра напишете мне развёрнутый доклад, — сказал я и лёг на подушку. Трубка сотового телефона отозвалась голосом Лидии:

— Ещё трое пострадавших, не могу. Один из них — не наш, без регистрации. Я думаю — контрабандист.

— Так, он уже в коме??? — я слетел с кровати и пытался найти брюки.

— Он пришёл сам, у него было носовое кровотечение и он твердил, что его «пожрут тени минувших Великих» — процитировала она — я взяла анализ крови и сразу же положила его под систему поддержания. Накалываю его гемолитическими лекарствами.

— Я могу с ним поговорить? — Я, наконец, одел штаны

— Да, конечно. И советую вам спешить, я не думаю, что смогу долго держать его на лекарствах, — наконец Лидия отключилась, а я бегом перемещаясь по гостиничному номеру, надевал оставшуюся одежду. Не зря прихватил с собой курточку, которую заставила меня купить Лидия. Ночью тут было прохладно, а ещё моросил дождик

Вести меня было некому, я почти бегом бежал до больницы. Хорошо, хоть пустили меня сразу же. Я не успел раздеться, как влетел в кабинет Лидии.

— Он ещё может говорить??? — Лидия посмотрела на меня и не скрывала улыбки — Лидия Сергеевна, чего вы смеётесь???

Она показала мне на не большое зеркало на стене. Я оглянулся и увидел. В общем, я надел рубашку на выворот и застегнул с ошибкой на пару пуговиц. Представьте, как я смутился!

— Да, он может говорить — сказала, наконец, Лидия, посмеявшись немножко — снимите рубашку и идёте.

Человек лежал на койке, подключённый ко всем возможным аппаратам. Он лежал и смотрел на меня. Мне показалось, что он представитель не русской национальности, но при этом и не восточной.

— Меня зовут Сергей Васильевич, я прокурор метрополии, — пояснил я — советую вам рассказать, всё, как есть. Где, по-вашему, вы были поражены?

— А... — хрипло просипел человек — мы все погибнем...

— Ещё раз. Где вы были перед тем, как заболеть? — спросил я. Наконец этот человек начал говорить более или менее внятно:

— ...там... храм...да вы, в Метрополии всё знаете, у вас там «выставка древнейших нечеловеческих искусств» — он прокашлялся кровью. Я отпрянул от него — Мы его почти что весь продали... храм. А «богиня» там всё-таки есть.

— Какая «богиня»???

— Это она меня...и их... — он вздрогнул и закатил глаза. Приборы, как взбесились, меня оттолкнула Лидия, но очень скоро повернулась ко мне лицом и сказала:

— Он умер, — я сжимал в руках диктофон. Единственная реальная зацепочка. Храм некой «богини» — кстати, при нём был «товар»

До утра оставалась пара часов, так что я отправился в кабинет Лидии и лёг на кушетку, немножко подремать. Там так и лежала моя рубашка. Я подложил её себе под голову и очень резко провалился в сон. Мне снилось, что я сижу на красивой резной лавочке, я чувствовал удивительно приятный запах, толи цветы, толи духи... Я поднял голову, и чуть было во сне не подавился, на меня смотрел Морок, собственной персоной.

Сейчас я внимательно рассматривал его, он был не многим старше меня, если живёт он столько же, сколько и люди, что — вряд ли. У него острые черты лица, узкие поджатые губы, крупные, раскосые глаза. Он стоит и смотрит на меня. Я смотрю на него...

— Ты меня знаешь — сказал Морок, утвердительно. Мне оставалось только кивнуть — ты меня помнишь, и сохранил, и даже развил способности. Похвально, как для человека...

— Что тебе нужно? — спросил я как можно спокойнее — Я думал, что ты давно отправился к праотцам.

— Я не могу — не менее спокойно ответил Морок. После предыдущих воплей и визга, демонического смеха и вторжения в человеческий разум, Морок вёл себя очень хорошо. — Я слушал всё, что вы тут говорили, и хочу вам помочь. Люди... некоторые... мне начали нравиться... вот как Лидия...там...

— Хорошо, что ты не властен больше над разумом, — я позволил себе усмехнуться — так, что ты хотел сказать?

— Ты не понял, глупый человек, Лига — моя любовь, а Лидия — просто человек, которого я уважаю, как равного мне — начал рассказывать мне призрак. Я понял, что, если не заставить его замолчать, то так и не узнаю, зачем он пришёл ко мне.

— Я не сомневаюсь, — сказал я — если захочешь, я расскажу об этом Лидии. Только давай сейчас по делу.

— Да, по делу... — Морок развернулся ко мне спиной и взмахнул рукой — тот глупый алчный человек — он показал мне на картину, возникшую перед ним, храм, пирамида со скошенным верхом, — он сказал правду. Вы, люди, те, которые приехали на Инуя Рапаю, вы разграбили гробницу моей тётки и ты, Сергей, думаешь, что она ЭТО так просто оставит???

— Твоя тётка??? — Я по-настоящему удивился — а почему она поступает не так как ты?

— А тебе яда мало? — фыркнул дух.

— Как он распространяется, как заражаются люди?

— Не знаю... — дух создал прямо передо мной крошечную иллюзию.

— Ты знаешь, что проспал? — спросил Морок вдруг.

— Я уже понял... раз тут ты, то будет проблема.

Я проснулся от того, что меня теребила за руку Лидия. Она выровнялась и сказала:

— Тебе два сообщения.

Глава шестая. Храм

Я сел на кушетке, взял КПК из рук Лидии, и набрав собственный код стал читать сообщения. Одно из них было написано Аничкиным и Лигой, совместно:

«Да неужели ты повстречал семью нашего друга? Как они там? Такие же, как и наш друг?» ответил «Ещё и как. Их ограбили, так они этого не прощают никому. К слову спросите у моего начальника, где я, всё поймёте. Ещё...»

— Лидия Сергеевна, — позвал я главного врача, — в каком музее выставка с Саммаи?

— Космической Истории.

— Спасибо. — Я вернулся к набору текста: «...Сходите в музей Космической Истории, вам понравится выставка, сразу же идите в зал «Упанишау», как можно быстрее, она скоро закончится.

Надеюсь, они поймут и узнают черты лица.

Генеральный Прокурор, как не странно, принял на веру мои слова о том, что причина смерти людей связана с тем, что был разграблен Храм. Он написал мне:

«... Найдите причину и нейтрализуйте её. Любыми способами. Докладывать мне лично».

С чего это такое доверие? Я ведь не большой человек, а только начинающий работник. Ну да ладно. Я встал с кушетки. Лидия уже куда-то ушла. Я собрался её искать.

Сразу за столом и креслом Лидии — карта поселения Саммаи 1. На ней были отмечены все постройки городка, даже те, в которых обитали аборигены. А так же там был отмечен храм Упанишау, он был в километре от границ Саммаи 1. Собирался я ехать смотреть на тот самый храм Упанишау. Но привлекло меня то, что на карте были отмечены места, где были обнаружены тела или жили пострадавшие. Не дальше 1 километра от Храма. Юг, Юго-запад, Юго-восток.

Я вышел в коридор, и периодически заглядывая по комнатам, искал Лидию. Куда она делась? Но вместо Лидии я наткнулся на представителя местной расы, худого, сморщенного аборигена. Он мыл полы. Я остановился рядом с ним и немного понаблюдал:

— Вы не знаете, где Лидия Васильевна? — спросил я. Бедный абориген вздрогнул. Не знаю, что его так напугало, то, что я с ним заговорил?— Главный Врач! Лидия Васильевна.

— ...Да, да... Лидия... Васильевна... мудрая женщина... — закричал худосочный абориген — Мудрая... Скиф не знает, где Мудрая.

«Мудрая»? Интересно, что это значит для того же Скифа? И где же эта самая «Мудрая»?

— Хорошо, а куда она могла пойти? Вы же моете полы, куда она пошла?

— Храм... храм Упанишау ... Мудрая говорила.

— Вы знаете, что такое «храм Упанишау»? — я решил, что абориген, который поклоняется Упанишау, расскажет больше.

— Люди... обидеть Упанишау, великую и могущественную. Они забрали, забрали её загробное тело... — Я стоял и слушал Скифа — обидели, люди казались мне такими мудрыми, как Лидия. Казались как Хозяева, как Упанишау. А ОНИ солгать.

— Спасибо, — я достал кошелёк и вынул сотню — не все люди воруют — я протянул деньги. Из-за поворота показалась Лидия, в нежно розовом платье, расшитом гладью, наверх был накинут белый халат. Она строго на меня глянула, а потом сказала:

— Ну, что?

— Так, мне нужно отдать ряд указаний. — Сказал я — Найдите мне Сазонова и Редькина. — Лидия, молча, достала телефон из кармана халата, ещё более уничтожительно на меня глянула и сказала:

— Позвони, командир выискался, — потом добавила — ещё три трупа.

* * *

В храм со мной согласилась ехать только Лидия, и я ей этого не предлагал. Она сама предложила взять её с собой. Я заготовил фотоаппарат, диктофон. Лидия принесла чемоданчик, перчатки и респиратор для меня и себя

— Лидия Сергеевна, можно я вас сфотографирую? — спросил я, направляя на неё фотоаппарат.

— Нет. Нет, пожалуйста, — неожиданно для меня Лидия взмахнула руками, прикрывая лицо, — это не самое лучшее дело. Фотографируйте лучше виды и Храм.

Я не стал настаивать. Всё-таки, фотография — личное дело каждого. Я предлагаю, только предлагаю. А вышли бы удивительно красивые фотографии. Лидия женщина статная, и, несмотря на некоторое презрительное поведение, кажется мне привлекательной.

Храм встретил нас молчаливой, величественной красотой веков. Я ходил и фотографировал храм, Лидия обходила по кругу с датчиком, настроенным на формулу яда. Искала источник. Я всё равно решил её сфотографировать. Не так, как думал, в художественной форме, в костюмах и нарядах, но в работе...

Я снял вспышку и сделал несколько панорамных снимков, на которых Лидия что-то читала на датчиках, потом увеличил и снял её совсем близко, в работе, она была очень серьёзной. Она немного щурила глаза, слеповата, наверное.

Я вздрогнул, камень Морока горел огнём. Я вынул его из-за шивороты, он вспыхнул несколькими красными вспышками, меня толкнуло на землю, маска упала рядом. Я прижал её к лицу, надеясь, что не вдохнул перед тем, рефлекторно. Лидия уже была рядом:

— Серёжа, мальчик мой, как ты? — она помогла мне встать — что это было??? Что за вспышки? — она пригляделась ко мне — у тебя упала маска???

— Да — я медленно поднял руку к лицу — Я отравился?

Лидия молчала. Я собрался с силами...

Глава седьмая. Встреча с духами

Лидия Васильевна, Лидия... — сказал я — послушайте. Вы должны отослать письмо с моего компьютера в Генеральную Прокуратуру. Адрес там есть. Если я умру, вы должны пояснить Прокурору Щавелю, это генеральный прокурор, что убивает людей...

— Хорошо, — кивнула Лидия, но я видел, как изменилось её лицо, посерьёзнело, проступил некий страх.

Мы ехали в город очень быстро. Вела, на всякий случай, Лидия. А я молчал... Морок. Однозначно... Морок сделал ЭТО, он кинул меня об землю, я потерял маску... «До чего ж ты подоночная тварь, Морок. Какой дрянью ты был, такой и остался. А я не выбросил

тебя в воду, не запустил в Космос, я всюду носил тебя с собой, что бы тебе было не СКУЧНО!» думал я.

Морок молчал, совершенно игнорируя меня. Я на самом деле очень испугался. Умирать не хотелось. Я мечтал жить очень долго и увидеть очень много, а тут, я просто чувствовал, как начинает болеть голова, где-то внутри мозга у меня открылось крово- течение...

* * *

Лидия вколола мне огромную дозу обезболивающего препарата, я даже не чувствовал, как медленно отказывает моторика. Я только понимал это, запаздывая, но понимал, глядя на то, что не могу уже пошевелить рукой. Это судьба умереть молодым. Морок, похоже на то, умер очень молодым. Я же видел его лицо, лицо юноши...

«Да, я умер очень молодым, даже по вашим, человеческим меркам» Морок ответил, наконец, тихим, печальным голосом. Но мне было плевать на то, что так расстроило духа.

«Ты... Ты убил меня!!!» завопил я «и ты явился ко мне в сознание!»

«Я не убивал тебя...» я уже смог рассмотреть его, хрупкая фигурка в чёрном или сером плаще «Я не стал-бы убивать тебя»

«Тогда почему я летал по залу Храма?» спросил я «Сам?»

«Из-за меня» — просто ответил Морок. Я медленно закипал, от того, что не мог хоть как-то ответить «Я пришёл в чужую гробницу, а меня не приглашали».

«А сказать то ты мог?» фыркнул я.

«Я думал, что тётушка будет не против...» — несколько смущённо сказал Морок «она»

«... выгнала тебя и убила меня?» заорал я.

Я СЛЫШАЛ, что происходило вокруг. Лидия ходила рядом, пищали датчики. Но я не мог подняться, не мог сказать и слова. Морок создавал в моём сознании или не понятно где, что-то вроде зала из белого камня. Я сидел в белом кресле из мягкого материала. Сам Морок ходил со стороны в сторону.

«Упанишау желает поговорить с тобой, Человек. Это великая честь».

«Очень приятно» ляпнул я...

«Человек...» голос её грохнул в зале, я подскочил в сознании даже. «Так вот ты какой», хриплый, грудной, величественный. Я пытался разглядеть фигуру в белой мантии «И ты пришёл узнать, что убивает таких — же, как и ты?»

«Да, и зачем вы это делаете?» спросил я, вставши «Что вам лично сделали горняки?»

«Что сделали??? А вы не понимаете?» она вспылила, взлетела, взмахнув руками — крыльями. Но тут, же остановилась и посмотрела своими тёмно синими глазами: «О да... Человек... ты так хорошо думаешь про других людей...» — она даже покачала головой «благородное существо...» она взлетела на помост и села в кресло по левую сторону от меня: «Храм мой ты уже видел, даже снимал на свою примитивную технику» — проворковала она «А видел ли ты постамент, НА КОТОРОМ СТОЯЛА МОЯ СТАТУЯ!!! Из золота...»

«Да, я даже знаю, куда её увезли» сказал я и начал понимать... Проклятая гробница. Яд — проклятие гробницы...

«Верните мою статую и покиньте гробницу навсегда...» повелительным тоном сказала Упанишау. Но мне это не подходит!

«А планета? Люди должны тут остаться. Зачем вам планета???»

«...х. отчаянный воин... ты так веришь в доброту людей. Пусть остаются, но только, если мою статую поставят на место, либо все умрут...»

«И я?» поразительно, как я был спокоен. «Мне уже мало осталось»

«Да, мне очень жаль, храбрый воин...»

Контакт прервала внезапно. Я опять оказался в кромешной темноте своего собственного сознания. Я слушал, как рядом стоит женщина и что-то говорит. Похоже, она говорит по телефону. Это — Лига! Она стоит рядом и говорит по телефону, про меня...

Я очень хотел сказать ей, что нужно сделать, но не мог. Выход был один, я стал настраиваться на телепатический контакт с Лигой. Женщина была рядом со мной, и это упрощало контакт.

«Серёжа...»

«Лига... милая Лига... Вам нужно вернуть Упанишау её статую. Золотая статуя Упанишау. Поставьте её на место, и больше не будет яда. Лидия Васильевна, главный врач больницы, она покажет куда».

«Хорошо, дружочек».

«Прощайте, простите, что всё так получилось».

* * *

Я очнулся, как от резкого толчка в спину. Как будто бы кто-то сильно пнул меня. Я открыл глаза и первое, что я увидел — Лига. Она сидела за столиком и что-то набирала на КПК. Я пошевелился, и, облизнув губы, сказал: — Лига?

— Серёженька — Лига отложила свой КПК и подошла ближе — Ты очнулся, это прекрасно.

— КАК я очнулся? Это вы мне помогли???

Глава восьмая. Куда исчезла Лидия?

— Нет. — Лига посерьёзнела — ты лежал в коме неделю. Я не знаю, почему ты очнулся без видимых причин. Я, я, конечно, очень рада, что ты пришёл в себя — Лига смутилась от того, что сказала. Она и не думала сказать что-то не то.

— Где Лидия Васильевна? Вы уже говорили с ней? — спросил я — Главный врач.

— Боюсь, боюсь мы не нашли её — сказала мне Лига — Мы искали её в городе и в лесу, и даже в Храме. Если честно, то у нас есть подозрение, что она была заражена ядом и ушла в лес, очень глубоко, чтобы умереть там.

— О... о нет. — Если бы кто только мог понять, как жаль мне, было тогда Лидию. Она казалась мне мудрой, очень приятной и образованной женщиной. Мне хотелось умереть самому, лишь бы, такие как она, жили. Её сарказм, хищная насмешка, она была личностью.

— Мне очень жаль... — Лига колыхнулась в сторону. Она не изменила стилю одежды и была одета в зелёную тунику и чёрную юбку. — Мы забрали все её записи. Надеюсь, это пригодится в разработках.

— Мне всегда казалось, что Лидия очень хотела исследовать этот яд. Она прикладывала титанические усилия, чтобы понять, как создан этот яд и, как бороться с ним. Лига как-то странно посмотрела на меня.

— Как хорошо, что ты очнулся — Я мучился выбором, рассказывать Лиге, что Морок со мной или нет — Я думаю, что завтра мы сможем улететь на Землю. Тебя точно представят к званию.

— Скажите, как вы смогли заставить отдать статую? — спросил я.

— Просто немного нужных знакомств и доклады нужным людям, — улыбнулась Лига — отдыхай.

Сначала я нарезал букет местных цветов, чтобы поехать в Храм, к богине Упанишау. Она, конечно-же не снизошла, чтобы появиться передо мной. Но, если честно, то я прощался с Лидией.

Потом я вернулся в комнату в отеле и стал собирать вещи. Лига и Аничкин привезли мне костюм, так что я был одет в прокурорскую форму. Я собрал ноутбук, поднял его, и... под ним лежала записка, написанная почерком Лидии:

« За меня не волнуйся ».

Я сел тогда на стул, что-то сверкнуло за окном, отражая молнию, прямо мне в глаз. Я выглянул в открытое окно, на ветках растения висела порванная цепочка, на которой болтался крошечный медальон. На верхней панельке была выбита роза, а со спинки — надпись «Сахмет».

Я чуть не закричал. Что-то ойкнуло в глубине сознания. Зашевелился Морок? Лидия Васильевна значит живая. А тогда зачем ей уходить так внезапно, не забрав вещей? Она оставила на моём столе даже чашечку, которую показывала в кафе. Я спрятал её в чемодан, вместе с тем, что тут купил.

Итак, она сбежала. Лидия Васильевна сбежала. Осталось выяснить, почему. И вот, что я сделал : сначала я скачал файлы системы охраны Саммаи 1 это—проще простого, при наличии моего личного кода. Я хотел узнать её фамилию, IDкод, номер страховки. Именно по этим данным я узнаю, кто она, как жила до того, что искала на Саммаи.

Но...

Её личное дело было практически не заполнено. Только имя-отчество, возраст и страховочный номер. По дороге я проверил его по базе данных, проверил, чтобы узнать, что этот код принадлежал давно умершему человеку.

Имя её ничего мне не давало, Лидия Васильевна. Вот почему она не хотела, чтобы я фотографировал её. Именно тогда, когда меня посетила эта мысль, я стал просматривать фотографии. Часть из них я вставил в отчет. Так нужно, собственно и фотографировал я именно для отчёта...

На одной из фотографий она всё-таки была чётко. Очень далеко, не ясно, склонившись над аппаратурой. Но всё может техника, если знать, как. А фотоаппарат у меня с самым сильным разрешением. Я на него откладывал деньги целый год...

Но заниматься этим мне было не с руки. На корабле. Нужна высокоточная техника, как в наших лабораториях. Я решил подождать, когда прилетим, я отчитаюсь, получу заслуженный отпуск, и буду разбираться, кто такая Лидия Васильевна...

Пока летел, много думал о том, что спасло меня. Лидия Васильевна, всё-таки нашла противоядие? Тогда почему не оставила нам формулу? Упанишау сняла действие яда своими силами? И почему я не чувствую Морока? Что с ним случилось? Может быть, он остался в том храме, с тётушкой? Или отправился туда, куда должен был? Не знаю, мои размышления не подкреплены фактами.

* * *

Я так и не узнал ничего о Лидии Васильевне. Я выделил её лицо, но, ни один запрос не дал положительного результата. Я пришёл с этой проблемой к Лиге. Лига некоторое время мялась, а потом сказала, что не может мне ни чем помочь.

Мне осталось только отдыхать в заслуженном отдыхе и иногда смотреть на чашечку и медальон со странной надписью на нём...

13.02.2008 — 14.03.2008.

г Харьков

Xena Phoenix

Наталья Ребалко безвременно ушла из жизни 2 сентября 2012 года.

Родилась 27 декабря 1986 года в Харькове. В 2009 году закончила Харьковскую Национальную академию им. Я. Мудрого (магистр, диплом с отличием). Продолжила обучение в аспирантуре Харьковского Национального Университета Внутренних Дел. Но не дожидаясь полтора-два месяца до окончательной защиты диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности криминальное право и криминология; криминально-исполнительное право.

БЕЗМОЛВНЫЙ КРИК

(о романе Амаяка Тер-Абрамянца «В ожидании Ковчега»)

Принято считать, что человек, изображенный на известной картине Э. Мунка кричит. Существует иная интерпретация: человек не кричит, а не знает, куда деваться от крика природы. И я бы добавила — от происходящего на фоне природы. Разум мунковского человека сопротивляется, не выдерживает реальности, человек затыкает уши, глаза расширяются и округляются от ужаса, рот открывается в безмолвном крике...

Примерно такое же ощущение испытываешь при прочтении романа Тер-Абрамянца «В ожидании Ковчега», романа, описывающего события, происходящие в Армении в 1917-1921 годов. Это роман-шок, роман-откровение. Автор взялся за тему, малоизвестную российскому читателю — хаоса и поголовной резни армян, начавшейся с турецкой стороны в 1915 году, усугубленных в 1920 году красным террором.

Роман полон смертей и убийств, в том числе и родственников...кровь льется рекой и реалистические описания гибели невозможно читать — сказывается профессия автора-врача. Все эти трагедии происходят на фоне изумительных южных пейзажей. Прозрачная вода, неспешно перебирающая камешки в ручье, лопающиеся от спелости абрикосы в саду пустой деревни, буйная зелень лесов и синие отроги гор, чистое зеркало Севана, каменные улочки Эривани — все это изображено с такой яркостью и мастерством, что в пейзажи можно войти и подышать горным воздухом, напиться сладкой воды из ручья, потрогать камни домов и скал... Перманентная блаженственность природного рая Армении и перманентный ужас описываемых в романе событий — главный контраст и главная пространственно-образительная составляющая. Не могу судить, получилось ли это у автора промыслительно, или он намерено так сработал свою вещь, но это поражает и читателя держит крепко.

Начинается роман страшно: с горы трупов дашнаков на церковной площади Еревана. И колокол звонит по ним. В город пришла Красная Армия. Главный герой романа, защитник армян — Гурген убит, а над его телом пришлый красный командир произносит речь о приближающемся всенародном счастье и даже запекает Интернационал, под который задавленные горем люди расходятся по домам. Им не надо интернационала (что это за зверь такой?), им нужна защита от турков-убийц, а главный их защитник — хмбапет (командир отряда) Гурген мёртв. Существует устойчивое армянское словосочетание «Мец Егерн» (Великое Злодеяние) для обозначения геноцида 1915-1921 годов. Но российские учебники истории как-то не рассказывали, что к турецкому злодеянию в 1920 году добавилось еще одно: советское. До того времени армянская армия была российской, а по существу, царской. Кроме того, само собой возникло народное движение дашнаков, главной идеей которых было освобождение Армении от турецкого ига. Задачей же нового советского режима было «освобождение» Армении от царской армии и националистов-дашнаков. А вот освобождение от турков — истребителей целого народа не входило в планы революционной армии. Красный террор прокатился по армянской земле, не оставляя в живых ни офицеров государственной армянской армии, ни дашнаков-освободителей... Разница, однако, была: красноармейцы не убивали детей, женщин и стариков, разве что случайно.

Пролог романа о гиганте-хмбапете Гургене закольцован эпилогом, о котором скажу немного позже. Интересно, что роман состоит из многих «колец» — человеческих судеб, связанных друг с другом, и своей чешуйчатостью напоминает перегородчатую эмаль с открытыми ячейками. Да и по цвету, отметим попутно, он такой же яркий, как изделия из финифти. Каждая человеческая судьба представляет собой некую группу, сообщество, населяющие Армению (добавим, Закавказье и Россию — есть персонажи и оттуда) в тот период. Несмотря на то, что каждый образ выпукл и жив, характерен и полнокровен, он несет в себе некую идею, ненавязчиво закладывает в читателя мысль-характеристику событий трагического времени.

Взять хотя бы историю офицера Гайказуни, выведенного для того, чтобы подчеркнуть тесную связь Армении и России. Это по сути, обобщенный образ обрусевшего ар-

мянского офицерства, вышедшего из русских военных училищ. Это человек долга, чести. В Петербурге, в паре с русским дворянином, таким же курсантом Михайловского артиллерийского училища, Гайказуни должен был убить Ленина. Попытка не удалась, Гайказуни едет в Армению, прихватив с собой Елену, русскую дворянку, оставшуюся одинокой в голодном революционном городе. В Армении Гайказуни одержим идеей спасения страны от турков и красных, и для этого объединяется с Гургеном. Он должен тянуть на себе никудышную Елену, изменяющую ему с красавцем штабс-капитаном. После ее побега, он должен спасти детей-сирот, случайно найденных им на развалинах древней крепости. Но дети исчезли... После их исчезновения, бегства Елены, распада армии, а главное — после гибели родины, Григорию Гайказуни стало не для чего жить и он добровольно уходит, пустив себе пулю в голову... Эта трагическая смерть символизирует агонию армянской армии, гибель ее цвета — офицерства.

Вот еще одна судьба — штабс-капитана Мелик-Казаряна. Несмотря на подписанный договор об объединении Красной армии с армянской национальной, новая власть истребляла офицеров, как было тогда принято — без суда и следствия. Армян убивали руками самих армян (а где было по-другому?) Мелик-Казарян сам явился в ревком, по повестке о перерегистрации, надеясь, что ему дадут место в штабе при новой власти. Вместо этого его раздели, спустили в подвал и расстреляли, вместе со всеми, кто там уже был... Отняли даже семейную реликвию — нательный крест, подаренный матерью. А до того, тот, кто отдал приказ, читал, на пару со своей жертвой, стихи Саят-Новы, стоя у окна с умиротворяющим осенним пейзажем... И желтые листья на деревьях чуть подрагивали от легкого ветра... Чудовищность сцены расстрела, последующей за сценами короткого допроса и стихами Саят-Новы даже не говорит, а кричит о цинизме незаконной власти.

Русская дворянка Елена, сожительница Гайказуни, не приспособленная не то что к революции, а и просто к жизни, сбегает с англичанином — представителем Антанты, ища безопасности и сытного обывания. Ее образ олицетворяет вполне понятную неготовность русского дворянства к реалиям времени. Бежали все, кто мог и как мог, чтобы не оказаться расстрелянным на улице за шелковое платье или пенсне. Несмотря на отрицательность образа Елены, её не получается осудить по-настоящему. Это, пусть не отчетливо, но понимает и старик (по-мужски, конечно, осуждая беглянку), у которого пара снимала жилье. Старик не только из деликатности запрещает своей жене говорить об изменах Елены.

Как бы в противовес Елене, автор выводит пленительный образ молодой армянской женщины Сатеник, муж которой сражается на европейском фронте России (до революции армян мобилизовали и посылали сражаться повсюду, как и всех армейских в Российской империи). Муж пропал без вести, Сатеник работает в госпитале, где выхаживает раненых, заботится о сыне, живя в сарайчике на территории дома богатых родственников и ни на что не жалуется. В Сатеник влюбляется главный герой романа — Гурген и уговаривает ее выйти за него замуж. Она соглашается и вскоре умирает от туберкулеза, успев сказать, что уходит из жизни «за грехи свои» — ведь она не была уверена, что ее муж мёртв и её предчувствия подтвердились позже. Сатеник, Рузанна, до самой смерти заботящаяся о детях, спрятанных в шалаше на развалинах, блаженная тётушка Вардуи — все они — собирательный образ армянской женщины: трудолюбивой, молчаливой, доброй, скромной.

Роман «В ожидании Ковчега» не только историческое повествование. Это еще и роман-притча (отсюда и название). Главный персонаж романа — Гурген, из мирного пастуха-сельчанина ставшего гигантом-хмбапетом, нагонял ужас на турков и внушал этим безмерное уважение у соотечественников. Скорей всего, образ живого мертвеца, вечного и неубитого Гургена, навеян образом Мгера, сына Давида Сасунского, персонажа армянского эпоса. Мгер проводит жизнь в странствиях, в постоянной борьбе с несправедливостью, со злыми силами. Он побеждает дэва Купа, старуху-людоедку, иноземные полчища, угрожавшие Сасуну; спасает город Джезиру от наводнения, сбросив утёс в протекавшую через него реку и тем самым разделив её на два рукава. Встретив возвращающегося через него реку и тем самым разделив её на два рукава. Встретив возвращающегося в Сасун Давида, Мгер, не ведая, что это его отец, вступает с ним в единоборство и валит его наземь. Опозоренный Давид прокликает сына: он обрекает его на бессмертие и бездетность. Мгер оказался не в силах истребить несправедливость в мире; его больше не держит земля: Мгер и его конь вязнут в земле. Мгер идёт за решением своей судьбы к могилам родителей. Он слышит их голоса, предлагающие ему уда-

литься в скалу и ждать изменения мира. От удара меча Мгера скала разверзлась и приняла его вместе с конём. Один раз или дважды в год Мгер выходит из скалы и пробует, не окрепла ли земля. Убедившись, что по-прежнему она не выдерживает его тяжести, Мгер возвращается в скалу. Одному пастуху, увидевшему Мгера в приоткрывшейся скале, он сказал, что совсем оставит скалу, когда разрушится старый и будет создан справедливый мир, когда пшеничное зерно будет крупнее ореха, а ячменное — больше плода шиповника. Согласно отдельным версиям сказаний, в скале, в которой пребывает Мгер, горит вечная свеча и вращается Колесо судьбы; когда колесо остановится, герой выйдет из скалы и разрушит несправедливый мир.

История Гургена, в отличие от истории Мгера реалистична, герой романа имеет прототипы. Пастух идет в ополчение, создает отряд и разит турков. Особенно ожесточенным Гурген становится после того, как жители его деревня оказались полностью перебиты и сброшены в ров. Среди убитых — семья Гургена, его жена и единственная долгожданная дочь, скелет которой он узнает по куклке, изготовленную им самим...Бесхитростная детская игрушка становится великим символом романа и я бы рискнула сказать — души армянского народа (оба слова «кукла» и «душа» — женского рода). В куклке заложена невероятная многослойность образов. Это игрушка, которой играла девочка, убитая турками ни за что. Это личный талисман Гургена, обездоленного отца, похоронившего дочь и носящего куклку за пазухой. Она охраняет народного мстителя от пуль. Принесенная живым мертвецом на вершину горы Арарат, отнятой у армян национальной святыни, кукла — буквально фигурально — поднимается над всем личным, и превращается в символ народного горя. Независимого ученого-американца засмеяли и объявили шизофреником, хотя он описал находку и определил её возраст точно... Здесь самодельная игрушка становится завуалированным упреком народам, не признающим армянский геноцид.

Роман, начинающийся с описания мертвого Гургена, не находящего успокоения ни в одном из миров, закольцовывается его практически библейским бессмертием: *«...ходит легенда. На горе, в ледяной пещере, лежит мертвец. Раз в год, в сентябре, когда ледяная шапка горы становится меньше обычной, рассыпаются ледяные оковы, и мертвец выходит ночью на вершину. Он прислушивается: не слышно ли шума волн второго Потопа, не слышно ли скрипа весел и мачт Нового Ковчега с Праведниками, готовыми пристать к первой пристани и начать Историю с белого листа. Только тогда он сможет уйти навсегда, в Светлый Поток.*

И тогда Господь Бог возьмет чистый лист бумаги, шариковую ручку и начнет писать... Или он предпочтет клавиатуру компьютера?...»

Роман издан в 2018 году в издательстве «Медпресса», ISBN 987-5-7157-0265-2, небольшим тиражом.